

Министерство образования Республики Беларусь
Белорусский государственный университет
Факультет философии и социальных наук

Актуальные вопросы современных
социально-гуманитарных исследований

Сборник научных статей участников
XXX Республиканского конкурса научных работ студентов

Минск
2023

УДК 101.1:316(082)
А 437

Решение о депонировании вынес:
Совет факультета философии и социальных наук
Протокол № 6 от 26 декабря 2023 года

Редакционная коллегия:
кандидат социологических наук, доцент *Т. В. Бурак (отв. ред.)*;
старший преподаватель *Е. И. Климушко*.

Рецензенты:
Ксёнда О.Г., доцент кафедры социальной и организационной психологии,
кандидат психологических наук, доцент;
Языкович В.Р., заведующий кафедрой социально-гуманитарных
дисциплин БГУКИ, кандидат философских наук, доцент.

Актуальные вопросы современных социально-гуманитарных исследований : сборник научных статей участников XXX Республиканского конкурса научных работ студентов / БГУ, Факультет философии и социальных наук ; [редкол.: Т. В. Бурак (отв. ред.), Е. И. Климушко]. – Минск : БГУ, 2023. – 156 с. : табл. – Библиогр. в тексте.

В сборник включены статьи студентов и магистрантов факультета философии и социальных наук БГУ, а также авторов работ XXX Республиканского конкурса научных работ студентов 2023/2024 года.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово.....	6
Алешкевич А. В. Переживание одиночества студентами с различным уровнем эмоционального интеллекта	7
Антипова А. А. Взаимосвязь личностных особенностей и роли участников буллинга в подростковом возрасте	11
Барановский В. А. Фетишизация когнитивного пространства Беларуси	15
Бачун А. В. Ханива – продукт влияния конфуцианства?.....	19
Бутылина М. П. Половозрастные особенности эмоционального интеллекта	25
Барвашеня А. Д. Различия в представлениях о браке у девушек студенток в юности и ранней зрелости с андрогинным типом идентичности	28
Вербицкая О. Н. Феномен алекситимии в цифровую эпоху	32
Волкова Д. Д. Половые различия в уровне удовлетворенности жизнью студентов.....	36
Волосенко О. Н. Особенности эмоционального выгорания у специалистов помогающих профессий.....	39
Горбачевская Д. Н. Отношение к различным видам лжи в период ранней взрослости	42
Гулевич А. С. Переживание одиночества склонными к межличностной зависимости студентами.....	46
Казакевич Ю. Г. Особенности совладающего поведения родителей первоклассников с различным уровнем толерантности к неопределенности.....	50
Козловская А. А. Групповая сплоченность и вовлеченность как факторы построения эффективной команды.....	54
Коледа А. В. Тревожность у подростков и ее взаимосвязь с воспитательными установками родителей	58
Кочан К. В. Личностные особенности студентов с различным уровнем жизнестойкости	61
Кузина П. А. Взаимосвязь полноты сознания и особенностей решения трудных ситуаций студентами с модификациями тела	65

Кулиева С. З. Взаимосвязь привязанности в близких отношениях и особенностей доверия и недоверия студентов другим людям.....	69
Кунаховец Ю. В. Коммуникативная толерантность и стрессоустойчивость у студентов с высокой социальной активностью	74
Курачинская Д. С. Зрелищность современной биополитики в философии Дж. Агамбена	77
Кучук А. А. М. Фуко о механизмах формирования дискурса.....	82
Лепарская А. Е. Взаимосвязь тревожности и стиля принятия решений у студентов.....	86
Личевский Г. А. Проекция социально-политических идей К.Маркса в философии неомарксизма.....	90
Лунская М. О. Герменевтика фактичности как прояснение бытия в феноменологической онтологии М. Хайдеггера	95
Макась М. О. Взаимодействие ребёнка с детским церебральным параличом и нормально развивающегося ребёнка в младшем школьном возрасте в ситуации совместного решения задачи	100
Малафеевская В. С. Репрезентация в медиапространстве технологий искусственного интеллекта	104
Маметназарова М. Х. Иерархия ценностей и доступность их реализации у женщин с заболеваниями репродуктивной системы	109
Навицкая П. С. Нравственные аспекты тревоги в экзистенциальной философии П. Тиллиха	113
Носков П. П. Взаимосвязь локуса контроля и копинг-стратегий у лиц с химической аддикцией в стадии ремиссии	117
Орлович А. А. Цифровое насилие: последствия и влияние на молодежь.....	121
Савельева И. И. Особенности переживания одиночества мужчинами и женщинами в период ранней взрослости	126
Свирид М. В. Взаимосвязь личностных характеристик и уровня нарциссизма студентов	129
Тимошко В. Ю. Телевидение как символическая власть: специфика «двойных эффектов» в теории П. Бурдьё.....	133
Тихомиров Р. Х. Взаимосвязь депрессивных черт характера со статусом в группе у детей 6-7 лет.....	137
Тратинко К. А. Особенности детско-родительских отношений в семьях, находящихся в социально опасном положении	141

Хабарова М. А. Взаимосвязь уровня самоактуализации и диалогичности межличностных отношений в период ранней взрослости	145
Цыдик К. Г. Особенности эмоционального выгорания педагогов с различным уровнем профессиональной востребованности	149
Yahela Y. A. New actualizations of the philosophy of Oswald Spengler	153

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Факультет философии и социальных наук ежегодно представлен на Республиканском конкурсе научных работ студентов учреждений высшего образования по социально-гуманитарным наукам. Наши студенты и магистранты под научным руководством опытных преподавателей представляют свои научно-исследовательские проекты в тематические секции конкурса по психологии, педагогической и коррекционной психологии; философии и социологии; педагогике, теории и методике обучения и воспитания.

В XXX-м Республиканском конкурсе научных работ, который проходил в период с 1 октября 2023 г. по 10 марта 2024 г., от факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета приняли участие 55 студентов и магистрантов. Работы соответствовали высоким академическим требованиям и были выполнены на основании исследований, осуществляемых в рамках подготовки курсовых и дипломных проектов, а также магистерских диссертаций.

В результате конкурсного отбора лучших проектов 6 работ были удостоены диплома 1 категории, 16 работ – диплома 2 категории и 25 работ – диплома 3 категории. Все представленные на конкурс работы получили высокую оценку профессионального жюри за высокий уровень научно-методологического осмысления и эмпирического исследования актуальных проблем современного социально-гуманитарного знания.

Представленный Сборник научных статей является апробацией научно и социально значимых результатов, которые были получены авторами в результате кропотливых теоретических и эмпирических исследований с использованием современных методологических стратегий.

Опирающиеся на принципы системности и междисциплинарности научные статьи окажутся востребованными при исследовании мировоззренческих аспектов трансформации ключевых сфер современных обществ в условиях нестабильности и кризиса.

Редакционная коллегия

ПЕРЕЖИВАНИЕ ОДИНОЧЕСТВА СТУДЕНТАМИ С РАЗЛИЧНЫМ УРОВНЕМ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА

А. В. Алешкевич

Nastayaleshkevich@gmail.com;

Научный руководитель – Е.И. Цюхай, старший преподаватель

В статье представлены результаты исследования взаимосвязи переживания одиночества и эмоционального интеллекта у студентов. Студенты с низким уровнем эмоционального интеллекта острее переживают одиночество. Выдвинуто предположение о существовании некоторого оптимума эмоционального интеллекта, необходимого для эффективного общения. Полученные результаты могут быть использованы практическими психологами при гармонизации переживания одиночества студентами, а также в просветительской работе.

Ключевые слова: переживание одиночества; позитивное одиночество; эмоциональный интеллект; внутриличностный эмоциональный интеллект; студенты.

Одиночество – нормативное переживание, на основе которого в социальном пространстве / времени формируется специфическое состояние [1].

Субъективное переживание одиночества может возникать у каждого человека. Уникальность данного феномена заключается в том, что он проявляется у разных людей и отличается силой и эмоциональным оттенком. Зачастую отмечается только максимальная сила переживания, тогда как незначительные его проявления почти не фиксируются. Внешняя социальная изоляция может способствовать появлению одиночества или увеличивать его основные признаки [2].

Период обучения в вузе сопряжен со сложностями адаптации к новым условиям: освоение новых социальных ролей, самореализация и др. Процессы переживания одиночества, с одной стороны, помогают студентам осознавать и справляться с данными трудностями, с другой стороны, негативные переживания могут стать причиной дезадаптации.

Развитый эмоциональный интеллект позволяет легче устанавливать и поддерживать близкие отношения. Умение наладить эффективное общение способствует снижению остроты переживания одиночества. Другими словами, если студент не испытывает трудностей при распознавании собственных и чужих эмоций, понимании вызвавших их причин, а также при управлении ими, то ему легче устанавливать и поддерживать близкие отношения, что уменьшает вероятность переживания одиночества.

Исследование. Гипотезой исследования стало предположение о существовании взаимосвязи между уровнем эмоционального интеллекта и переживанием одиночества: студенты с низким уровнем эмоционального интеллекта острее переживают одиночество.

В исследовании принял участие 91 студент высших учебных заведений

г. Минска (45 девушек и 46 юношей). Средний возраст – 18,6 лет.

Для сбора эмпирических данных использовались:

- 1) Дифференциальный опросник переживания одиночества (ДОПО-3к), разработанный Д.А. Леонтьевым и Е.Н. Осиным;
- 2) методика диагностики эмоционального интеллекта (МЭИ), разработанная М.А. Манойловой.

Полученные данные были подвергнуты статистической обработке при помощи пакета SPSS Statistics v. 17 с применением U-критерия Манна-Уитни и коэффициента ранговой корреляции Спирмена.

Результаты. Обнаружены значимые различия в средних значениях переживания одиночества между группами студентов с различным уровнем эмоционального интеллекта. Студенты с низким уровнем эмоционального интеллекта демонстрируют более высокие баллы общего уровня переживания одиночества по сравнению со студентами со средним и высоким уровнем интеллекта ($p=0,05$). Статистически значимых различий по шкалам «Зависимость от общения» и «Позитивное одиночество» между группами обнаружено не было.

Выявленные статистически значимые корреляционные связи между шкалами опросников МЭИ и ДОПО-3к приведены в таблице.

Таблица

Значимые корреляции между шкалами опросников МЭИ и ДОПО-3к

Шкалы	Общее переживание одиночества	Зависимость от общения	Позитивное одиночество
Осознание своих чувств	- 0,417**	-0,298**	–
Управление своими чувствами	- 0,579**	–	–
Внутриличностный аспект эмоционального интеллекта	- 0,505**	-0,238**	–
Интегральный показатель эмоционального интеллекта	- 0,423**	–	–

** Корреляция значима на уровне 0,01

Выявленная обратная связь между шкалами «Общее переживание одиночества» и «Осознание своих чувств» свидетельствует о повышении вероятности негативных переживаний одиночества в случае недостаточного осознания собственных чувств. Возможно, навык хорошего распознавания своих эмоций упрощает интерпретацию ситуации. Таким студентам легче проанализировать какие действия и события привели к данному состоянию, что в будущем позволяет скорректировать собственное поведение и тем самым снизить уровень негативных переживаний. Данные результаты частично совпадают с исследованиями В.И. Косициной и И.В. Вознюк [3; 4].

Обратная взаимосвязь между шкалами «Общее переживание одиночества» и «Управление своими чувствами» указывает на роль навыков управления своими эмоциями в регуляции уровня переживаний одиночества. Несомненно, легче и приятнее общаться с человеком, адекватно реагирующим на ситуацию и контролирующим свои эмоциональные порывы. Управление собственными чувствами помогает наладить более близкие взаимоотношения, в результате чего одиночество переживается менее остро.

Кроме того, чем менее негативно воспринимается студентами пребывание в одиночестве (дисфория одиночества), тем легче дается понимание и контроль внешнего выражения своих эмоций; это говорит о высоком уровне у них внутриличностного эмоционального интеллекта. В работах О.С. Васильевой и С.Н. Черновой утверждается, что студенты, которые не пытаются избежать одиночества с помощью общения с другими людьми, имеют более развитые навыки управления эмоциями, контроля экспрессии и внутриличностный эмоциональный интеллект [5].

Средняя обратная связь между «Общим переживанием одиночества» и «Внутриличностным аспектом эмоционального интеллекта» свидетельствует о том, что лучшее понимание собственного состояния увеличивает толерантность к негативным переживаниям одиночества.

Установленная обратная взаимосвязь между шкалами «Зависимость от общения» и «Осознание своих чувств» позволяет говорить о том, что непонимание собственных эмоций побуждает человека к поиску общения, чтобы понять природу своих чувств. Попытка установления многочисленных социальных контактов во избежание одиночества, лишь усиливает негативные переживания, снижая способность понимания себя.

Об этом же свидетельствует обратная связь между шкалами «Зависимость от общения» и «Внутриличностный аспект эмоционального интеллекта». С развитием эмоционального самосознания и самоконтроля потребность в постоянном общении снижается. Окружение себя другими людьми с целью не близкого, а поверхностного общения лишают человека возможности побыть одному и отрефлексировать текущую ситуацию.

В результате гипотеза исследования была подтверждена: выявлена обратная связь между «Общим переживанием одиночества» и «Интегральным показателем эмоционального интеллекта». Студентам с недостаточно развитыми навыками распознавания эмоций и управления ими свойственен более высокий уровень переживания одиночества. Респонденты с более высоким уровнем эмоционального интеллекта менее склонны переживать одиночество как негативное чувство. В то время как компетентность в отношении собственных эмоций позволяет легче устанавливать и поддерживать близкие отношения и снижать уровень переживания одиночества. В некотором смысле это перекликается с результатами исследования В.С. Лу-

киной и С.Е. Хохоловой, предположивших, что понимание истинных собственных чувств и желание избежать их критики побуждают человека стремиться к уединению [6].

Таким образом, достаточно развитый эмоциональный интеллект способствует не только лучшему пониманию собственных и чужих эмоций в общении, но и толерантному отношению к одиночеству. Можно предположить, что существует некоторый оптимум эмоционального интеллекта, необходимый для достижения взаимопонимания в общении и не допускающий чрезмерной сосредоточенности на чувствах, приводящих к отчуждению.

Библиографические ссылки

1. *Олейник, Н.О.* Теоретическая модель переживания одиночества // *Философия. Психология. Социология*. 2016. Т. 1, № 2. С. 104–110.
2. *Слободчиков, И.М.* Переживание одиночества в контексте проблем психологической адаптации студентов психолого-педагогических вузов // *Психологическая наука и образование*. 2005. № 4. С. 16–24.
3. *Косицина, В.И., Рогачева, А.Д.* Связь уровней эмоционального интеллекта с разными уровнями субъективного ощущения одиночества у студентов военных специальностей // *International journal of medicine and psychology*. 2003. Т. 3, № 2. С. 74–77.
4. *Вознюк, И.В., Колесниченко, Л.А.* Связь уровня эмоционального интеллекта с чувством одиночества // *Международный научный журнал Интернаука*. 2017. № 8. С. 30–36.
5. *Васильева, О.С., Чернова, С.Н.* Особенности взаимосвязей между переживанием одиночества и эмоциональным интеллектом у студентов // *Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта*. 2022. № 8. С. 449–459.
6. *Лукина, В.С., Хохолова, С.Е.* Взаимосвязь эмоционального интеллекта и одиночества в юношеском возрасте // *Международный студенческий научный вестник*. 2015. № 5. С. 176–177.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ И РОЛИ УЧАСТНИКОВ БУЛЛИНГА В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

А. А. Антипова

anna.malukhina@mail.ru;

Научный руководитель — Н.В. Король, старший преподаватель

В публикации автор обращается к проблеме буллинга среди подростков в школьной среде. Буллинг - наиболее часто встречающийся вызов в современных школах, который создает психологическую напряженность в образовательной среде, провоцирует риски психологической безопасности и антивиталяного поведения. Важно отметить, в данной статье подробно описаны психологические переживания подростков в ситуации буллинга. Результаты проведенного исследования подтверждают наличие взаимосвязи личностных особенностей и позиций в ситуации буллинга у подростков. Данная работа может выступать основой для проведения дальнейших исследований; базой для разработки мероприятий и программы, направленных на создание безопасной школьной среды; развитие личностных качеств учащихся.

Ключевые слова: буллинг; виктимизация; агрессивность; позиции в буллинге; подростки; агрессивность; ригидность; фрустрация; тревожность; самоэффективность.

В статье анализируются полученные данные в ходе исследования взаимосвязи личностных особенностей и роли участников буллинга в подростковом возрасте. Установление связи исследуемых особенностей личности подростков косвенно указывает на занимаемую им позицию (роль) в ситуации буллинга. Автор обращается к проблеме школьного буллинга для его более детального исследования и прогнозирования в условиях изменяющейся реальности.

Подход Д. Олвеуса рассматривает буллинг как неоднократные и повторяющиеся с течением времени негативные действия со стороны одного или нескольких учащихся в отношении жертвы, с намерением причинить ей вред: (1) буллинг является преднамеренным и умышленным; (2) он всегда происходит в ситуации дисбаланса сил; (3) ситуации буллинга повторяются с течением времени [5]. Классификация позиций в буллинге П. Смита и К. Ананаида выделяет следующие позиции (роли): инициатор, помощник инициатора, защитник жертвы, жертва и наблюдатель [6].

В рамках исследования школьного буллинга применялись методики, направленные на выявление личностных особенностей школьников в ситуации буллинга: «Самооценка психических состояний в адаптации Перешитой Н.В., Заостровцевой М.Н.» и «Методика изучения общей самоэффективности личности Р. Шварцер, М. Ерусалем в адаптации В. Ромека» [2, 4]. К личностным особенностям участников буллинга относятся следующие критерии: уровень тревожности, уровень фрустрация, уровень ригидности,

уровень агрессивности, а также уровень самоофективности. Выборку исследования составили 122 респондента подросткового возраста, 75 респондентов женского пола, 47 – мужского. Для интерпретации полученных ответов из опросника Д. Ольшеуса «Роли жертвы и агрессора в ситуации школьного буллинга» в адаптации Бушиной Е.В., Муминовой А.М.» было выведено две контрольные шкалы: шкала виктимизации и шкала агрессии [1]. На основе полученных данных можно предполагать, что такое явление как буллинг достаточно распространено среди подростков [3].

Рассмотрим полученные результаты исследования (таблица). Шкала виктимизации выражает связь:

1. сильная положительная между уровнем виктимизации и уровнем тревожности ($r=0,273$, $p=0,002$) и уровнем фрустрации ($r=0,312$, $p<0,001$);

2.слабая положительная связь между уровнем виктимизации и уровнем ригидности ($r=0,183$, $p=0,044$) и агрессивности ($r=0,184$, $p=0,043$);

3.сильная обратная связь между уровнем виктимизации и уровнем самоофективности ($r=-0,243$, $p<0,001$).

Шкала агрессии выражает связь:

1.сильная положительная связь между уровнем агрессии и уровнем агрессивности ($r=0,418$, $p<0,001$);

2.умеренная положительная связь между уровнем агрессии и уровнем фрустрации ($r=0,196$, $p=0,030$);

3.сильная положительная связь между уровнем виктимизации и уровнем агрессии ($r=0,372$, $p<0,001$).

Таблица

Корреляционный анализ личностных особенностей и позиции в ситуации буллинга у подростков

Шкалы		Виктимизация	Агрессия
Тревожность	Коэффициент корреляции	0.273**	0.133
	знач. (двухсторонняя)	0.002	0.143
Фрустрация	Коэффициент корреляции	0.312**	0.196*
	знач. (двухсторонняя)	<0.001	0.030
Агрессивность	Коэффициент корреляции	0.184*	0.418**
	знач. (двухсторонняя)	0.043	<0.001
Ригидность	Коэффициент корреляции	0.183*	0.171
	знач. (двухсторонняя)	0.044	0.060
Самоофективность	Коэффициент корреляции	-0.243**	-0.034
	знач. (двухсторонняя)	0.007	0.708
Виктимизация	Коэффициент корреляции	1.000	0.372**
	знач. (двухсторонняя)	.	<0.001
Агрессия	Коэффициент корреляции	0.372**	1.000
	знач. (двухсторонняя)	<0.001	.

Говоря о шкале виктимизации: полученные данные свидетельствуют о том, что в позиции «жертвы» подросток имеет высокий уровень тревожности и фрустрации. Уровень тревожности соответствует внутреннему психологическому состоянию подростка, который сталкивается с буллингом. Можно предположить, что такой подросток при однократном столкновении с буллингом с низким показателем тревожности расположен к более дипломатичной тактике поведения с агрессором; подросток склонен к самоанализу и навыкам психологической устойчивости, присуще попытка привлечь внимание взрослых для предупреждения ситуации. Однако подросток с высоким уровнем тревожности склонен к эмоциональной реакции на агрессию извне, чувству апатии. Нередко формируется страх перед походом в школу и встречей с обидчиками, если буллинг носит продолжительный характер. Формируется устойчивый страх рассказать взрослым о третировании, сопровождается это сниженной самооценкой и физиологическими осложнениями в виде психосоматических симптомов. С другой стороны, полученные данные свидетельствуют о том, что наиболее часто «жертва» имеет средние показатели уровня фрустрации. Это может говорить о процессе «привыкания» жертвы к травле в школьной среде. С частой регулярностью буллинга у жертвы формируется устойчивость к стрессовым факторам и неблагоприятным событиям в конфликте с учащимися. Можно сделать предположение, что с частотой виктимизации возрастает адаптивность и устойчивость подростка к буллингу. Однако это может являться неблагоприятной предпосылкой для формирования жизненной установки «быть жертвой». Виктимный подросток в равной степени проявляет ответную агрессию для защиты или предупреждения обидчика. Чаще жертва предрасположена к среднему значению ригидности, что говорит о умении подстраиваться под ситуацию, пытаться держать ситуацию под контролем. Подросток может иметь низкую успеваемость, низкую работоспособность и низкую мотивацию при занимаемой им позиции «жертвы» в буллинге. Для виктимных подростков небезопасная школьная среда становится первопричиной проблемного поведения, асоциального взаимодействия и невозможности получать качественное образование. В особенности, эти факторы являются наиболее часто встречаемыми у подростков с высокими показателями личностных особенностей как фрустрация, ригидность и тревожность. Для таких школьников необходимо организовать внеклассную деятельность, направленную на развитие их личностных способностей. В ходе корреляционного анализа нами была выявлена обратная связь показателей виктимизации и самоэффективности. Следуя из этого, мы предполагаем, что наиболее высокую успеваемость и самостоятельность проявляют школьники с наименьшим уровнем исследуемых нами личностных особенностей.

Говоря о шкале агрессии: полученные данные свидетельствуют о том, что чем более выражен уровень агрессии у подростка, тем более высокий риск

агрессивного поведения. Анализируя изученную нами литературу в отношении буллинга, мы предполагаем, что данные показатели характерны для таких позиций в буллинге как агрессор, помощник агрессора и в некоторых случаях это жертва. Подростки, имеющие проблемное поведение, склонны к вспыльчивому агрессивному взаимодействию. Непонимание своих и чужих эмоций является межличностным барьером для адекватного и безопасного взаимодействия. Подростки, испытывающие трудности в школьной среде, подвергающиеся буллингу или наблюдающие его, чаще склонны проявлять агрессию к более физически слабым лицам для компенсации личных переживаний или выступать защитниками против равноценных в силе обидчиков. Полученные данные говорят о том, что жертвы не всегда являются «беспомощными». Вероятно, эти учащиеся чаще занимают позицию помощника агрессора или защитника жертвы. Полученные нами данные согласуются с мнением о том, что роль жертвы и агрессора переменчива на протяжении жизни человека и зависит от ситуативных особенностей.

Полученные данные можно использовать в дальнейших исследованиях буллинга в школьной среде нашей страны. Мы рекомендуем изучить содержание нашего исследования педагогам-психологам и родителям подростков для более глубокого понимания проблемы школьного буллинга.

Библиографические ссылки

1. Бушина Е.В., Муминова А.М. Адаптация русскоязычной версии опросника Ольвеуса «Роли жертвы и агрессора в ситуации школьного буллинга» // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. No 2. С. 197—216.
2. Перешейна Н.В., Заостровцева М.Н. Г. Айзенка «Самооценка психических состояний личности». /Девиантный школьник: Профилактика и коррекция отклонений. М.: ТЦ Сфера, 2006. 192 с.
3. Король Н.В., Антипова А.А. Распространенность школьного буллинга в подростковой среде // Universum: психология и образование : электрон. научн. журн. 2023. 6(108). URL: <https://7universum.com/ru/psy/archive/item/15587> (дата обращения: 16.01.2024).
4. Шварцер Р., Ерусалем М., Ромек В. Русская версия шкалы общей самооффективности Р. Шварцера и М. Ерусалема // Иностранная психология. – 1996. - № 7. – С. 71-77.
5. Olweus D. Bully/victim problems in school: Facts and intervention. European Journal of Psychology of Education. – 1991. - Vol. 12. - P. 495-510.
6. Smith Peter K., Ananiadou Katerina. The Nature of Bullying and the Effectiveness of School-Based Interventions // Journal of Applied Psychoanalytic Studies. 2003. Vol. 5. N 2.

ФЕТИШИЗАЦИЯ КОГНИТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА БЕЛАРУСИ

В. А. Барановский

baranowski567@outlook.com;

*Научный руководитель – А. Н. Данилов, доктор социологических наук,
профессор*

В статье структурно-семантически раскрыт психологический феномен фетишизации; предложены комбинации операционных переменных, регулирующих процесс фетишизирования социальных и индивидуальных действий.

Ключевые слова: фетишизация; фетиш; фобиогенность; устойчивость предвосхищения; контрфрустрирующий цикл; регрессионная модель; когнитивно-поведенческая ремодификация.

Эмоциональный компонент в жизни отдельного человека и группы людей обладает свойством «центральности». Центрирование эмоций в поведенческой регуляции обеспечивается за счёт нанесения систематического вреда внутренним органам и центральной нервной системе (Алкоголь, наркотические средства различной дозировки, степени опасности) (физиологический фактор); несоответствия качественных характеристик поведенческих моделей человека (интенсивность проявления, частота, мотивированность) уровню социального динамизма, следствием чего является формирование «коллективной фрустрации» и возникает запрос на «седативизацию» социальных процессов. Именно «седативизация» социальных процессов является методологической основой для разработки психологических операций разного уровня сложности, структурированности, взаимосвязанности за счёт повышенной поведенческой чувствительности социального организма к эмоциональным стимулам-драйверам. Программным свойством «седативизации» является коллективное «размывание» исторической памяти, основанное на социальной ответственности гражданина перед государством, взрослого перед ребёнком, взрослого ребёнка перед пожилым родителем.

Популяризация проводилась через средства массовой информации, контролируемые правительствами Европейского Союза. Возникает закономерный вопрос: каким образом это делается? В данной статье будет рассмотрен вопрос внешнерегулируемого контроля бихевиоральных импульсов больших социальных групп, основанного на *фетишизации*.

Фетишизация – процесс усиления эмоционально-физиологической зависимости организма от вытесненных поведенческих стремлений в период высокой фрустрационной удовлетворяемости (как правило, период детства и отрочества).

Фетиш – вытесненное поведенческое стремление (регрессионная модель), активизация которого обусловлена стремлением к познанию мира, регулируемая отсутствием необходимой для этого информации, референтными субъектами в период высокой фрустрационной удовлетворяемости (как правило, период детства и отрочества).

Рассмотрим базовый пример вытесненного поведенческого стремления в период детства, который позже трансформируется в фетиш.

У ребёнка в возрасте 5 лет существует физиологически обусловленная потребность удаления из организма отработанных биологических материалов. Задача родителей – научить ребёнка правильно «ходить в туалет». В процессе данного научения, преимущественно в первый раз, ребёнок, как и все другие его сверстники, сталкиваются с трудностями и, следовательно, в некоторых случаях, наблюдается рост доли негативизации коммуникативных фрагментов со стороны родителей, направленных на усвоение правильности реализации данного поведенческого стремления.

В рассмотренном примере формализуем *структуру операционных переменных, регулирующих процесс фетишизации поведенческих стремлений в период «взрослой жизни»*. После неправильного выполнения действия ребёнком (до обучения) у него возникает фрустрационное фобигенное предвосхищение. Следующим этапом является фрустрирование неправильно выполненного действия значимыми другими (родителями), которые по окончании процесса фрустрирования показывают ребёнку, как это нужно делать правильно (репрезентация средства нейтрализации (контрфрустрогенный цикл)). Таким образом, ***фобигенность, устойчивость предвосхищения в структуре контрфрустрогенного цикла и количества предъявленных контрфрустрогенных циклов***, являются операционными переменными, которые регулируют:

- уровень когнитивно-поведенческой ремодификации (далее – КПРм) (сублимации) регрессионной модели в отчётном периоде;

- уровень реакционности на сублимированную в отчётном периоде регрессионную модель. В данном случае уровень КПРм прямо пропорционален уровню реакционности.

Стоит отметить, что в процессе реализации воспитательных стратегий родителями *фобигенность взаимодействия* со стороны ребёнка является универсальным и непреложным свойством в силу их высокой значимости для него; устойчивость предвосхищения зависит от устойчивости взаимодействия в той или иной значимой для индивида социальной группе.

Осуществляется данный процесс в соответствии со следующими формализованными комбинациями операционных переменных (см. табл.), которые обладают определённой спецификацией психико-технологических свойств в ходе сублимации регрессионной модели:

Спецификация психико-технологических свойств формализованных комбинаций операционных переменных

Комбинация операционных переменных	Психико-технологическая спецификация
1) Высокая фобиогенность + высокая устойчивость + низкое количество контрфрустрогенных циклов	Высокий уровень КПРм в отчётном периоде
2) Низкая фобиогенность + низкая устойчивость + низкое количество контрфрустрогенных циклов	Уровень КПРм зависит от контрфрустрогенности вытесненного поведенческого стремления в отчётном периоде и психико-технологического статуса комплексной репрезентации эмоционального реагирования референтных субъектов (родители, государство) в период детства. Одним из примеров является увеличение гражданской активности в форме первомайских социалистических демонстраций в период 1970-х гг. посредством частичного увеличения в политическом поле СССР идеологического плюрализма.
3) Низкая фобиогенность + высокая устойчивость + высокое количество контрфрустрогенных циклов	Низкий уровень КПРм в силу референтности объекта энергетической деактивации (далее – ЭД) (друзья) для субъекта в отчётном периоде
4) Низкая фобиогенность + низкая устойчивость + высокое количество контрфрустрогенных циклов	Уровень КПРм зависит от фобиогенности при отчётном предъявлении
5) Низкая фобиогенность + высокая устойчивость + низкое количество контрфрустрогенных циклов.	Уровень КПРм зависит от контрфрустрогенности группы ЭД (друзья) для субъекта в отчётном периоде.
6) Высокая фобиогенность + низкая устойчивость + высокое количество контрфрустрогенных циклов.	Низкий уровень КПРм (когнитивная ремодификация базируется на фрустрировании группы ЭД острым стрессогенным импульсом (неустойчивость предъявления обуславливает сверхмедианную эффективность))
7) Высокая фобиогенность + низкая устойчивость + низкое количество контрфрустрогенных циклов.	Низкий уровень КПРм
8) Высокая фобиогенность + высокая устойчивость + высокое количество контрфрустрогенных циклов.	Низкий уровень КПРм (когнитивная ремодификация базируется на фрустрировании группы ЭД острым стрессогенным импульсом (низкая эффективность)).

Таким образом, центральным операционным драйвером реакций КПРм является *фобиогенность*. Фобиогенность взаимодействия в базисном периоде является катализатором поведенческого репрограммирования и проводником (связующим элементом) психико-технологической структуры реакции отчётного и базисного периода (мнемико-эмогенная синхронизация) и обуславливает зависимость поведенческого репрограммирования от психико-технологической структуры реакции базисного периода. Отсутствие фобиогенности взаимодействия в базисном периоде обуславливает зависимость поведенческого репрограммирования от психико-технологической структуры реакции отчётного периода.

Библиографические ссылки

1. О рассмотрении Проекта новой Концепции национальной безопасности Республики Беларусь: постановление Совета Безопасности Республики Беларусь, 6 марта 2023 г. №1 [Электронный ресурс] // Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2023 – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P223s0001>. (дата доступа: 08.10.2023).
2. Совещание по проекту новой редакции Жилищного кодекса [Электронный ресурс]. URL: <https://president.gov.by/ru/events/soveschanie-po-proektu-novoj-redaktsii-zhilischnogo-kodeksa-17216>. (дата доступа: 08.10.2023).

ХАНИВА – ПРОДУКТ ВЛИЯНИЯ КОНФУЦИАНСТВА?

А. В. Бачун

himikava@gmail.com:

Научный руководитель — Т. Г. Румянцева, доктор философских наук, профессор

В статье высказывается, а также осуществляется попытка проверки гипотезы, согласно которой появление керамических фигурок ханива, заменивших собою японский обычай «смерти впослед», могло быть продуктом влияния конфуцианства.

Ключевые слова: Япония, Китай, конфуцианство, ханива, Кофун, культура курганов, жертвоприношения, ритуал, Нихон сёки.

В Древнем Китае на протяжении многих веков существовал обычай захоронения вместе с умершим императором его приближённых, дабы те сопровождали его в посмертии [1]. Особенно распространён этот обычай был в период Шан-Инь (XVI-XI вв. до н.э.). В конфуцианском «Четверокнижии» упоминается, что нечеловеколюбивые деяния, вроде масштабных человеческих жертвоприношений, погубили Шан, ввиду чего династия утратила Мандат Небес и потеряла власть [2; 3, с. 191-199]. Династия Чжоу считалась конфуцианцами более человеколюбивой в том отношении, что после победы над Шан ей были исключены кровавые и слишком расточительные ритуалы [2; 4]. Основатели Чжоу – Вэнь-ван, У-ван и Чжоу-гун – особенно отмечаются в конфуцианской традиции, как гуманные и мудрые правители. В этом ключе в «Четверокнижии» Вэнь-ван упоминается не менее 40 раз, У-ван – не менее 20 раз, Чжоу-гун – не менее 15 раз, при этом последний в конфуцианской традиции значится автором «Канона расчёта чжоуского гномона» – математико-астрономического трактата, который конфуцианская традиция относит к себе [5; 2].

Похожий обычай захоронения вместе с императором его приближённых для сопровождения в посмертии, упоминаемый в «Нихон сёки» («Японская летопись», 720 г.) и переведённый Л. М. Ермаковой и А. Н. Мещеряковым на русский язык как «обычай смерти впослед», существовал и в Древней Японии по крайней мере до I века, пока не был отменён императором Суйнином, который посчитал данный обычай негуманным [6]. С тех пор и вплоть до окончания культуры курганов (VI век) вместо людей в гробницы стали помещать то, что называется «ханива». «Нихон сёки» говорит об этом следующее (перевод Х. Сато, Р. В. Котенко):

«Зимой 28-го года правления императора Суйнина в 5-й день 10-го месяца умер принц Ямато Хико, брат матери императора.

Во 2-й день 11-го месяца принц Ямато Хико был погребён в Цукусима, Муса. Его близких слуг поставили вдоль края могилы и похоронили вместе с ним. Они были живы ещё несколько дней, кричали, стонали. Когда же они наконец умерли, их трупы начали гнить и разлагаться. Собаки и вороны пожирали их. Император Суйнин, слыша крики и стоны, счёл их невыносимыми. Он сказал своим сановникам:

“Заставлять людей следовать смерти за господином только потому, что он любил их при жизни, - ужасно. Да, это древний обычай, но мы не должны следовать ему, если он плох. Обсудите между собой, как нам прервать этот ритуал...”

Осенью 32-го года, 6-го числа 7-го месяца умерла принцесса Хибасу, одна из его жён. День похорон был отодвинут. Император сказал своим сановникам: “Я говорил, что жестоко заставлять живых людей следовать за умершим. Что нам надлежит сделать в этот раз, когда близятся похороны?”

“Погребать живых людей в усыпальнице члена императорской семьи не мудро, – сказал Номи-но Сукунэ. – Если мы поступим так, как мы расскажем о нём последующим поколениям? С вашего позволения, я придумаю что-нибудь и доложу”.

Он отправил посланника и вызвал сто гончаров из провинции Идзумо. Он лично следил за тем, как они получали глину и лепили из неё людей, лошадей и прочее. Затем он принёс эти фигуры императору и сказал: “Отныне вместо живых людей в усыпальницу будут опускаться такие глиняные фигуры. Пусть это станет законом для последующих поколений”.

Император был очень доволен. Он сказал Номи-но Сукунэ: “Ваше решение полностью соответствует моим желаниям”.

Так в усыпальницу принцессы Хибасу впервые были опущены глиняные фигуры... Затем вышел императорский эдикт, гласивший:

“Отныне следует делать глиняные фигуры и не вредить людям”» [6].

Очевидно, что фраза «следовать за мёртвыми» предполагала, что захороненное с умершим будет пребывать с ним в ином мире, как и слуги – сопровождать и выполнять приказания. Именно с этой целью, например, в Древнем Египте в гробницы фараонов помещались ушебти – человекоподобные фигурки, которые в сущности были тем же самым, что и человекоподобные ханива в Японии. Любопытно, что по мнению египтолога Дж. Спенсера, ушебти тоже заменили собой человеческие жертвоприношения слуг [7]. Стоит вспомнить о Цинь Ши-хуанди, который велел построить терракотовую армию, чтобы терракотовые воины сопровождали его после смерти. Китайский историограф Сыма Цянь в «Исторических записках» писал, что несмотря на то, что терракотовые воины строились как раз с той целью, чтобы заменить живых, это не помешало захоронить там же всех бездетных налож-

ниц императора и работавших мастеров. Цинь Ши-хуан, однако, совершенно не был конфуцианцем, а совсем наоборот – гонителем конфуцианцев, утвердившим принцип «только земледелия и войны» [8, с. 24, 35, 65]. Древние египтяне, в свою очередь, и вовсе не имели отношения к конфуцианству, несмотря на любопытную историко-археологическую параллель. С Японией и японцами же ситуация иная – данный регион имеет к конфуцианству непосредственное отношение, входя в сферу, выражаясь термином Л. С. Васильева, «конфуцианской цивилизации» [9]. Вопрос лишь в том, имеет ли отношение к конфуцианству возникновение феномена ханива, наподобие того, как в самом Китае на рубеже эпох Инь и Чжоу отказывались от принесения в жертву живых людей. Во всяком случае, вышеизложенный пассаж из «Нихон сёки», будучи очень похожим на пассажи конфуцианских канонов и хроник, даёт повод предположить, что возникновение ханива действительно являлось продуктом конфуцианского влияния.

Следует отметить, что некоторые фрагменты «Нихон сёки» схожи с конфуцианскими текстами отнюдь не случайно – Л. М. Ермакова и А. Н. Мещеряков в своём введении к «Нихон сёки» констатируют, что «составители “Нихон сёки” находились под непосредственным влиянием китайской исторической традиции» [6]. Но означает ли это непосредственное влияние конфуцианства? Дальнейший анализ данной хроники показывает, что влияние конфуцианства при составлении «Нихон сёки» имеет место: это и этос текста – некоторые формулировки свитка №1, как отмечает А. Н. Мещеряков, отличаются от того же молитвослова «Норито» большей сдержанностью, что объясняется им как раз-таки влиянием конфуцианства; это и использование местами конфуцианских категорий – например, в свитках №3, №7 и №10 встречаем упоминания принципа сыновней почтительности, а в свитке №12 – упоминание совершенномудрого; кроме прочего, имеют место перефразы из конфуцианских канонов – например, в свитке №6 А. Н. Мещеряков упоминает о перефразе из «Ли цзи» («Записки о правилах благопристойности») [6]. Тем менее удивительны данные факты, учитывая то, что по словам Л. М. Ермаковой и А. Н. Мещерякова «“Нихон сёки” написано на правильном, часто высоком китайском языке, что, вероятно, свидетельствует о том, что к составлению памятника были привлечены и так называемые торайдзин – “люди, пришедшие из-за моря”, то есть китайские и корейские ученые писцы, располагавшие набором основных книг из китайского классического наследия, а также официальных летописей разных царств Китая и Кореи, вследствие чего “Нихон сёки” оказалось насыщено прямыми и скрытыми цитатами из этих памятников» [6]. Таким образом, имеются все основания считать, что пассаж в «Нихон сёки» о появлении ханива испытал на себе конфуцианское влияние. Однако ли справедливо ли это же утверждение по отношению к самим ханива?

Для того, чтобы приблизиться к разгадке, нужно сначала ответить на другой вопрос: что исторически появилось раньше – конфуцианство в Японии или ханива? Конечно, «раньше» не значит «по причине», однако в этом вопросе содержится принципиальный момент – для того, чтобы утверждать, что появление ханива обусловлено конфуцианским влиянием, необходимо, чтобы эти самые ханива появились на почве уже существующего некоего «конфуцианского субстрата» в лице человека или группы людей, уже знакомых с конфуцианством в той или иной мере.

Мнения японоведов в вопросе о времени появления конфуцианства в Японии расходятся. Н. И. Конрад на этот счёт утверждает, ссылаясь на «Кодзики», что конфуцианство проникло в Японию в 285-м году, вместе с корейским учёным Вани, поднесшим императору Одзину «Тысячесловие» (классический китайский мнемонический текст для заучивания иероглифов) и «Лунь юй» [10, с. 35]. Таким образом, по мнению Н. И. Конрада конфуцианство в Японию могло проникнуть в III веке [10, с. 35]. Можно предположить, что технически конфуцианство могло попасть сюда и ранее – тогда же, когда в Японии появилась письменность, что Н. И. Конрад относит ко II-III векам, однако «отодвигать» таким образом дату вероятного проникновения конфуцианства рискованно, так как чем больше мы «отодвигаем» её, тем менее правдоподобной таковая дата представляется. Так, например, проникновение подобных идей из континента можно и вовсе отнести к 210 году до н.э., когда по легенде придворный маг и гадатель Сюй Фу отправился в экспедицию по восточным водам к горе Пэнлай в поисках эликсира бессмертия, и так и не вернулся, поселившись где-то на восточных островах. И хотя в «Кодзики» и «Нихон сёки» сведения о Сюй Фу отсутствуют, в Японии существует множество памятников в его честь, например таковой ему посвящён в городе Сингу префектуры Вакаяма.

В свою очередь Я. Б. Радуль-Затуловский, во-первых, отмечает, что никаких сведений о Вани, кроме как в «Нихон сёки», не сохранилось, как не сохранилось и никакого литературного наследия, предшествовавшего «Нихон сёки», тех самых торайдзин – «людей из-за моря» – сведущих в китайских «науках и литературе», которые были «бок о бок со своими повелителями из поколения в поколение» [11, с. 192]. А между тем Вани и «Нихон сёки» разделяют более четырёх веков. Я. Б. Радуль-Затуловский предполагает, что сведения о Вани и столь раннем проникновении конфуцианства на территорию Японии «являются, по-видимому, перенесением более позднего исторического явления в более ранний период истории, особенно если учесть, что первые японские письменные памятники, графически переданные по-китайски, относятся только к началу VIII в.» [11, с. 192]. Сами Л. М. Ермакова и А. Н. Мещеряков, составители русскоязычного издания «Нихон

сёки», в своём введении задаются вопросом : «...не имеем ли мы дело с более поздними стилизациями и фантазиями переписчиков и комментаторов» [6]? Во-вторых, Я. Б. Радуль-Затуловский ставит под сомнение все сообщения о приезде и деятельности Вани, говоря о том, что текст «Тысячесловия» не мог быть привезён в Японию в III веке, так как в самом Китае он был составлен только в VI веке [11, с. 195]. По мнению Я. Б. Радуль-Затуловского, проникновение в Японию конфуцианских идей и произведений начинается с деятельностью буддийских миссионеров, прибывавших из Китая и Кореи [11, с. 203]. Начало их деятельности он относит к VII веку. Наиболее раннюю дату (499 г.) можно встретить в официальной исторической хронике династии Лян – «Книге Лян» (дата составления – 589 г.) – в ней буддийский миссионер Хуэй Шэнь описывает страну Фусан. Точное местонахождение Фусана неизвестно, однако в китайской поэзии «Фусан» является поэтическим синонимом Японии по крайней мере с VIII века [12]. Так или иначе, наиболее достоверная информация о проникновении конфуцианства на территорию Японии относится к началу VII века – когда в Китай направлялось большое количество дипломатических миссий и людей из числа знати для обучения. Я. Б. Радуль-Затуловский говорит о 609 г. – тогда в Китай было отправлено для дипломатических целей и обучения группа из восьми человек, отличавшихся знаниями и способностями, среди которых были Минабути Сёан (потомок императора Одзина) и Такамуку Куромаса, впоследствии ставшие видными проповедниками конфуцианства [11, с. 203].

Возвращаясь к ханива, то, пользуясь данными археологиями, ханива были продуктом т.н. «эпохи курганов», датируемой в пределах III-VII вв. [13]. Первые ханива представляли собой глиняные цилиндры, используемые как раз для формирования курганной насыпи. Только к V веку появились т.н. «морфоподобные» ханива в форме людей и животных [14]. В середине VI века культура курганов приходила в упадок, тогда как ханива в изобилии производились в регионе Канто до VIII века [14].

Таким образом, если мы сопоставим время возникновения ханива и примерное время проникновения конфуцианства на территории Японии, то при самом оптимистичном раскладе, с доверием к традиционным японским источникам, мы сможем утверждать, что конфуцианство появилось раньше морфоподобных ханива без малого на один век, и при всём том же доверии к традиционным источникам, действительно, мы сможем утверждать, что конфуцианство внесло весомый вклад в возникновение традиции «погребения» морфоподобных глиняных фигурок вместо живых людей.

С другой стороны, при здравом скептицизме мы вынуждены констатировать, что морфоподобные ханива появились раньше конфуцианства на территории Японии, и последнее не имеет к возникновению ханива никакого

отношения, тогда как история (вернее, в нашем случае, легенда) об их возникновении, изложенная в «Нихон сёки», несомненно, испытала влияние конфуцианства, и могла быть позднейшей выдумкой составителей данной хроники.

Библиографические ссылки

1. *Мосионжик Л. А.* Смерть в Китае (эпоха древности) // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка» [Электронный ресурс]. 2000. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/smert-v-kitae-epoha-drevnosti>. (дата обращения: 14.01.2024).
2. Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы Шу»). Пер. с кит. И коммент. А. И. Кобзева, А. Е. Лукьянова, Л. С. Переломова, П. С. Попова при участии В.М. Майорова ; Вступит, ст. Л.С. Переломова ; Ин-т Дальнего Востока. М.: Вост. лит., 2004. 431 с.
3. *Крюков В. М.* Текст и ритуал: Опыт интерпретации древнекитайской эпиграфики эпохи Инь-Чжоу. М.: Памятники исторической мысли, 2000. 464 с.
4. Установления династии Чжоу (Чжоу ли). Пер. с кит., вступ. ст. С. Кучеры. М.: Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 2010. 495 с.
5. *Кобзев А. И. Еремеев В. Е.* Чжоу би суань цзин // Synologia.ru: история и культура Китая [Электронный ресурс]. 2009. URL: <https://www.synologia.ru/a/%D0%A7%D0%B6%D0%BE%D1%83%20%D0%B1%D0%B8%20%D1%81%D1%83%D0%B0%D0%BD%D1%8C%20%D1%86%D0%B7%D0%B8%D0%BD>. (дата обращения: 13.01.2024).
6. *Мещеряков А. Н., Ермакова Л. М.* Нихон сёки. Анналы Японии // Восточная литература. Средневековые исторические источники Востока и Запада [Электронный ресурс]. – 2007. – URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/VIII/720-740/Nihon_seki_I/index.phtml?id=11322. (дата обращения: 13.01.2024).
7. *Spencer A. J.* Death In Ancient Egypt. London ; Penguin Books Ltd, 1983. P. 139.
8. Книга правителя области Шан / Шан Ян ; [пр. с кит.; вступ. ст. и комм. Л. С. Переломова]. Москва : РИПОЛ классик, 2017. 426 с.
9. *Васильев Л. С.* Конфуцианская цивилизация. Москва : Азия и Африка сегодня, 1996. №2. С. 26-29.
10. *Конрад Н. И.* Лекции по истории Японии. Москва : Московский институт Востоковедения им. Нариманова при ЦИК СССР, 1937. 106 с.
11. *Радуль-Затуловский Я. Б.* Конфуцианство и его распространение в Японии / Отв. ред. Н.И. Конрад. Изд. стереотип. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 456 с.
12. *Schafer E. H.* Fusang and Beyond: The Haunted Seas to Japan. Cambridge ; Journal of the American Oriental Society, 1989. P. 379, 394.
13. *Кузнецова М. С.* Японские курганные захоронения кофун: основные аспекты исследования // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка» [Электронный ресурс]. 2018. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yaponskie-kurgannye-zahoroneniya-kofun-osnovnye-aspekty-issledovaniya>. (дата обращения: 14.01.2024).
14. *Суровень Д. А.* Проблемы царствования в Ямато правителя Икумэ (Суйнина) // Античная древность и средние века. Екатеринбург : Урал. гос. ун-т, 1998. Вып. 29. С. 193-217.

ПОЛОВОЗРАСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА

М. П. Бутылина

vyasyolkayt@gmail.com;

Научный руководитель – Ю. С. Смирнова, кандидат психологических наук, доцент

В публикации представлены различия в эмоциональном интеллекте в зависимости от пола. Объектом исследования представлен эмоциональный интеллект. Предметом исследования являются половые различия эмоционального интеллекта. Целью в исследовании ставилась характеристика половых различий эмоционального интеллекта. Рассмотрены различные точки зрения на данную тему, подтверждающие противоречивость и большой объем предстоящей работы. В ходе работы были охарактеризованы половые различия эмоционального интеллекта. Женщины, как правило, имеют более высокий уровень эмоционального интеллекта по межличностным показателям, в то время как мужчины, как правило, имеют более высокий уровень внутриличностных показателей, способностей к управлению стрессом и адаптивности.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект; пол; половые различия; половозрастные особенности.

Понятие эмоционального интеллекта все еще является предметом дискуссий, так как разные авторы представляют себе данное понятие по-разному. И. Н. Андреева определяет эмоциональный интеллект как совокупность ментальных способностей к идентификации, пониманию и управлению эмоциями [1].

Структура эмоционального интеллекта отражает его понятие и состоит из различных способностей, таких как: распознавание своих эмоций, владение эмоциями, понимание эмоций, управление эмоциями и самомотивация [1]. Важно отметить, что все компоненты эмоционального интеллекта взаимосвязаны и способствуют эффективному внутри- и межличностному взаимодействию.

Выделяют биологические и социальные предпосылки развития эмоционального интеллекта. К биологическим относят уровень эмоционального интеллекта родителей, правополушарный тип мышления, наследственные задатки эмоциональной восприимчивости, свойства темперамента, особенности переработки информации. К социальным – синтонию, степень развития самосознания ребенка, уверенность в эмоциональной компетентности, эмоционально благополучные отношения между родителями, андрогинность [1]. Развитие эмоционального интеллекта является спорной темой в психологии, так как одни авторы утверждают, что это возможно, в то время как другие говорят о его стабильности. Несмотря на это, есть эмпирические

исследования, подтверждающие первое мнение. Так, развитие может происходить с помощью курсов и тренингов, а также на протяжении всего учебного процесса.

Половые различия эмоционального интеллекта довольно противоречивы. Разные исследования показывают разные результаты, в которых либо различия вообще не выделяют, либо показывается более высокий уровень эмоционального интеллекта у представителей определенного пола. Женщины, как правило, имеют более высокий уровень эмоционального интеллекта по межличностным показателям, в то время как мужчины, как правило, имеют более высокий уровень внутриличностных показателей, способностей к управлению стрессом и адаптивности.

Интересно, что в возрасте до 10 лет мальчики и девочки существенно не отличаются в проявлениях агрессии: во время переживания эмоции гнева и те, и другие демонстрируют физическую агрессию. Однако к 13 годам девочки приобретают ряд эффективных умений в тактике вербального и невербального выражения эмоций, а мальчики продолжают проявлять свой гнев при помощи физических действий [2]. В дальнейшем у мужчин преобладает прямая агрессия (физическая и вербальная), у женщин – косвенная, или «агрессия взаимоотношений» (распространение слухов) [3].

Понимание (осмысление) эмоций преобладает у лиц женского пола. Выраженные половые различия в сфере обработки эмоциональной информации обнаруживаются уже в подростковом возрасте. Так, современные девочки в целом лучше, чем мальчики, регулируют и контролируют свои чувства, лучше их вербализуют, имеют более богатый тезаурус для описания эмоциональных состояний, у них более развит эмоциональный канал эмпатии [3].

Осознанная регуляция эмоций связана в основном с их подавлением. Мужчины в целом более сдержанны в проявлении симпатии, печали и дистресса, женщины – в проявлениях сексуальности, гнева и агрессии [2].

Взрослея, девушки верят в то, что от них требуется выразить позитивные эмоции по отношению к другим людям, в противном случае окружающие будут их осуждать. Мужчины в аналогичных ситуациях не ожидают по отношению к себе подобных последствий [3].

Результаты исследований половых различий проявления эмоционального интеллекта в разном возрасте также противоречивы. Дети, выросшие с родителями, позитивно настроенными на ребенка и себя, лучше справляются с демонстрацией различных положительных сторон эмоционального интеллекта в отличие от детей, живущих в условиях, в которых их родители недовольны или находятся в неудовлетворительных отношениях [4].

Исследование эмоционального интеллекта родителей показало интересные результаты [5]. По всем шкалам среднее значение было выше у родите-

лей мужского пола. Возможное объяснение этого состоит в том, что «в рамках самоотчета испытуемые мужского пола демонстрируют большую уверенность в своей компетентности и более высокую самооффективность» [5, с. 38].

У пожилых людей более высокий показатель эмоционального интеллекта, что говорит о том, что эмоциональный интеллект улучшается благодаря жизненному опыту, при этом половых различий не наблюдается [6]. Однако связь между эмоциональным интеллектом и возрастом очень незначительна – это означает, что, хотя у незначительного большинства пожилых людей эмоциональный интеллект выше, есть много молодых людей с более высокими показателями эмоционального интеллекта, чем у их старших коллег [7].

Некоторые исследователи говорят о неизменном состоянии эмоционального интеллекта на протяжении жизни, то есть что эмоциональный интеллект не имеет зависимости от возраста. Другое мнение состоит в том, что эмоциональный интеллект развивается во время взросления. Так установлено, что при переходе от подросткового возраста к юношескому происходит существенное увеличение уровня эмоционального интеллекта.

Библиографические ссылки

1. *Андреева, И. Н.* Эмоциональный интеллект как феномен современной психологии. Новополюк: ПГУ, 2011.
2. *Stapley, J.* Beyond depression: Gender differences in normal adolescents, emotional experiences // *Sex roles*. 1989. P. 295-308.
3. *Андреева, И. Н.* Гендерные различия в выраженности компонентов эмоционального интеллекта // *Психологический журнал*, 2008. С. 39–43.
4. *Farrell, G.* The Relationship Between Parenting Style and the Level of Emotional Intelligence in Preschool-Aged Children : dissertation for the Degree of Doctor of Psychology : 19.00.01. Philadelphia, 2015. 341 p.
5. *Комлик, Л. Ю.* Взаимосвязь эмоционального интеллекта родителей и детско-родительских отношений // *Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика*. 2017. С. 37-40.
6. *Bar-On, R.* Emotional expression and implications for occupational stress: an application of the emotional quotient inventory (EQ-I). // *Personality and Individual Differences*. 2000. P. 1107–1118.
7. *Fariselli, L., Ghini M., Freedman J.* Age and emotional intelligence [Электронный ресурс]. // *Six Seconds*, 2008. URL: https://www.researchgate.net/publication/265192824_Age_and_emotional_intelligence (Дата доступа : 27.03.2023).

РАЗЛИЧИЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ О БРАКЕ У ДЕВУШЕК СТУДентОК В ЮНОСТИ И РАННЕЙ ЗРЕЛОСТИ С АНДРОГИННЫМ ТИПОМ ИДЕНТИЧНОСТИ

А. Д. Варвашеня

anastasiaclops@gmail.com;

Научный руководитель — Л. Г. Степанова, кандидат психологических наук, доцент

В статье приводятся результаты эмпирического исследования различий в представлениях о браке у девушек в юности и ранней зрелости с андрогинным типом идентичности. Представленные данные могут быть использованы в психологическом консультировании, в психокоррекционной и просветительской работе. Изучение данного вопроса будет способствовать лучшему пониманию процесса формирования современной семьи и заключения брака.

Ключевые слова: представления о браке; ожидания в браке; притязания в браке; идентичность; семья; брак.

В формировании семьи и брака важную роль играют психосексуальные роли и половые стереотипы, которые на сегодняшний день претерпевают изменения. Модель женского поведения, которая была традиционной, вытесняется инициативной моделью поведения, ценностями индивидуального успеха. В связи с данными изменениями существует необходимость задумываться о том, каковы предпочтения в выборе брачного партнера в настоящее время у молодых людей, чем они руководствуются при этом, на что опираются, каковы представления о семье и семейных отношениях, чем они дорожат в большей степени, создавая свою семью или еще при подготовке к ее созданию.

В ходе проведения теоретического анализа проблемы представления о браке у девушек в юности и ранней зрелости с андрогинным типом идентичности было выявлено, что семья – это группа людей, объединенная кровным родством или заключением брака, члены которой связаны общностью быта, моральной и правовой ответственностью, выполняет функции воспроизводства населения, а также поддержания и социализации детей и других членов семьи. Брак – это объединение, договор между супругами о взаимном соответствии ожиданиям друг друга. Является одним из этапов развития семьи и включен в нее.

Гендерная идентичность – одна из базовых структур социальной личности, которая характеризует человека с точки зрения его принадлежности к мужской или женской группе, при этом наиболее значимо, как человек сам себя определяет. Гендерная идентичность характеризуется в категориях маскулинности и фемининности.

С течением времени категории маскулинности и фемининности, представляющие собой ожидания традиционно мужского или женского поведения соответственно, стали проявляться в чистой форме значительно реже, уступая категории андрогинности. Андрогинность — это сочетание как традиционно мужских, так и традиционно женских психологических качеств. Определенные соотношения данных характеристик традиционно описывают поведение половых групп, однако в действительности тенденции меняются и внутри одной группы поведение может быть сильно различным от индивида к индивиду.

Также претерпевает изменения и динамика развития современной семьи. В связи с этим остро встает вопрос об изучении ролевых ожиданий и установок для выявления механизмов формирования благополучных супружеских отношений. Важнейшей составляющей процесса развития семьи являются представления участников процесса о себе и своих партнерах и ожидания от брака. Так образ будущего партнера, строится на родительском сценарии, первых навыках общения, первых эротических впечатлениях и приобретенных детерминантах брака и др. Представления о будущем партнере способны сыграть ведущую роль в построении всего супружеского сценария и планировании брачно-супружеских отношений [1].

В качестве методологических оснований исследования были определены: концепция С. Бем [2] утверждающая, что немалое число людей могут обладать «дихотомическими» качествами, выражающими маскулинность и фемининность одновременно и сценарная теория Э. Берна [3].

Целью нашего исследования явилось установление различий в представлениях о браке у девушек в юности и ранней зрелости с андрогинным типом идентичности. Исходя из цели была выдвинута гипотеза о том, что существуют различия в представлениях о браке у девушек с андрогинным типом идентичности: девушки в период юности и в период ранней зрелости имеют разные ролевые ожидания и притязания в браке.

Для достижения поставленной цели, а также для проверки гипотезы, были использованы следующие методики: опросник «Полоролевой опросник» (С.С. Бем) [2] и опросник «Ролевые ожидания и притязания в браке» (РОП). Женский вариант (А.Н. Волкова, Т.М. Трапезникова) [4].

Выборку исследования составили 140 девушек с андрогинным типом идентичности 17-22 лет. Нашу выборку определили именно эти респонденты, поскольку чисто маскулинные и фемининные девушки встречаются все реже.

В ходе данной исследовательской работы было установлено, что на сегодняшний день среди девушек студенток преобладает андрогинный тип идентичности (89%), в то время как фемининный и маскулиновый встречается намного реже (9% и 2%). Это может быть обусловлено тем, что модель

женского поведения, которая ранее считалась традиционной и соответствовала фемининному типу идентичности, вытесняется инициативной моделью поведения, соответствующей андрогинному типу. То есть, девушки стали занимать более активную позицию и в семье, и в обществе. А.В. Жаров в своем исследовании также пришел к выводу о том, что подавляющее количество девушек является андрогинами (85%), представляющими собой одновременную демонстрацию человеком качеств, которые характерны для мужчин и женщин [5].

На наш взгляд, такой количественный перевес в пользу андрогинии связан с тем, что в современном мире девушки приобретают возможность в реализации того типа идентичности, который отражает результат индивидуального опыта, включающего способность преобразовывать устоявшиеся нормы и гендерные роли. Девушек все больше интересуют индивидуальный успех – самореализация, свобода, профессия, секс, деньги, карьера, более активная позиция и в семье, и в обществе.

В результате проведенного эмпирического исследования были выявлены достоверные различия в следующих шкалах: родительско-воспитательские ролевые притязания, эмоционально-психотерапевтические ролевые ожидания, ролевые ожидания и притязания внешней привлекательности.

Девушки в юности с андрогинным типом идентичности в большей степени подвержены перекладывать обязанности партнера на собственные обязанности по воспитанию детей. Девушки в юности обладают меньшим пониманием и осознанием ответственности. Чаще всего о детях говорят очень романтизировано: «плод нашей любви», «копия возлюбленного/ возлюбленной», отзываясь о них как людях, не доставляющих хлопот и проблем. Девушки в ранней зрелости подходят к вопросу материнства более осознанно, изучая данную тему. Кроме того, девушки в возрасте от 20 начинают задумываться о возможностях выстраивания карьеры и применении своих профессиональных навыков, поэтому вопросы материнства, на которые прежде всего нужно иметь какой-то стабильный заработок, отходят на второй план.

Девушки в юности с андрогинным типом идентичности в большей степени подвержены зависимости от партнера в эмоциональном плане. Можно предположить, что девушки в юности ожидают родительской позиции от партнера, поскольку сами психологически не готовы взять на себя роль «эмоционального лидера» и решать различные психологические проблемы будущей семьи. Соответственно девушки в период ранней зрелости в эмоциональном плане становятся более самостоятельными и берут ответственность сами за себя.

Девушки в юности с андрогинным типом идентичности в большей степени желают иметь внешне привлекательного партнера, а также сами стре-

мятся выглядеть привлекательно. Девушки, в связи с более юношеским возрастом и менее зрелой личностью куда более зависимы от социальных ожиданий и критериев, в которых определенные образы партнеров и самих девушек более симпатичны (к примеру, образы берутся из фильмов и сериалов, Instagram страниц).

Эмпирический материал, полученный в результате исследования, позволит уточнить и расширить имеющиеся в психологии данные о представлении о браке у девушек в юности и ранней зрелости с андрогинным типом идентичности. Результаты исследования могут быть использованы в практике преподавания дисциплин «Психология семьи», «Психологическое консультирование». Также опираясь на полученные данные, можно внести коррективы в анкеты давно существующих сайтов знакомств (к примеру, «Tinder», «Badoo», «Мята») с целью повышения количества взаимных симпатий и, как следствие, более эффективному поиску подходящего партнера.

Библиографические ссылки

1. *Бережная А. М., Лукьяненко Е. С.* Особенности представлений о брачном партнере у современных девушек // Российский психологический журнал. 2016. Т. 13. №. 1. С. 29-39.
2. *Vem, S. L.* Gender schema theory: A cognitive account of sex typing // *Psychological Review*. 1981. № 88 (4). P. 354-364.
3. *Берн Э.* Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры // М.: «Эксмо» 2004. 448 с.
4. *Волкова А. Н., Трапезникова Т. М.* Методические приемы диагностики супружеских отношений // Вопросы психологии. 2002. № 5. 746 с.
5. *Жарков, А. В.* Гендерная идентичность личности в юношеском возрасте // Актуальные проблемы формирования психолого-педагогической культуры будущих специалистов : межвуз. сб. науч. ст. с междунар. участием / М-во образования Респ. Беларусь, Баранович. гос. ун-т ; редкол.: А. Н. Унсович [и др.]. Барановичи : БарГУ, 2022. Вып. 11. С. 15–23.

ФЕНОМЕН АЛЕКСИТИМИИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

О. Н. Вербицкая

verbitskaya.psy@gmail.com;

Научный руководитель — Н. Ю. Клышевич, кандидат психологических наук, доцент

В статье поднимается вопрос алекситимии как проблемы современного индивида, чье профессиональное становление проходит в условиях цифровой среды. Приводятся данные собственного эмпирического исследования о различиях резилиентности у респондентов с разными уровнями алекситимии. Обосновывается значимость изучения алекситимических проявлений у специалистов IT-сферы.

Ключевые слова: алекситимия; IT-сфера; цифровизация; резилиентность личности.

Становление и развитие современной личности протекает в обстоятельствах активного прогресса инновационных конвергентных технологий (нейросети, искусственный интеллект, умная бытовая техника, виртуальная реальность и т.д.), молниеносного роста объемов информации и глобальной диджитализации (digitalization - цифровизация). Технические специалисты всего мира заняты созданием и развитием искусственного интеллекта, психологи – формированием и сохранением интеллекта естественного и, в частности, такой интеллектуальной способности как эмоциональный интеллект. Состояние, противоположное эмоциональному интеллекту, ассоциируют с феноменом алекситимии, суть которой, согласно концепции Р. Е. Sifneos и J. C. Nemiah, заключается в затрудненном (или вовсе недоступном) осознании, выражении и управлении собственными эмоциями, что приводит к неспособности понимать чувства и эмоциональные состояния других людей, значительно нарушая межличностную коммуникацию и социализацию индивида [1]. В качестве доступного способа регуляции эмоций, способа совладания с трудными ситуациями и стрессами алекситимичные индивиды довольно часто прибегают к неконструктивным копинг-стратегиям, в результате чего страдают от разного рода зависимостей, психосоматических и эмоциональных расстройств.

Алекситимия (от греч. а - отрицание, lexis - слово, thymos - чувство, буквально – «без слов для чувств» или «нет слов для названия чувств») рассматривается как один из основных факторов психосоматических заболеваний: бронхиальной астмы, язвы желудка, сахарного диабета, дерматитов и др. (Р. Е. Sifneos, J. C. Nemiah, Н. Grenberg, G. Taylor, Н. Krystal, В. М. Провоторов, Р. Г. Есин, Е. Ю. Брель, Н. А. Потапова и др.). Согласно исследовательским данным, до 64% психосоматических пациентов имеют выраженные алекситимические черты [2]. Кроме того, алекситимия является фактором риска в

возникновении различных аддикций (С. Vrems, G. Craparo, М. А. Падун, В. С. Собенников и др.). Исследователи из РНПЦ психического здоровья (г. Минск) зафиксировали высокий уровень алекситимии у 80% лиц с синдромом зависимости от алкоголя. Другие исследователи показывают, что алекситимия обнаруживается у 63% индивидов при анорексии, 56% - при булимии, 45% - при большом депрессивном эпизоде, 50% - при зависимых от ПАВ формах поведения, а также при расстройствах личности и сексуальных расстройствах [3].

В нашем исследовании, предметом которого явилась взаимосвязь алекситимии и резилиентности личности в период средней взрослости, было установлено, что респонденты с высоким уровнем алекситимии имеют значительно более низкий уровень резилиентности и ее компонентов, чем индивиды без алекситимии ($p \leq 0,001$).

Наиболее выпуклыми оказались различия между алекситимичными и неалекситимичными респондентами по уровню жизнестойкости ($p \leq 0,05$). Это означает, что участники исследования с алекситимией менее вовлечены в происходящее и ощущают меньшую уверенность в том, что могут влиять на события жизни, чувствуют беспомощность, в меньшей степени способны выдерживать стрессовые ситуации, сохраняя внутренний баланс и продуктивность [4].

Значимые различия также были зафиксированы по субшкале «Совладание» ($p \leq 0,05$). Полученные данные позволяют заключить, что респонденты без признаков алекситимии эффективнее справляются со стрессами и трудными жизненными ситуациями. Кроме того, выраженные алекситимические черты могут ограничивать репертуар используемых индивидом копинг-стратегий. Например, такой вид копинга, как поиск социальной поддержки, может быть малодоступен субъектам с алекситимией ввиду свойственной им нарушенности межличностного взаимодействия и конфликтности.

Установленные значимые различия по такому компоненту резилиентности, как «Самоэффективность» свидетельствуют о том, что алекситимичные респонденты в меньшей степени ориентированы на успех своей деятельности, они не верят в свои способности, в свои возможности осваивать и выполнять деятельность на намеченном уровне ($p \leq 0,05$). Самоэффективность, согласно взглядам А. Бандуры, является продуктом сложного процесса интерпретации индивидом своих успехов и неудач. Личности алекситимического типа, испытывающие трудности с ассоциацией прожитых событий и эмоций, имеющие дефекты ментализации и затруднения в понимании получаемой от других эмоциональной обратной связи, по всей видимости, не способны адекватно воспринять, обработать, оценить и интегрировать информацию о своей эффективности.

Обнаруженные в исследовании различия по субшкале «Регуляция эмоций и когний» означают, что алекситимичные респонденты в меньшей степени способны к эмоциональной и когнитивной саморегуляции, управлению собственным поведением, чем респонденты без алекситимии ($p \leq 0,05$). Недостаточная сформированность навыков саморегуляции у алекситимичных индивидов также была отмечена многими исследователями (Н. Krystal, Е.А. Горобец, Р.Г. Есин, Е.Ю. Брель и др.).

Статистически значимые различия по показателю «Адаптивность, гибкость» позволяют говорить, что алекситимичные респонденты менее адаптивны, чем индивиды без алекситимических проявлений ($p \leq 0,05$). Адаптивность подразумевает под собой гибкость, изменчивость поведения в зависимости от требований окружающей среды. Алекситимия, выражающаяся в операциональности мышления (*penseeoperatoire*), трудностях с идентификацией и дифференциацией чувств, эмоций, ощущений и т.д., нарушает понимание индивидом не только окружающей среды и ее «сигналов», но и своей внутренней, ограничивая тем самым возможность установление адаптивного баланса между ними.

По данным психологических исследований последних лет, с феноменом алекситимии тесно связан синдром эмоционального выгорания [5; 6], рассматривающийся учеными как актуальная проблема, особенно распространенная среди специалистов активно растущей ИТ-сферы [7; 8]. Мы полагаем, что в эру глобальной цифровизации и расцвета информационных технологий особый интерес представляет изучение психологической специфичности субъектов, находящихся, во-первых, в авангарде взаимодействия с информационно-цифровой средой, а, во-вторых, собственноручно создающих и активно ее преобразовывающих – ИТ-специалистов.

Анализ психологической литературы показал низкую степень разработанности проблематики эмоционального интеллекта и алекситимии у работников и студентов области ИТ, представленную единичными исследованиями [9; 10]. Исследований алекситимии у работающих ИТ-специалистов в русскоязычной психологической литературе нами не обнаружено. При этом, согласно данным зарубежных исследований, существует тесная связь между эмоциональным интеллектом, коммуникативной адаптивностью и профессиональной успешностью ИТ-специалистов (М. Hendon, L. Powell, Н. Wimmer, J. W. Lounsbury, N. A. Marzuki, S. C. Mustaffa, Z.M. Saad и др.) [11]. Имеются данные о распространенности среди работников сферы информационных технологий психосоматических заболеваний, а также о связи алекситимии и функциональной инвалидности среди ИТ-специалистов [12]. Таким образом, актуальным представляется исследование выраженности алекситимии у работников, занятых в области ИТ, а также изучение возможных путей ее психологической коррекции.

Библиографические ссылки

1. *Taylor, G.J.* Examining proposed changes to the conceptualization of the alexithymia construct: The way forward tilts to the past / G.J Taylor, R.M. Bagby // *Psychother. Psychosom*, 2021. Vol. 90, No 3. P. 145–155.
2. *Шпаковская, О.Г., Копытов, А.В.* Роль алекситимии в формировании психосоматических расстройств и зависимых форм поведения // *Медицинский журнал*, 2014. № 4 (50). С. 31-38.
3. *Вербицкая, О.Н., Клышевич Н.Ю.* Взаимосвязь алекситимии и межличностного взаимодействия в семье // *Социокультурные и психологические проблемы современной семьи: актуальные вопросы сопровождения и поддержки : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. (Тула, 15 нояб. 2022 г.) / редкол.: Н.А. Степанова [и др.] – Чебоксары: ИД «Среда», 2022. С. 36-42.*
4. *Вербицкая, О.Н.* Взаимосвязь алекситимии и резилентности личности в средней взрослости / О.Н. Вербицкая // *Человек. Культура. Общество : сборник научных статей 20-й ежегодной науч. конф. студентов и аспирантов ФФСН БГУ, 27 апреля 2023 г., г. Минск / БГУ, Фак. философии и социальных наук ; [редкол.: Т. В. Бурак (отв. ред.) и др.]. Минск : БГУ, 2023. С. 592-596.*
5. *Оглезнева, А.В., Агеева, И.В.* Сравнительный анализ взаимосвязи алекситимии и эмоционального выгорания у работников УИС // *Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России*, 2023. № 2 (16). С. 130-137.
6. *Пюра, Д.С.* Алекситимия и профессиональное выгорание у медицинских работников в период пандемии Covid-19 // *Инновации. Наука. Образование*, 2022. № 49. С. 1932-1935.
7. *Духновский, С.В., Водопьянова Н.Е.* Темпоральные детерминанты профессионального выгорания IT-специалистов // *Современные направления исследований в психологии: вызовы третьего десятилетия XXI века. Материалы Междунар. науч.-практ. конф., Тверь, 2023. С.66-74.*
8. *Шнейдер, Л.Б., Сенюшкина, И.Ю.* Предпосылки и субъективные индикаторы эмоционального выгорания специалистов IT-сферы // *Кадры инновационного развития*, 2023. №1 (3). С. 15-24.
9. *Шлыкова, Т.Ю., Бараева, Е.И., Кулыба В.В., Демьянчик, Е.А.* Эмоциональное выгорание как фактор снижения эмоционального интеллекта в деятельности инженеров-программистов компаний IT // *Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки*, 2017. -№ 17-3. С. 427-435.
10. *Шарников, Е.С.* Исследование эмоциональной сферы студентов IT-специальностей с разными уровнями алекситимии // *Векторы психологии: психолого-педагогическая безопасность личности в современной образовательной среде. Сб. материалов III Междунар. заоч. науч.-практ. конф. Редкол.: Т.Г. Шатюк (гл. ред.) [и др.]. Гомель, 2021. С. 383-386.*
11. *Hendon, M.* Emotional intelligence and communication levels in information technology professionals // *Computers in Human Behavior*, 2017. P.165-171.
12. *Pavani, B., Anand, M., Subramanian, S.* The Relationship between Alexithymia and Functional Disability Among IT Professionals with Chronic Low Back Pain // *Journal of Ecophysiology and Occupational Health*, 2023. №23(1). P. 29–37.

ПОЛОВЫЕ РАЗЛИЧИЯ В УРОВНЕ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ЖИЗНЬЮ СТУДЕНТОВ

Д. Д. Волкова

volkovad840@gmail.com;

Научный руководитель — С. М. Ширко, старший преподаватель

В процессе развития, психология стала включать в поле своих научных интересов вопросы, связанные не только с решением проблемных ситуаций, но и обращающих внимание на повышение качества жизни «здорового» субъекта. Так феномен удовлетворенности жизнью является одним из основных человеческих ценностей, стремление к этому состоянию заложено в каждом человеке и составляет неотъемлемую часть его природы. Это понятие выражает отношение, отражающее веру или надежду в положительный и желаемый исход тех или иных событий. Данный феномен является одним из основных движущих сил человеческого общества, а проблема его обретения и поддержания занимает важное место в психологических исследованиях. Актуальность изучения удовлетворенности жизнью, обусловлена в первую очередь тем, что это понятие является неотъемлемой частью каждого человека и связано с личностными проблемами.

Ключевые слова: удовлетворенность жизнью; позитивная психология; современная психология; половые различия.

Удовлетворённость жизнью рассматривают как оценку самим субъектом того, насколько его жизнь в целом близка к максимально желательному состоянию, а также она не является чисто эмоциональной оценкой, а включает когнитивный компонент [4].

П.В. Дорошенко утверждает, что удовлетворённости жизнью имеет сложную структуру взаимосвязанных условий, где удовлетворенность в одной сфере жизни непременно будет иметь влияние на удовлетворенность другой сферой жизни, а также она зависит от множества условий, которые могут как способствовать удовлетворенности жизнью, так и препятствовать ее наступлению. Автор отмечает, что удовлетворенность возможно испытать от событий разного рода и важности для личности. Также П.В. Дорошенко определяет, что удовлетворенность жизнью обладает комплексом положительных и отрицательных коррелирующих условий. К положительным коррелирующим условиям причисляется: наличие важных общественных контактов, признание в обществе, благоприятное самочувствие, ощущения собственной нужности важным личностям; стабильное материальное положение, возможность выражать свое творчество, успехи в карьере, планирование перспектив в будущем, наличие свободного времени для досуга, личностный рост во всех областях существования, любовь и вступление в брак. К отрицательным коррелирующим условиям причисляются скудное финансовое положение и недостаток материальных удобств для жизни, плохое самочувствие, подавленность, фобии, низкая самооценка, повышенная тревожность, низкая общественная активность, отсутствие признания в профессиональной деятельности, одиночество [3].

Н.С. Аринушкина утверждает, что удовлетворенность жизнью является важной психологической составляющей, это сложное социально-психологическое образование, формирующиеся в процессе деятельности, в системе реальных отношений личности к объектам окружающей действительности и складывающихся на их основе социально-психологических установок, ценностей, стратегий поведения. Автор отмечает, что в рамках психологической трактовки понятие удовлетворенности жизнью трактуется в ряду прочих понятий как позитивная, субъективная оценка личностью всех проявлений окружающей действительности. По мнению Н.С. Аринушкиной особую роль в удовлетворенности играет личностная и социальная активность как характеристика коммуникативности, экстравертированности, динамичности личности, также автор отмечает, что удовлетворенность жизнью отдельного человека определяется такими факторами, как физические возможности, позволяющие выдерживать разные перегрузки, социальное функционирование, жизненная активность, реализация деятельности, отсутствие физической боли, психическое благополучие, психическое здоровье, а именно низкие эмоциональная напряженность, тревожность, депрессивность, отсутствие неадаптивных черт личности [2].

В исследовании приняли участие 101 респондент в возрасте от 17 до 23 лет. Из них 59 испытуемых женского пола и 42 испытуемых мужского пола. По показателям методик Е. Динера был выявлен уровень выраженности каждого компонента у студентов мужчин и женщин, а также проведена их сравнительная характеристика.

Для выявления половых различий в уровне удовлетворенности жизнью студентов был использован U-критерий Манна-Уитни. Данные представлены в следующей таблице.

Таблица

Различия в показателях удовлетворенности жизнью студентов

Наименование шкалы	Женщины		Мужчины		Уровень значим. (p)
	Среднее значение (M)	Стандартное отклонение (SD)	Среднее значение (M)	Стандартное отклонение (SD)	
Удовлетворенность жизнью	50,16	2,9	52,18	3,1	P=0,733

Было выявлено что по шкале «удовлетворенность жизнью» у студентов различий не было выявлено. Были получены значения: у мужчин $M=52,18$, $SD=3,1$, а у женщин $M=50,16$, $SD=2,9$ при $P=0,733$. Отсутствие различий может свидетельствовать о том, что студенты как мужчины, так и женщины в равной степени характеризуются наличием внутренней гармонии, хорошим настроением, благоприятными отношениями со своим окружением, а также душевным спокойствием. Полученные результаты свидетельствуют о том, что студенты вне зависимости от пола характеризуются наличием способности справляться с повседневными проблемами и стабильностью во всех сферах жизнедеятельности, а также при появлении каких-то трудностей и

сложностей в их жизни, справляются с ними размеренно и спокойно. Данное предложение подтверждается данными Б.С. Алишева [1], который указывает на то, что на удовлетворенность жизнью оказывает сильное влияние способность личности психологически противостоять трудностям и формировать позитивные ожидания относительно будущего независимо от пола.

Согласно полученным данным С.С. Савенышевой и М.Д. Петраш [5], позитивное самоотношение, принятие себя, своего прошлого, является ведущей детерминантой удовлетворенности жизнью у взрослого человека.

Наше исследование также можно подкрепить работами Е.Ф. Яценко, которая отмечает, что студенты мужского и женского пола с высоким уровнем удовлетворенности жизнью оценивают свою жизнь не только как в большей степени интересную, эмоционально насыщенную и наполненную смыслом по сравнению с субъектами с низким уровнем удовлетворенности жизнью, но и как более результативную и осмысленную [7].

Также В.А. Тюлькина утверждает, что наибольшее влияние на удовлетворенность жизнью студентов оказывает самооценка материального благополучия [6].

Таким образом, половые различия в уровне удовлетворенности жизнью у студентов в ходе данного исследования выявлены не были. По полученным данным можно предположить, что студенты как мужчины, так и женщины в равной степени удовлетворены своей жизнью в силу своего возраста, жизненного опыта, специфики социального окружения и других факторов.

Библиографические ссылки

1. *Алишев Б. С.* Жизнестойкость и удовлетворенность жизнью студентов // Психологический журнал. 2016. № 3. С. 31-47.
2. *Аринушкина Н. С.* Проблема удовлетворенности жизнью в психологии // Актуальные проблемы экономики и менеджмента. 2016. № 3. С. 71-76.
3. *Дорошенко П. В.* Сущность феномена удовлетворенности жизнью // Вестник современных исследований. 2019. №1. С. 49-50.
4. *Осин Е. Н., Леонтьев Д. А.* Краткие русскоязычные шкалы диагностики субъективного благополучия: психометрические характеристики и сравнительный анализ // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. №1. С. 117-142.
5. *Савенышева С. С., Петраш М. Д.* Удовлетворенность жизнью, психологическое благополучие и удовлетворенность браком в период взрослости // Интернет-журнал «Мир науки». 2017. Т. 5. №1. С. 1-9.
6. *Тюлькина В. А.* Удовлетворенность жизнью как составляющая субъективного благополучия мужчин и женщин // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 32. С. 203–212.
7. *Яценко Е. Ф.* Смысложизненные ориентации, стратегии совладающего поведения и удовлетворенность жизнью у студентов как проблема социальной психологии личности // Психология. Психофизиология. 2021. Т.14. №14. С. 88-96.

ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ У СПЕЦИАЛИСТОВ ПОМОГАЮЩИХ ПРОФЕССИЙ

О. Н. Волосенко

Volosenko.olya@mail.ru

Научный руководитель — Т. В. Тратинко, старший преподаватель

В статье рассматриваются особенности эмоционального выгорания у специалистов помогающих профессий; представлены результаты эмпирического исследования, направленного на выявление особенностей эмоционального выгорания во взаимосвязи с копинг-стратегиями у специалистов помогающих профессий.

Ключевые слова: помогающие профессии; специалисты; эмоциональное выгорание; копинг-стратегии.

Современный человек на протяжении своего жизненного пути не раз сталкивается с трудностями и обстоятельствами, которые требуют от него адаптивных способов совладания. От качества их преодоления во многом будет зависеть вектор развития, состояние психосоматического здоровья и социальная адаптация. Специалисты, чья работа тесно связана с интенсивным и эмоционально напряженным взаимодействием с людьми, очень часто сталкиваются со стрессовыми ситуациями. С полным основанием к категории лиц, наиболее подверженных профессиональному стрессу, можно отнести специалистов помогающих профессий [1].

Не каждый специалист может адаптироваться к постоянным напряженным условиям труда, эффективно осуществлять свою профессиональную деятельность в конфликтных ситуациях общения. Это приводит к увеличению вероятности возникновения и развития негативных эмоциональных состояний.

Специалист по социальной работе оказывает прямую помощь и поддержку людям определённых категорий и способствует улучшению их качества жизни за счёт решения социальных проблем. Медицинские сотрудники взаимодействуют с биологической и психоэмоциональной сферой людей, целью которых является осуществление медицинской поддержки. Эмоциональное и профессиональное выгорание для специалистов данной сферы является серьёзной проблемой на протяжении всей трудовой деятельности.

Каждый день личность подвергается различным уровням стресса, поэтому в такие периоды важным для сдерживания уровня тревожности являются позитивные копинг-стратегии (процессы, направленные на преодоление стрессовых состояний).

Преодоление стресса является динамическим процессом, из-за которого индивид в одном случае может проявлять в своем поведении защитные стратегии, а в другом случае он обращается к стратегиям решения проблем путем изменения отношения «личность – окружающая среда» [2].

Нами было проведено эмпирическое исследование, направленное на выявление особенностей эмоционального выгорания во взаимосвязи с копинг-стратегиями у специалистов помогающих профессий. В исследовании приняли участие 80 специалистов помогающих профессий. Из них 40 медицинских сестер и 40 специалистов по социальной работе. Для проведения эмпирического исследования использовались методика диагностики уровня эмоционального выгорания В.В. Бойко и опросник «Способы совладающего поведения», авторы: Ричард Лазарус, Сьюзан Фолкман (1988), адаптация: Т.Л. Крюкова, Е. В. Куфтяк, М. С. Замышляева (2004).

В ходе исследования эмоционального выгорания, мы выяснили, что у специалистов помогающих профессий фазы выгорания находятся в стадии формирования и сформированности, количество испытуемых с несформированными фазами выгорания является минимальным. Описывая особенности выгорания медицинских сестёр, мы видим, что более чем у 50 % испытуемых все фазы выгорания находятся в стадии формирования. Более 50 % специалистов по социальной работе имеют стадию сформированности фаз выгорания. Существует взаимосвязь между симптомами выгорания и копинг-стратегиями.

В ходе статистического анализа данных на предмет взаимосвязи симптомов выгорания с копинг-стратегиями среди сотрудников помогающих профессий мы установили, что среди медицинских сестер существует отрицательная двухсторонняя связь копинга «Самоконтроль» с симптомами «Неудовлетворённость собой», «Принятие ответственности» и «Эмоциональная отстранённость», положительная двухсторонняя связь копинга «Бегство-избегание» с симптомами «Психосоматические и психовегетативные нарушения» и копинга «Планирование решения проблемы» с симптомом «Эмоционально-нравственная дезориентация».

У специалистов по социальной работе установлено, что существует отрицательная двухсторонняя связь копинга «Положительная переоценка ситуации» с симптомом «Неудовлетворённость собой» и «Загнанность в клетку», а также положительные двухсторонние связи копинга «Конфронтация» с симптомами «Загнанность в клетку», копинга «Дистанцирование» с симптомом «Эмоциональный дефицит», копинга «Принятие ответственности» с симптомом «Эмоциональный дефицит».

На наш взгляд, социально-психологическая работа по профилактике эмоционального выгорания должна проводиться следующими способами:

Специалисты помогающих профессий должны быть проинформированы о причинах, последствиях и признаках эмоционального выгорания сразу в

момент знакомства с будущей профессией. Желательно, чтобы это не была одноразовая информация, а регулярная для минимизации риска профессионального выгорания.

Важным аспектом профилактики синдрома эмоционального выгорания у специалистов помогающих профессий является «саморегуляция, аутогенная тренировка и специальная подготовка». Необходимость развития данных качеств появляется в тот момент, когда специалист сталкивается с новой и непривычной для него проблемой, где нет четкого решения, а требуется анализ ситуации.

Для профилактики эмоционального выгорания выделяют множество стратегий и техник, наиболее эффективными являются:

1. оптимизация системы мотивации и стимулирования персонала;
2. внедрение инновационных технологий в профессиональную деятельность и помощь в освоении новых методов и средств;
3. высокая коммуникативная доступность руководителя;
4. создание программ профилактики и применение превентивных мер против выгорания [3];
5. проведение внутренних PR-мероприятий, направленных на повышение привлекательности работы;
6. внедрение тренинговых систем на темы стрессоустойчивости, работы с конфликтами и коммуникацию;
7. предоставление лечение ментальных заболеваний, связанных с профессией – важно предоставлять сотрудникам доступ к профессиональной помощи в случае возникновения проблем со здоровьем, связанных со стресс [4].

В заключении отметим, что на современном этапе развития общества обострилась проблема устойчивости к стрессам у специалистов помогающих профессий. В настоящее время возрастает число работников помогающих профессий с эмоциональным выгоранием, а с их увеличением умножаются и социально-психологические проблемы, которые следует решать. Решение, прежде всего, связано с профилактикой, с минимизацией социально-медицинских и психологических причин развития данного состояния.

Библиографические ссылки

1. Башенкова Л. А., Кухарская Е. В. Диагностика синдрома эмоционального выгорания и мероприятия, направленные на его предупреждение // Среднее профессиональное образование, 2015. № 11. С. 13-17.
2. Исаева Е. Р. Монография Копинг-поведение и психологическая защита личности в условиях здоровья и болезни. СПб.: СПбГМУ, 2009.
3. Бодров В. А. Современные представления о чувстве усталости в профессиональной деятельности // Психол. журнал. 2012. Т. 33. С. 23–34.
4. Водопьянова Н. Е. Психодиагностика стресса. СПб.: Питер, 2009.

ОТНОШЕНИЕ К РАЗЛИЧНЫМ ВИДАМ ЛЖИ В ПЕРИОД РАННЕЙ ВЗРОСЛОСТИ

Д. Н. Горбачевская

atrasedana@gmail.com

Научный руководитель – Ю. С. Смирнова, кандидат психологических наук, доцент

В публикации рассматривается отношение к различным видам лжи в период ранней взрослости. Объектом исследования является отношение ко лжи, целью – установить отношение к различным видам лжи в период ранней взрослости. Данная работа раскрывает, какое отношение может складываться к различным видам лжи в период ранней взрослости. Представлены результаты эмпирического исследования. Показано, что индивиды в период ранней взрослости хуже всего относятся ко «лжи-сплетни», а наименее негативным является отношение ко «лжи-самопрезентации», «лжи во благо» и «этикетной лжи».

Ключевые слова: ложь; отношение ко лжи; виды лжи; период ранней взрослости.

Важность изучения лжи постоянно увеличивается в современном обществе, где информация и коммуникация представляют большую значимость во многих аспектах нашего ежедневного существования. Изучение отношения ко лжи дает глубокий взгляд на мотивы, которые могут побуждать людей прибегать к ней.

С целью установления отношения к различным видам лжи в период ранней взрослости нами было проведено эмпирическое исследование. Для сбора данных применялся опросник «Отношение ко лжи» И. П. Шкуратовой [1]. В исследовании принял участие 71 респондент в возрасте от 17 до 22 лет. 55% – респонденты женского пола, 45% – мужского.

По полученным из опроса данным мы выявили средний показатель отношения к различным видам лжи в период ранней взрослости. Так получилось, что люди в период ранней взрослости хуже всего относятся ко «лжи-сплетни» – средний показатель составляет 6,49 при стандартном отклонении 1,45. Стандартное отклонение говорит, о небольшом разбросе данных. Второе место занимает «ложь-оправдание». В данном случае средний показатель составляет 5,03 при стандартном отклонении 1,97, где разброс данных также небольшой. Далее идут: «ложь-умолчание» (средний показатель 4,66, стандартное отклонение 1,96) и «ложь-фантазия» (средний показатель составляет 4,08 при стандартном отклонении 1,65). И, в сравнении с предыдущими видами лжи, «лучше» относятся ко «лжи-самопрезентации» (средний показатель 3,96 при стандартном отклонении 1,54), «лжи во благо» (средний показатель 3,18 при стандартном отклонении 1,83) и «этикетной

лжи» (средний показатель составляет 3,17 при стандартном отклонении 1,493). Данные наглядно отражены на рисунке 1.

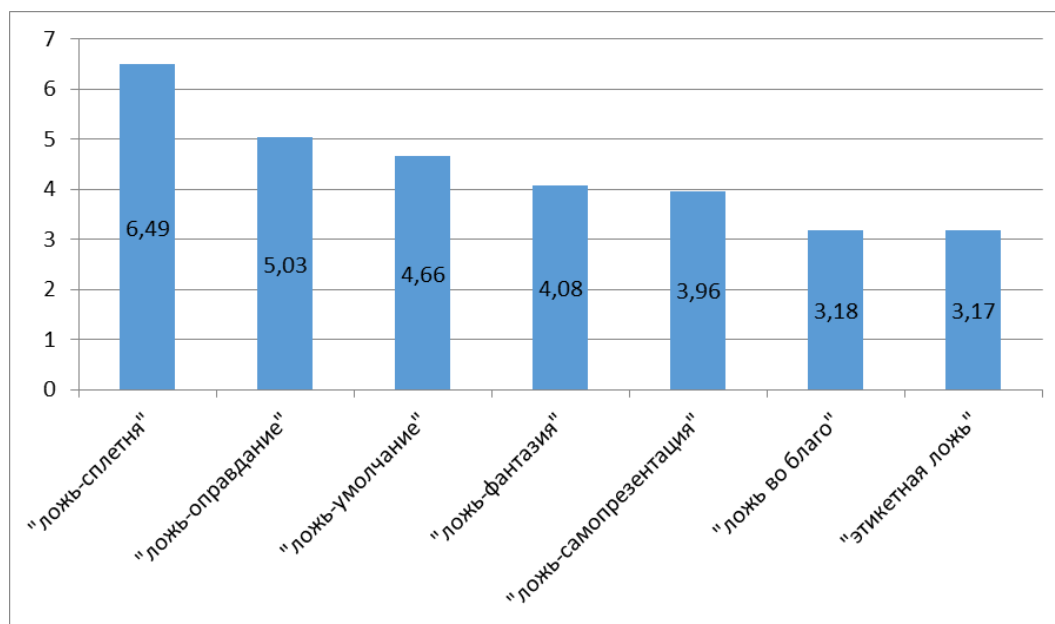

Рисунок 1 – Отношение к различным видам лжи в период ранней взрослости

Существует несколько возможных причин того, почему индивиды в период ранней взрослости хуже всего относятся ко «лжи-сплетни» [2]:

Негативное влияние на репутацию. Люди могут беспокоиться о том, что сплетни могут повредить их репутации и отношениям с окружающими людьми.

Чувство беспомощности. Люди могут чувствовать себя беспомощными в отношении лживых высказываний, поскольку они не могут контролировать, что говорят другие о них.

Нарушение доверия. Лживые сообщения могут нарушать доверие и отношения между людьми, что может создавать негативные эмоции и неприязности.

Этические соображения. Люди могут считать, что распространение лживых сообщений неэтично и неправильно, и поэтому относиться к ним негативно.

Наиболее негативным является отношение людей в период ранней взрослости ко «лжи-сплетни», потому что оно может привести к негативным последствиям для отношений между людьми. Лживые сплетни могут портить репутацию людей, вызывать конфликты и даже разрушать отношения. Кроме того, такие сплетни могут привести к тому, что люди начинают распространять ложную информацию, что может негативно повлиять на их доверие друг к другу. Поэтому отношение индивидов ко «лжи-сплетни» является наиболее негативным, потому что оно может иметь серьезные последствия для социальных отношений и доверия между людьми.

Для выявления половых различий в отношении к различным видам лжи в период ранней взрослости использовался критерий U Манна-Уитни. Сравнивались показатели отношения мужчин и женщин к таким видам лжи, как «ложь-фантазия», «ложь во благо», «ложь-оправдание», «умолчание», «сплетня», «этикетная» и «ложь-самопрезентация». По полученным данным можно сделать вывод, что для некоторых видов лжи есть статистически значимые различия между отношением к ним у мужчин и женщин. Эти различия наблюдаются в отношении таких видов лжи, как «ложь во благо», «ложь-оправдание» и «ложь сплетня» ($p \leq 0,05$).

Были обнаружены статистически значимые различия в отношении мужчин и женщин ко «лжи во благо» ($p=0,003$): мужчины в период ранней взрослости гораздо хуже относятся ко «лжи во благо», чем женщины этой возрастной категории.

Статистически значимыми является различие в отношении мужчин и женщин в период ранней взрослости ко «лжи-оправданию» ($p=0,035$). Результаты показали, что в данном случае женщины относятся хуже ко «лжи-оправданию», по сравнению с мужчинами.

Также различия в отношении ко лжи мужчины и женщины продемонстрировали для такого ее вида, как «ложь-сплетня» ($p=0,001$). Женщины относятся хуже ко «лжи-сплетни», нежели мужчины в период ранней взрослости.

В отношении индивидов в период ранней взрослости к другим видам лжи статистически значимых различий по полу не обнаружено.

Средние значения показателей мужчин и женщин по шкалам методики «Отношения ко лжи» отражены на рисунке 2.

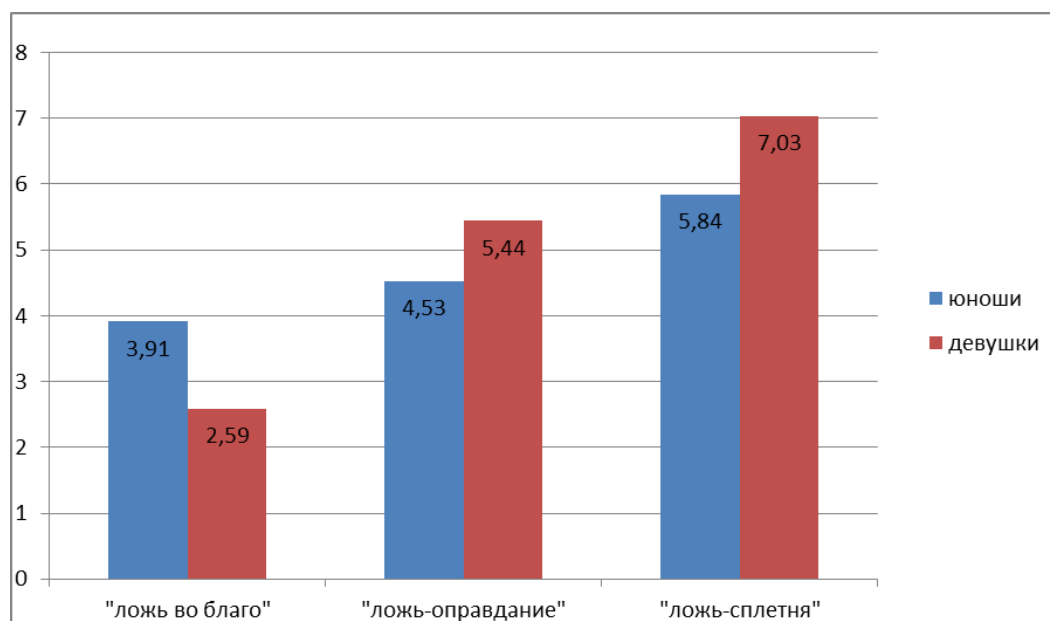

Рисунок 2 – Различия по полу в отношении к разным видам лжи в период ранней взрослости

В итоге анализ отношения индивидов в период ранней взрослости к различным видам лжи позволяет сделать несколько выводов.

Во-первых, негативное отношение ко «лжи-сплетни» и «лжи-оправданию» у женщин более выражено, чем у мужчин. Это может быть связано с социокультурными и психологическими факторами, включая давление общества на поведение женщин и стандарты морали [3].

Во-вторых, мужчины более критично относятся ко «лжи во благо». Это может быть обусловлено их ориентацией на личные цели и успех, а также видением этого вида лжи как инструмента для достижения личных целей [3].

В-третьих, отношение ко лжи зависит от контекста и целей. Например, «ложь-оправдание» может восприниматься более негативно из-за высоких стандартов морали и этики, предъявляемых в различных контекстах социального взаимодействия. Важным фактором является также эмоциональная и социальная ориентированность субъекта. Женщины в ранней взрослости могут быть более чувствительными к влиянию лжи на социальные отношения, в то время как мужчины могут смотреть на ложь с прагматичной точки зрения, связанной с достижением личных целей [3].

В целом в период ранней взрослости наиболее негативно относятся ко «лжи-сплетне», наименее негативным является отношение ко «лжи во благо» и «этикетной лжи».

Таким образом, отношение ко лжи является сложным и индивидуальным явлением, зависящим от различных факторов, включая пол, социокультурные факторы, цели и личностные характеристики субъекта. Взаимосвязь отношения ко лжи и личностных особенностей в период взрослости составит предмет наших дальнейших исследований.

Библиографические ссылки

1. Шкуратова, И. П., Крикало, Е. Л. Отношение студентов к разным видам своей и чужой лжи // Индивидуальные различия в познании и общении. Ростов-на-Дону: Антей, 2007. С. 266-284.
2. Багманова, А. Р., Артамонова, М. О. Феномен лжи в современном обществе и политике. Открытие лжи [Электронный ресурс] // Международный студенческий научный вестник. 2015. № 6. С. 71-75. URL: <http://eduherald.ru/ru/article/view?id=13413>.
3. Акименко, А. К. Ложь в системе социально-психологической адаптации // Вопросы психологии. 2010. №4. С.45-49.

ПЕРЕЖИВАНИЕ ОДИНОЧЕСТВА СКЛОННЫМИ К МЕЖЛИЧНОСТНОЙ ЗАВИСИМОСТИ СТУДЕНТАМИ

А. С. Гулевич

nastyagulevich00@mail.ru;

Научный руководитель – Е.И. Цюхай, старший преподаватель

В статье приводятся результаты исследования особенностей переживания одиночества студентами с различным уровнем склонности к межличностной зависимости. Установлено, что более склонные к межличностной зависимости студенты острее переживают чувство одиночества. Изучение данных феноменов способствует глубокому пониманию их природы и расширению способов работы с ними.

Ключевые слова: межличностная зависимость; переживание одиночества; студенты.

Каждый человек на протяжении своей жизни хотя бы раз сталкивался с переживанием одиночества. Данное чувство имеет двойственную природу. При позитивном переживании одиночество может привести к личностному развитию посредством рефлексии. В случае негативного переживания индивид утрачивает желание к установлению новых социальных контактов, тем самым изолируя себя от окружающего мира [1].

Одиночество рассматривается как *субъективное* состояние индивида, зависящее от его *представлений* о наличии и качестве близких отношений. Вследствие этого, человек может испытывать одиночество даже находясь в близких отношениях с партнером [2]. Исходя из психологических теорий, Е.А. Манаковой сформировано определение одиночества как «негативного социально-психологического переживания, возникающего в результате неадекватного удовлетворения социальных потребностей личности, следствием которого является ощущение себя как покинутого, ненужного; при этом происходит утрата эмоциональной связи с окружающими» [3].

Переживая одиночество, человек испытывает отчужденность, хотя начинается порой это чувство как неосознанная неудовлетворенность, либо как осознанный дефицит отношений. Изолируя себя от окружающих, разрывая социальные контакты, индивид может уйти в ирреальный мир, сформировав у себя какую-либо зависимость. В качестве компенсации не удовлетворенной потребности в общении вполне может выступить межличностная зависимость.

Вышеупомянутая зависимость является одной из распространенных форм нехимической зависимости, особенно среди молодежи. Данный деструктивный феномен характеризуется одержимостью другим человеком и приводит к искажению восприятия реальности и травмированию личности как в эмоциональном, так и в физическом аспектах [4].

Неспособность установить границы между собой и другими у склонных к межличностной зависимости людей, снижает вероятность реальной

оценки происходящего [5], а, следовательно, выстраивания подлинно близких отношений. Игнорируя не устраивающие его социальные контакты, человек сам *отчуждается*, полагая, что его никто не понимает и не принимает. Подобное поведение становится привычной внутренней моделью, переживаемой как одиночество.

Исследование. В исследовании приняли участие 106 студентов одного из белорусских вузов (43 юноши и 63 девушки) в возрасте от 17 до 22 лет. Средний возраст респондентов составил 19 лет.

При проведении исследования использовались методики: «Опросник переживания одиночества» Е.А. Манаковой и «Тест на межличностную зависимость» Р. Гиршфильда (адаптация О.П. Макушиной).

Результаты. В зависимости от величины итогового показателя склонности к межличностной зависимости выборка была разделена на три группы: с низким – 6 человек, или 5,7%, со средним – 74 человека, или 69,8% и высоким уровнем межличностной зависимости – 26 человек, или 24,5%.

Анализ выраженности компонентов переживания одиночества в разрезе уровня межличностной зависимости представлен на рисунке.

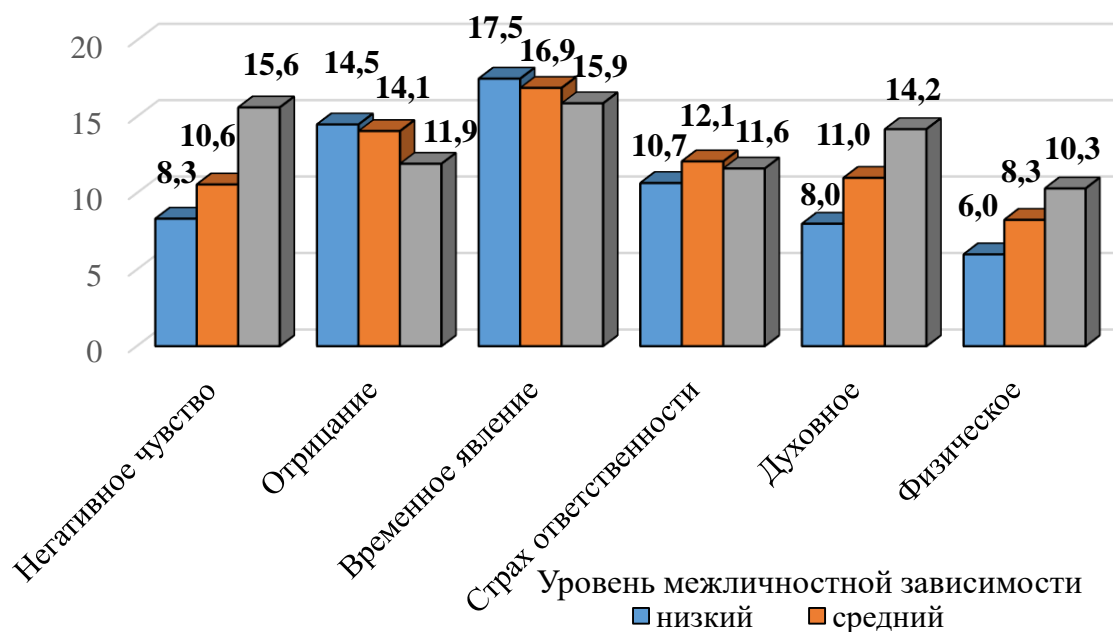

Рисунок – Средние значения компонентов переживания одиночества в группах с различным уровнем межличностной зависимости

Сравнение средних показателей переживания одиночества в группах с различным уровнем межличностной зависимости показало, что у студентов с высоким, средним и низким уровнями межличностной зависимости средние значения показателя имеют статистически значимые различия ($p < 0,05$). Студентам с высоким и средним уровнями межличностной зависимости

свойственны более высокие показатели переживания одиночества. Это связано с тем, что при высоком уровне межличностной зависимости у индивида существует довольно большой «отрыв» от реальности; фиксируясь на идеальном образе партнера и взаимоотношениях с этим образом, происходит искусственная самоизоляция от окружающих, а следовательно, может возникнуть чувство одиночества.

Статистически значимые различия между группами студентов с низким, средним и высоким уровнями межличностной зависимости также были выявлены по следующим шкалам:

– **«Негативное чувство»**: студенты с высоким уровнем межличностной зависимости более склонны переживать одиночество как негативное чувство, чем студенты с низким и средним уровнем межличностной зависимости ($p < 0,000$). Это сопровождается навязчивым стремлением вступить в близкие отношения с другим человеком, делая его «центром своего существования», чтобы избежать негативно окрашенного чувства одиночества.

– **«Отрицание»**: более склонные к межличностной зависимости студенты чаще признают неспособность окружающих понять их чувства и желания, не отрицая факта собственного одиночества. Среднее значение в группе со средним уровнем межличностной зависимости выше ($p = 0,016$), чем в группе с высоким уровнем. При этом страх остаться одному способствует поддержанию близких отношений с другим человеком, что не характерно для людей с высоким уровнем межличностной зависимости.

– **«Духовное одиночество»**: не склонные к межличностной зависимости студенты не фокусируются на наличии в отношениях со значимыми людьми понимания и поддержки ($p = 0,001$), они не ощущают себя в изоляции, пытаются достигнуть взаимопонимания в отношениях. В группе склонных к межличностной зависимости среднее значение духовного одиночества самое высокое, так как, искаженно воспринимая реальность, эти студенты буквально одержимы мыслью об отсутствии понимания со стороны окружающих.

– **«Физическое одиночество»**: полученные более высокие средние значения в группе с высоким уровнем межличностной зависимости, чем в других группах ($p = 0,017$), из-за особого отношения в юношеском возрасте к собственному внешнему виду, и образу тела в целом. Внутреннее убеждение в собственной непривлекательности побуждает их смириться с непонятностью их чувств; страх критики побуждает отдаляться от окружающих или выбирать совершенно недоступных и безразличных к ним партнеров, а впоследствии страдать в подобных отношениях.

При этом между всеми группами обнаружены статистически значимые различия по шкалам методики «Межличностная зависимость»: *люди с более высоким уровнем межличностной зависимости более склонны к по-*

иску эмоциональной опоры ($p < 0,000$) на проявляющих к ним внимание людей вследствие зависимости от внешней оценки и чужого мнения; они *менее уверены в себе* ($p < 0,000$), чем люди со средним и низким уровнем межличностной зависимости, поэтому не желают воспринимать критику, указывающую на искаженное восприятие реальности. Соответственно студенты с высоким уровнем межличностной зависимости *менее стремятся к автономии* ($p \leq 0,05$) нежели люди с низким и средним уровнем, поскольку не ощущают себя самодостаточным человеком.

Таким образом, переживание одиночества как негативного чувства, отрицание возможности быть понятым другими и получать от них поддержку, в том числе эмоциональную, сопряжено с риском усиления зависимости студента от небезразлично относящихся к ним людей. Эти студенты пытаются сохранить сложившееся искаженное представление о себе как о физически непривлекательном и удаленном от социальных контактов человеке, тем самым подкрепляя неуверенность в себе. Высокий уровень межличностной зависимости способствует более острому переживанию чувства одиночества, что в последствии может усугубить десоциализацию личности.

Библиографические ссылки

1. *Осин, Е.Н., Леонтьев, Д.А.* Дифференциальный опросник переживания одиночества: структура и свойства // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10, № 1. С. 55–81.
2. *Mikulincer, M., Shaver, P.R.* An Attachment Perspective on Loneliness // The Handbook of Solitude / eds. R.J. Coplan, J.C. Bowker. John Wiley & Sons, 2014. P. 34–50.
3. *Манакова, Е.А.* Опросник переживания одиночества // Сибирский психологический журнал. 2018. № 69. С. 149–171.
4. *Каменский, П.И.* Сопряженность специфики межличностной зависимости и субъективного благополучия во взрослости. Кострома : Вестник КГУ, 2019. С. 41–45.
5. *Макушина, О.П.* Психология зависимости. Воронеж : ИПЦ ВГУ, 2007. 78 с.

ОСОБЕННОСТИ СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ ПЕРВОКЛАССНИКОВ С РАЗЛИЧНЫМ УРОВНЕМ ТОЛЕРАНТНОСТИ К НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Ю. Г. Казакевич

yuliakazakevich1@yandex.by;

Научный руководитель – Е.И. Цюхай, старший преподаватель

В статье представлены результаты исследования особенностей совладающего поведения и уровня толерантности к неопределенности у родителей первоклассников. Выявлено, что менее толерантные к неопределенности родители более склонны к выбору неадаптивной поведенческой стратегии избегания с целью снижения эмоционального напряжения. Однако использование родителями первоклассников неадаптивных стратегий поведения требует более углубленного изучения. Полученные результаты могут быть использованы психологами учреждений образования при построении работы с родителями учащихся начальной школы.

Ключевые слова: совладающее поведение; толерантность к неопределенности; копинг-стратегии; родители; первоклассники.

Поступление в школу является напряженным периодом как для самого первоклассника, так и для его родителей, которые сталкиваются с необходимостью адаптироваться к изменившимся условиям. К современному человеку предъявляются довольно высокие требования в различных сферах, не только в части родительства. При этом сильная вовлеченность в жизнь детей воспринимается как обязательная модель поведения.

Стремление современных родителей *успешно сочетать* выполнение профессиональных и семейных обязанностей ведет к увеличению психологической нагрузки, особенно при недостатке опыта в сфере воспитания. Перед родителями стоит задача интеграции собственного опыта детства, семейных традиций и установок с современными представлениями о воспитании, а также с индивидуальными особенностями их детей. Вызванный неопределенностью и трудностью принятой на себя роли комплекс переживаний принято соотносить с *родительским стрессом* [1].

В трудных жизненных ситуациях люди используют различные формы психологической защиты и совладания, механизмы которых направлены на снижение эмоциональной напряженности, предотвращение дезорганизации поведения, сознания, психики [2]. Причем специфика совладания определяется параметрами неопределенности ситуации (вероятности, двусмысленности и сложности), а также особенностями субъективного восприятия и отношения человека к неопределенности [3, с. 84], оценке имеющихся ресурсов для адаптации к изменяющейся ситуации.

Толерантность к неопределенности является навыком, метакогнитивным процессом, обеспечивающим психологическую устойчивость личности в

ситуациях, воспринимаемых как непредсказуемые [4, 5]. Процесс выбора одной из стратегий совладания (конфронтация, дистанцирование, самоконтроль, поиск социальной поддержки, принятие ответственности, бегство-избегание, планирование решения проблемы или положительная переоценка) вариативен.

Стратегии, эффективные в одной ситуации, могут быть неэффективными и даже приносить вред – в другой. Родители с низким уровнем толерантности к неопределенности более склонны предпочитать знакомые им ситуации; более легкие задачи (будучи уверены в правильности их решения); избегая при этом изменчивые и незнакомые им ранее ситуации.

Исследование. Выборку исследования составили 68 родителей первоклассников (55 женщин и 13 мужчин) в возрасте 28–47 лет (средний возраст составил 37,2 лет). Респонденты имели различное семейное положение и степень занятости. Ребенок-первоклассник является единственным у 21 участника исследования (30,9%), имеет брата / сестру у 38 родителей (55,9 %), 9 участников (13,2 %) имеют 3 и более детей.

Сбор данных осуществлялся с использованием: 1) Шкалы толерантности к неопределенности (MSTAT-I) Д. МакЛейна, адаптированной Е.Н. Осиным; 2) опросника «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса, адаптированного Т.Л. Крюковой, Е.В. Куфтяк, М.С. Замышляевой.

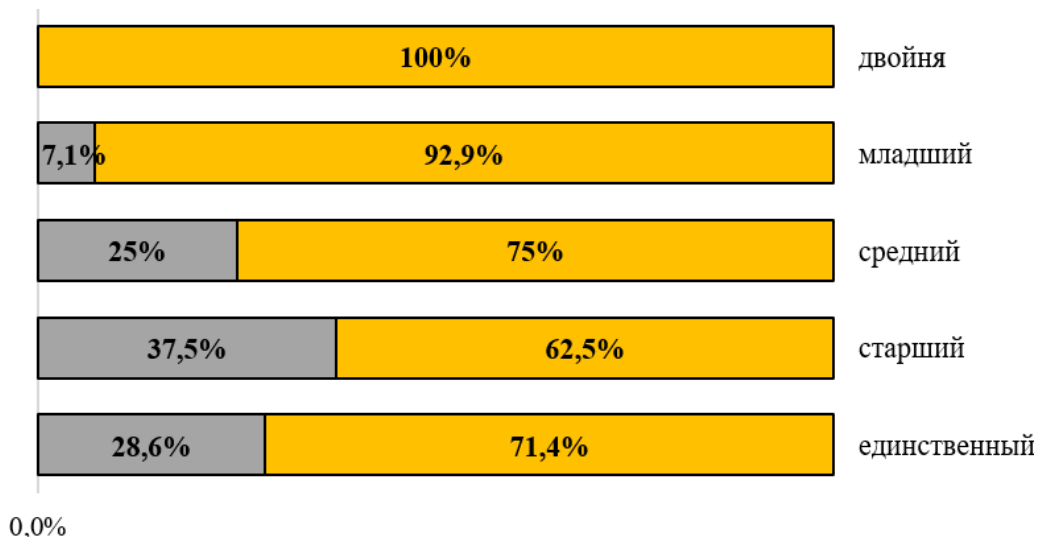
Статистическая обработка данных проводилась с применением t-критерия Стьюдента и U-критерий Манна Уитни, коэффициента ранговой корреляции Спирмена.

Результаты. У большинства родителей отмечен средний (50 человек, или 73,5% всех опрошенных) уровень толерантности к неопределенности, высокий уровень выявлен не был.

Среди состоящих в официальном браке лишь 25,9 % от всех опрошенных имеют *низкий уровень толерантности к неопределенности*, тогда как среди *разведенных* респондентов этот уровень отмечен у 60 %. Развод является достаточно травматическим событием. Оставшись одной (все разведенные респонденты – женщины), родителю необходимо заново наладить жизнь свою и ребенка, адаптироваться к новым жизненным условиям. Они испытывают стресс и избегают неопределенных стимулов, склонны к регламентации своих действий.

Удельный вес родителей с низким уровнем толерантности к неопределенности несколько выше среди временно не работающих, чем среди занятых родителей. Что может быть связано с отсутствием у них четких планов на свободное от работы время и попыток будущего трудоустройства.

Результаты анализа данных в разрезе уровня толерантности к неопределенности родителя и порядка рождения ребенка-первоклассника в семье представлены на рисунке.

Уровень толерантности к неопределенности:

■ низкий ■ средний

Рисунок – Распределение родителей в разрезе порядка рождения ребенка-первоклассника и уровня толерантности к неопределенности родителей

Так, для родителей, у которых ребенок-первоклассник не является старшим в семье, ситуация обучения ребенка в первом классе уже имеет некоторую определенность, у них уже выработаны стратегии поведения, что выражается в повышении уровня толерантности к неопределенности в данной ситуации. Родители, у которых первоклассник является единственным ребенком в семье имеют больше возможностей проводить свое время с ребенком-первоклассником по сравнению с родителями, у которых первоклассник старший в семье, в связи с тем, что необходимо уделять время младшим детям и более тщательно планировать свой день.

Среднее значение итогового показателя толерантности к неопределенности у мужчин выше, чем у женщин. Можно объяснить это меньшей вовлеченностью отцов в текущие проблемы воспитания детей. Также есть вероятность, что мужчины чаще давали социально желательные ответы из-за принятого в обществе стереотипа большей уравновешенности мужчин.

Установлено, что женщины чаще склонны выбирать стратегию «Бегство/избегание» (50,11 %). При выраженном предпочтении этой неадаптивной стратегии в стрессовых ситуациях могут наблюдаться *отрицание* либо *полное игнорирование проблемы*, *уклонение от ответственности* и действий по разрешению возникших трудностей, *пассивность*, *вспышки раздражения*, *излишние фантазии*, *передача* и прочее с целью снижения возникшего эмоционального напряжения.

В то же время опрошенные респонденты мужского пола предпочитают стратегию «Планирования решений» (52,85 %). Это может быть связано с

той ответственностью, которая наложена в обществе на мужчин, как на «сильный пол» и необходимостью соответствовать общественным нормам.

В результате обработки статистически значимые различия между группами с низким и средним уровнями толерантности к неопределенности выявлены лишь по шкале «*Положительная переоценка*» ($p = 0,011$). Для данной копинг-стратегии характерно переосмысление проблемной ситуации, включение ее в более широкий контекст работы личности над саморазвитием. Более толерантные к неопределенности родители склонны положительно пересматривать (переоценивать) ситуации. Позитивное отношение к неопределенности связано с опорой на имеющийся жизненный опыт, позволяющий пересмотреть актуальную ситуацию: снизить ее значимость и соотнести с собственными возможностями, следовательно, появляется установка на успех в будущем.

В ходе корреляционного анализа в выборке выявлена значимая обратная связь ($r = -0,263$ при $p < 0,05$) между «*Итоговым показателем толерантности к неопределенности*» и стратегией совладания «*Бегство/избегание*». Это обусловлено тем, что люди с высоким уровнем толерантности к неопределенности быстрее переходят от планов к действиям, им не свойственны пассивность, нетерпение и избегание проблем.

Таким образом, более толерантные к неопределенности респонденты склонны выбирать адаптивные стратегии совладания. Вероятность избегания ситуаций неопределенности, связанной с обучением ребенка в первом классе (задержки на работе сверх рабочего времени, исполнение дополнительных обязанностей, например, в родительском комитете, и т.п.), возрастает при снижении уровня толерантности к неопределенности. Кроме того, чем более сложной воспринимается родителем задача, тем выше склонность родителя к планированию собственных действий с учетом объективных условий, прошлого опыта и имеющихся ресурсов. Родители с более высоким уровнем толерантности к неопределенности быстрее переходят от планов к действиям, им не свойственно избегание проблем.

Библиографические ссылки

1. Савеньшева, С.С. Стрессоры повседневной жизни и семейное функционирование: анализ зарубежных исследований // Мир науки: интернет-журнал. 2016. Т. 4, № 3. URL: <http://mir-nauki.com/PDF/28PSMN616.pdf>. Дата доступа: 10.10.2022.
2. Лапкина, Е.В. Психологическая защита и совладание: защитная система личности // Ярославский педагогический вестник. 2011. Т. II, № 2. С. 232–236.
3. Anderson, E.C. [et al.] The Relationship Between Uncertainty and Affect // *Frontiers in Psychology*. 2019. № 10. P. 82–94.
4. Осин, Е.Н. Факторная структура версии шкалы общей толерантности к неопределенности Д. МакЛейна // Психологическая диагностика. 2010. № 2. С. 65–86.
5. Леонов, И.Н. Влияние толерантности к неопределенности на стратегии совладающего поведения у менеджеров // Известия Саратов. ун-та нов. сер. Серия «Акмеология образования. Психология развития». 2015. № 3 (15). С. 259–261.

ГРУППОВАЯ СПЛОЧЕННОСТЬ И ВОВЛЕЧЕННОСТЬ КАК ФАКТОРЫ ПОСТРОЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОЙ КОМАНДЫ

А. А. Козловская

sasha.shershen@bk.ru;

Научный руководитель — Н. Н. Красовская, кандидат социологических наук, доцент

В данной статье содержится краткое обоснование актуальности темы «командообразования» в современном мире. Также в тексте отражено исследование в рамках данной темы, а именно взаимосвязь групповой сплоченности и вовлеченности в совместную работу, также приведены результаты по трем исследуемым группам. В статье раскрываются такие понятия как: групповая сплоченность, вовлеченность в совместную работу членов группы, характеристики данных явлений в условиях деятельности группы, а также факторы, влияющие на их формирование. Тест отражает ряд аргументов, подтверждающих взаимное влияние данных факторов друг на друга, а также их роль в построении эффективной и плодотворной работы в группе.

Ключевые слова: команда; управление; сплоченность; вовлеченность; группа.

Сегодня командные формы управления успешно применяются для решения проблем, формулирования рекомендаций и непосредственного управления процессами внутри коллективов. Строительство команды как организационной формы коллективного управления зависит от множества факторов, таких как тип совместной деятельности, степень вовлеченности каждого участника в организацию, тип лидерства и так далее.

Формирование команды начинается с развития групповой сплоченности, на которую оказывают влияние такие факторы, как психологические характеристики индивида, квалификация членов команды и психологический климат внутри команды.

В последние 10 лет термин «вовлеченность» широко используется в области управления и менеджмента. Руководители все больше интересуются исследованиями вовлеченности и стремятся измерять и контролировать степень вовлеченности своих сотрудников. Однако каждый менеджер может толковать этот термин по-своему.

Вовлеченность персонала в совместную работу является ключевым фактором, влияющим на эффективность работы организации. В противном случае, люди, работающие в одной команде, могут двигаться в разных направлениях, что приводит к низкой производительности и качеству работы.

Вовлеченность — это сложный феномен, который исследуется различными специалистами через призму состояний, отношений, установок, идентификации, концентрации внимания, деятельности, активности, эмоций и личностных особенностей.

Анализ существующих современных подходов показал, что «вовлеченность персонала» понимается как:

– восприимчивость и энергичность сотрудника, проявляемая в профессиональной деятельности при выполнении профессиональных обязанностей;

– желание сотрудника проявлять усердие в работе и прилагать дополнительные усилия (Г.Р. Латфуллин, О.Н. Громова);

– длительное эмоциональное состояние, основанное на совпадении ценностей сотрудника и организации, что приводит к системе мотивов, направленных на «посвящение» своей профессиональной деятельности интересам организации (выражается в проявлении инициативы, прикладывании дополнительных усилий и др.);

– состояние эмоциональной и интеллектуальной приверженности компании, которая побуждает сотрудника выполнять его работу как можно лучше;

– отношение индивида к организации, к руководству, к условиям своей профессиональной деятельности, стремление при выполнении обязанностей превосходить установленные корпоративные стандарты;

– активация или состояние энергии, переживаемое человеком по поводу деятельности, проявляющиеся в сильной эмоциональной реакции, в активации когнитивной и мыслительной деятельности;

– состояние, когда поведение распределено, разум полностью отдается делу; это состояние подкрепляется эмоциями и высокой концентрацией внимания [1, с. 47].

Исследование, организованное в рамках данной темы, было нацелено на выявление взаимосвязи групповой сплоченности и вовлеченности в групповую работу в условиях студенческой команды.

Выборку составили 120 студентов, состоящих в первичных организациях общественного объединения «Белорусский республиканский союз молодежи» (БРСМ) трех университетов. 40 респондентов являются студентами Белорусского государственного университета (БГУ), 40 человек – студенты Белорусского государственного педагогического университета имени М. Танка (БГПУ), также 40 опрошиваемых обучаются в Белорусском государственном экономическом университете (БГЭУ).

На первом этапе эмпирического исследования с помощью теста определения индекса групповой сплоченности К.Э. Сишора было определено, насколько крепки связи в первичных организациях ОО «БРСМ». Результаты исследования представлены в таблице 1.

Таблица 1.

Результаты исследования групповой сплоченности участников группы

Группа	Сплоченность (уровень)	Количество человек	Количество в %
БРСМ БГУ	Высокий	31	77,5%
	Выше среднего	7	17,5%
	Средний	2	5%
	Низкий	Не выражен	Не выражен
БРСМ БГПУ	Высокий	27	67,5%
	Выше среднего	11	27,5%
	Средний	2	5%
	Низкий	Не выражен	Не выражен
БРСМ БГЭУ	Высокий	17	42,5%
	Выше среднего	20	50%
	Средний	3	7,5%
	Низкий	Не выражен	Не выражен

На втором этапе эмпирического исследования с помощью опросника «Оценка вовлеченности Q12» (в интерпретации Кудрявцевой Е.И.) было определено, насколько участники группы вовлечены в совместную деятельность.

Для наглядности результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2.

Результаты исследования вовлеченности участников группы

Группа	Вовлеченность (уровень)	Количество человек	Количество в %
БРСМ БГУ	Высокий	30	75%
	Средний	7	17,5%
	Низкий	3	7,5%
БРСМ БГПУ	Высокий	32	80%
	Средний	5	12,5%
	Низкий	3	7,5%
БРСМ БГЭУ	Высокий	25	62,5%
	Средний	6	15%
	Низкий	9	22,5%

На завершающем этапе исследования была поставлена задача: установить взаимосвязь между групповой сплоченностью и вовлеченностью в совместную работу в условиях студенческой команды, для чего был использован коэффициент корреляции Спирмена.

Предварительно была проведена проверка распределения на нормальность по трем группам по критерию Колмогорова-Смирнова, который считается наиболее состоятельным для определения степени соответствия эмпирического исследования нормальному. Исходя из результатов проверки,

наблюдаемое распределение индекса сплоченности у студентов отличается от нормального.

Результаты корреляционного анализа представлены в таблице 3.

Таблица 3.

Корреляционные связи групповой сплоченности и вовлеченности в исследуемой группе

Группа	Шкалы методик	Значение r-критерия	Достоверность результатов (p-уровень)
БРСМ БГУ	«Сплоченность-вовлеченность»	r= 0,682	p≤0,05
БРСМ БГПУ	«Сплоченность-вовлеченность»	r= 0,320	p≤0,05
БРСМ БГЭУ	«Сплоченность-вовлеченность»	r= 0,510	p≤0,05

Исходя из полученных данных корреляционного анализа, выявлена взаимосвязь между групповой сплоченностью и вовлеченностью коллективов БРСМ БГУ, БРСМ БГПУ, БРСМ БГЭУ (p≤0,05). На основании этого можно сделать вывод, что члены студенческой команды, испытывающие чувства сплоченности, разделяющие общие цели и поддерживающие единую коммуникативную связь, будут вовлечены в процесс труда, будут затрачивать свои силы и энергию для достижения общей цели организации, эмоционально переживать успехи и неудачи всей группы.

Библиографические ссылки

1. Киселева Н. В. Социально-психологические характеристики вовлеченности в непрерывное образование. М., 2019. – С. 40-49.

ТРЕВОЖНОСТЬ У ПОДРОСТКОВ И ЕЕ ВЗАИМОСВЯЗЬ С ВОСПИТАТЕЛЬНЫМИ УСТАНОВКАМИ РОДИТЕЛЕЙ

А. В. Коледа

a.koleda107@gmail.com;

Научный руководитель — Л. Г. Степанова, кандидат психологических наук, доцент

В публикации освещается проблема детско-родительских отношений и тревожности у подростков. В ходе эмпирического исследования были выявлены: взаимосвязь между воспитательными установками отцов и матерей и развитием таких типов личностной тревожности у подростков, как школьная, самооценочная, межличностная, магическая и общая; восприятие подростками родительских воспитательных установок; различия в восприятии родительских воспитательных установок у подростков с различным уровнем тревожности; уровень тревожности у подростков.

Ключевые слова: тревожность; детско-родительские отношения; воспитательные установки; подростки.

Научный интерес к проблеме детско-родительских отношений объясняется повышением общего уровня конфликтности современного общества. Часто причиной конфликтов в отношениях родителей и детей является неумение взрослых строить отношения с детьми, учитывая необходимость изменения своей позиции по отношению к взрослым детям. С этой точки зрения особенно трудным является подростковый возраст.

Анализ психолого-педагогической литературы показывает, что вопрос детско-родительских отношений остается актуальным и сегодня. Повышенный интерес психологов к проблемам детско-родительских отношений связан с проблемой конфликтов между родителями и детьми, обусловленных возрастными особенностями детей [1]. Сфера детско-родительских отношений включает в себя особенности личности родителей, характер супружеских отношений, особенности воспитания детей и отношение родителей к детям, характерные особенности личности ребенка как результат семейных воздействий [2].

Как известно, подростковый возраст особенно чувствителен к различного рода нарушениям отношений. Переход к взрослой жизни происходит тяжело, формируется характер, самосознание, завершающее его формирование.

Мы полагаемся на положение А.М. Прихожан о том, что тревожность — это устойчивое личностное образование, в то время как тревога — эмоциональное состояние. В качестве факторов, влияющих на появление у подростка тревожности как личностного образования, мы взяли родительские воспитательные установки в понимании Е. Шафера, который рассматривал принятие, опеку и контроль в качестве основных параметров воспитания.

Целью нашего исследования явилось выявление взаимосвязи между родительскими воспитательными установками и тревожностью у подростков. Исходя из цели была выдвинута гипотеза о том, что существует взаимосвязь между воспитательными установками родителей и тревожностью у подростков.

Для достижения поставленной цели, а также для проверки гипотезы, были использованы следующие методики: опросник «Подростки о родителях», изучающий родительские установки, поведение и методы воспитания так, как видят их подростки [3], а также опросник «Шкала личностной тревожности» А.М. Прихожан [4], который предназначен для диагностики у подростков школьной, межличностной, самооценочной и магической видов личностной тревожности.

Исследование проводилось со школьниками 8-11 классов. Участвовало 80 человек (43 мальчика и 37 девочек) в возрасте 13-16 лет.

В результате исследования взаимосвязи между общей, межличностной и магической тревожностью и установками родителей найдено не было.

Была найдена взаимосвязь между школьной тревожностью и выраженным проявлением непоследовательности обоих родителей. Так как непоследовательность матери имела большую значимость, чем непоследовательность отца, мы можем сделать вывод о том, что проявление непоследовательности в действиях матери имеет несколько большее влияние на школьную тревожность подростка.

Подобный результат позволяет нам предположить, что отсутствие структуры и последовательности в действиях родителей может повышать школьную тревожность подростка. Это может быть связано с тем, что ребенок никогда не знает, как отреагирует родитель на то или иное событие, касающееся школьной жизни. Если один раз родитель не обращает внимание на неудовлетворительную оценку, а в другой серьезно наказывает, или один раз хвалит за хорошие оценки, а в другой не придает им значения, ребенок начнет переживать из-за любой оценки, не зная, какой реакции ожидать. Каждый раз получая абсолютно разные реакции или противоречащие друг другу требования, ребенок путается и волнуется, у него нет ощущения безопасности и стабильности, из-за чего и повышается школьная тревожность.

Также взаимосвязь обнаружилась между уровнем самооценочной тревожности и проявлением непоследовательности только у отца.

Данный результат может быть связан с тем, что далеко не во всех семьях отец принимает даже близкое к материнскому участие в воспитании детей. Таким образом, для подростка материнская любовь кажется безусловной, в то время как внимание и похвалу отца как будто нужно дополнительно заслужить, при чем это дается сложнее, чем получение внимания матери. Когда отец проявляет непоследовательность в своих поступках, у ребенка не

складывается никакой четкой картины о том, что радует отца, а что огорчает. Вследствие непостоянной реакции отца на увлечения ребенка, его внешний вид и поступки, у подростка не складывается устойчивого ощущения собственной ценности, отчего и повышается уровень самооценочной тревожности.

Были также статистически выявлены различия в уровнях межличностной тревожности у мальчиков и девочек, и у девочек гораздо сильнее выражен данный вид личностной тревожности.

Эти данные могут говорить о том, что девочки больше склонны переживать об успешности или неуспешности тех или иных отношений. Так как девочки также более склонны к низкой самооценке, они могут иметь более выраженный страх неудачи в выстраивании межличностных отношений.

По результатам проведенного исследования можно сделать вывод о том, что наиболее значимой воспитательной установкой в связи со школьной тревожностью является непоследовательность обоих родителей. В связи с самооценочной тревожностью такой установкой является непоследовательность отца. Также получен результат о большей выраженности межличностной тревожности у девочек.

Библиографические ссылки

1. *Соколова А. П.* Психологические трудности в отношениях подростков с родителями // Вестн. Таганрог. ун-та им. А. П. Чехова. 2016. № 5. С. 112–115.
2. *Харченко Ю. А., Твелова И. А.* Влияние особенностей детско-родительских отношений на формирование личности подростка // Семья и личность: проблемы взаимодействия. 2020. № 19. С. 84–89.
3. *Вассерман Л. И., Горьковская И. А., Ромицына Е. Е.* Психологическая методика «Подростки о родителях» и ее практическое применение. СПб. : ФАРМиндекс, 2001. 68 с.
4. *Прихожан А. М.* Тревожность у детей и подростков: психологическая природа и возрастная динамика. М. : Московский психолого-социальный институт ; Воронеж : Издательство НПО «МОДЭК», 2000. 304 с.

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СТУДЕНТОВ С РАЗЛИЧНЫМ УРОВНЕМ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ

К. В. Кочан

kkochan023@gmail.com;

Научный руководитель – Е.И. Цюхай, старший преподаватель

В статье представлены результаты исследования взаимосвязи личностных особенностей студентов и уровня их жизнестойкости. Выдвинуто предположение о том, что студентам с высоким уровнем жизнестойкости свойственны более низкие значения по шкале нейротизма и высокие по шкале экстраверсии. Полученные результаты могут быть использованы практическими психологами в консультировании, а также в просветительской работе.

Ключевые слова: жизнестойкость; вовлеченность; контроль; принятие риска; экстраверсия; нейротизм; открытость опыту.

В современном мире стрессовые события являются неотъемлемой частью жизни каждого человека. Неопределенность будущего и завышенные ожидания общества отражаются как на физическом, так и на психологическом здоровье. У студентов дополнительными стрессовыми факторами могут стать непростые отношения со сверстниками и родителями, финансовая нестабильность и страх перед будущим. Помочь студентам справиться со стрессогенными ситуациями могут некоторые личностные характеристики, одной из которых является *жизнестойкость*.

Понятие жизнестойкости впервые было упомянуто в работах С. Мадди и С. Кобейса в 80-ых годах прошлого века [1; 2]. Данное понятие рассматривалось в качестве личностного паттерна отношений, помогающего разглядеть в стрессовых обстоятельствах возможности роста [3].

Концепция жизнестойкости С. Мадди включает 3 компонента:

1) *вовлеченность* – убеждение в том, что в любом случае лучше оставаться вовлеченным в актуальную ситуацию, а не изолироваться от нее [4];

2) *контроль* – убеждение в том, что в трудных ситуациях стоит продолжать пытаться повлиять на результаты, а не «опускать руки», впадая в бессилие [4];

3) *принятие риска* – вера в то, что преодоление стрессов, которыми полна жизнь, приведет человека к неизбежному развитию и получению соответствующего опыта. Этот компонент помогает быть открытым новым поворотам жизни, делать серьезный выбор, не испытывая при этом страх или тревогу [4;5].

По мнению С. Мадди, нахождение всех трех компонентов на высоком уровне обеспечивает нормальное самочувствие и оптимальный уровень

внутреннего напряжения в стрессогенных условиях. Если у человека выражен только один компонент, то это не всегда позволяет человеку выстроить гармоничные отношения с окружающим миром [1].

В исследованиях Е.И. Рассказовой и Р.И. Стецишина жизнестойкость рассматривается в качестве одной из основ мотивационной направленности. Этот личный психологический ресурс в большей степени направлен на поддержание деятельности и витальности, и в меньшей – на активность сознания [6]. Кроме того, этот ресурс значим для конкретизации и реализации плана действия, особенно в отношении профессиональной деятельности. Жизнестойкость формируется в процессе профессионального развития личности, не позволяя личности дезадаптироваться в профессиональной сфере [6].

Распространение современных информационных технологий не могло не сказаться на личностных особенностях молодежи. Исследователей интересуют факторы, влияющие на уровень жизнестойкости молодых людей, а также методы обучения студентов с учетом их уровня жизнестойкости.

Исследование. Гипотезой исследования стало предположение о том, что более жизнестойким студентам свойственны более низкие значения по шкале нейротизма и высокие по шкале экстраверсии.

Выборка была представлена 138 студентами (69 девушек и 69 юношей) в возрасте от 17 до 25 лет (средний возраст участников исследования – 18,5 лет).

Для сбора эмпирических данных использовались:

1) тест жизнестойкости (Hardiness Survey) С. Мадди, (в модификации Е.И. Рассказовой) [4];

2) короткий портретный опросник «Большой пятерки» (Б5-10) М.С. Егоровой, О.В. Паршиковой.

Статистическая обработка данных проводилась в программе SPSS Statistics v. 22.0 с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена.

Результаты. В ходе корреляционного анализа не обнаружена взаимосвязь жизнестойкости и *экстраверсии* ($r_s = 0,109$; $p > 0,05$). Другими словами, стремление к взаимодействию с внешним миром характерно не только индивидам с высоким уровнем жизнестойкости, а ощущение уверенности в себе не связано с убеждением о возможности совладания со стрессом. В зависимости от личных особенностей, человек выбирает ту модель поведения, которая ему комфортна.

Умеренная обратная связь обнаружена между жизнестойкостью и *нейротизмом* ($r_s = -0,487$; $p < 0,001$). Студентам с реактивной нервной системой не свойственна высокая устойчивость к трудностям. Они часто испытывают

сильные переживания и беспокойство относительно себя и ситуации в целом, что в свою очередь влияет на их самооценку. Такие люди тяжело переживают неудачи и болезненно реагируют на критику в их сторону.

Сильная обратная взаимосвязь между нейротизмом и контролем ($r_s = -0,546$; $p < 0,001$) свидетельствует о том, что для студентов с высоким уровнем нейротизма на фоне испытываемой тревоги, затрудняющей им принятие решения и действий в сложных ситуациях, характерно проявление полного бессилия. А это, в свою очередь, не способствует скорейшему выходу из стрессового состояния, и в перспективе негативно сказывается на уровне жизнестойкости человека.

Важно понимать, что нейротизм – это черта личности, которая отражает физиологическую особенность строения вегетативной нервной системы человека. Выраженная аффективная возбудимость делает затруднительным совладание со стрессом.

В ходе исследования обнаружена умеренная прямая связь между жизнестойкостью и *открытостью опыту* ($r_s = 0,499$; $p < 0,001$). Человек, открытый опыту, отличается не только позитивным отношением к жизни и гибкостью в своих поступках, он не продумывает жизнь на несколько шагов вперед, но и в большинстве случаев делает выбор, опираясь на свои чувства и интуицию. Люди, способные принимать любой исход того или иного события, в большей мере опираются на эмоциональный компонент нежели рациональный. Жизнестойкие студенты изначально понимают и принимают возможные риски своего выбора решения из имеющихся альтернатив.

Это подтверждается высоко значимой прямой взаимосвязью между открытостью опыту и принятием риска ($r_s = 0,452$; $p < 0,001$). Отношением к ситуации обусловлен уровень тревоги, испытываемой в этой ситуации. Студенты, способные принимать трудности как жизненный урок и возможность позитивных изменений в будущем, проще относятся к происходящему вокруг.

Кроме того, установлены прямые связи между уровнем жизнестойкости и *доброжелательностью* ($r_s = 0,311$; $p < 0,001$), *сознательностью* ($r_s = 0,271$; $p < 0,001$). Жизнестойкие студенты легко ладят с другими людьми, благодаря своему дружелюбию, готовности помочь и серьезному отношению к чужим интересам. Считая других людей в основном порядочными и заслуживающими доверия, они готовы спокойно принять исход любой ситуации в расчете на потенциальную помощь окружающих при необходимости. Сознательность свойственна более жизнестойким студентам, которые могут контролировать собственную импульсивность. В стрессовой ситуации при недостатке времени для принятия решения, такие студенты

предпочитают оставаться вовлеченными в ситуацию, демонстрируя организованное поведение и сознательно принимая возможные риски.

Таким образом, в результате корреляционного анализа были обнаружены прямые и обратные взаимосвязи между личностными особенностями и жизнестойкостью и ее компонентами. Гипотеза исследования была подтверждена частично. Жизнестойкость у студентов обратно связана с нейротизмом и положительно связана с открытостью опыту, доброжелательностью и сознательностью. Взаимосвязь жизнестойкости и экстраверсии на данной выборке не выявлена.

Библиографические ссылки

1. *Maddi, S. Kobasa, S.C.* The Hardy Executive: Health under Stress. Homewood (Ill.) : Dow Jones-Irwin, 1984.
2. *Kobasa, S.C.* Stressful life events, personality and health: an inquiry into hardiness // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1979. № 37. P. 1–11.
3. *Maddi, S.* The story of hardiness: Twenty years of theorizing, research and practice // *Consulting Psychology Journal*. 2002. № 54. P. 175–185.
4. *Леонтьев, Д.А., Рассказова, Е.И.* Тест жизнестойкости. М. : Смысл, 2006.
5. *Maddi, S.* The story of hardiness: Twenty years of theorizing, research and practice // *Consulting Psychology Journal*. 2002. № 54. P. 175–185.
6. *Стецкишин, Р.И.* Направленность личности и жизнестойкость : психологическое исследование // *Вестник Адыгейского гос. университета*. 2008. № 7. С. 35–47.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПОЛНОТЫ СОЗНАНИЯ И ОСОБЕННОСТЕЙ РЕШЕНИЯ ТРУДНЫХ СИТУАЦИЙ СТУДЕНТАМИ С МОДИФИКАЦИЯМИ ТЕЛА

П. А. Кузина

pkuzina981@gmail.com;

Научный руководитель – Е.И. Цюхай, старший преподаватель

В статье представлены результаты эмпирического исследования взаимосвязи полноты сознания и особенностей решения трудных ситуаций студентами с модификациями тела. Установлено, что модификация собственного тела как способ решения трудных ситуаций более характерна для студентов с низким уровнем полноты сознания, чем для студентов с высокой осознанностью. Хотя данный способ решения не является единственным, однако проблема использования самоповреждающего поведения в затруднительных ситуациях важна и требует более углубленного изучения.

Ключевые слова: полнота сознания; решение трудной ситуации; модификации тела; татуировка; пирсинг; студенты.

Получившие на данный момент довольно широкое распространение в молодежной среде модификации тела вызывают неподдельный интерес у исследователей. Результаты исследований могут быть использованы в работе психолога по сопровождению взросления молодежи.

Под модификациями тела понимают преднамеренные искусственные изменения частей тела и/или нарушение целостности кожных покровов, осуществляемые по эстетическим, социально-идентификационным или психологическим мотивам самостоятельно или с помощью специалистов [4]. В данном исследовании у студентов в качестве модификаций тела представлены татуировка и пирсинг.

Модификацию тела человек может использовать в качестве способа решения трудных (стрессовых) ситуаций. К мотивам нанесения модификаций можно отнести: необходимость выразить личные переживания и пережитый опыт; желание показать физическую выносливость или свою принадлежность к определенной группе; необходимость выразить сопротивление и протест; желание украсить свое дело и другие [3].

Субъективная значимость происходящего и наличие ресурсов для преодоления возникающих трудностей определяют характер восприятия самой ситуации как затруднительной [1]. Если ресурсов недостаточно, человек может прибегать к наиболее доступному, но не всегда осознанному способу поведения, например, путем фокусирования на собственном теле и/или его модификации.

Полнота сознания, представляющая собой повышенное внимание (или сознание) к текущему опыту, при этом имеет важное значение при разрешении трудной ситуации [2]. Следовательно, выбор поведения опосредован уровнем осознанности человека.

В качестве гипотезы было сделано предположение о наличии связи между использованием агрессии к себе как способа решения трудной ситуации и полнотой сознания у студентов.

Исследование. Сбор данных осуществлялся с использованием: 1) опросника внимательности и осознанности (MAAS) К. Брауна и Р. Райяна (в адаптации А.М. Голубева); 2) методики «Решение трудных ситуаций» (РТС) Я. Боукала (в адаптации О.Ю. Михайловой); 3) анкеты с вопросами о наличии телесных модификаций у участников исследования.

Полученные данные обрабатывались с помощью SPSS Statistics v. 22.0.

В **выборку** вошли 106 студентов одного из белорусских ВУЗов в возрасте от 18 до 25 лет (64 девушки и 42 юноши). Среди участников исследования 43 человека имели различные телесные модификации в виде татуировки, пирсинга и у 63 человек модификации отсутствовали.

Результаты. Между группами студентов с модификациями тела и без были выявлены статистически значимые различия в средних значениях показателя полноты сознания ($p \leq 0,01$), что подтверждает большую вероятность нанесения модификаций тела студентами с низким уровнем полноты сознания. Это может происходить на фоне искажения восприятия ситуации (переоценка значимости и недооценка ресурсов) и собственного образа, что может побудить к модификации своего тела и аутоагрессивному поведению в целом.

Выбор способов поведения, связанных с уходом от непосредственного взаимодействия с ситуацией (уход, сравнение проблем, механизмы снижения психического напряжения и др.), объясним попыткой изменения восприятия происходящего и восстановления ощущения контроля над имеющимися ресурсами для совладания с трудностями.

Результаты корреляционного анализа между склонностью к определенному способу поведения в трудной ситуации и уровнем полноты сознания у студентов представлены в таблице.

Таблица

Корреляционные связи между способами решения трудной ситуации и полнотой сознания

Решение трудной ситуации	ρ Спирмена	Значимость
Уход	-0,357***	$p < 0,001$
Наркотизация	-0,280**	0,004
Сравнение проблем	-0,219*	0,024

Продолжение таблицы

Механизмы снижения психического напряжения	-0,302**	0,002
Вербальная агрессия	-0,423***	p<0,001
Агрессия к людям	-0,288**	0,003
Предметная агрессия	-0,297**	0,002
Агрессия к себе	-0,243**	0,012
Интрапунитивное отношение к ситуации	-0,330**	0,001
Компенсация	-0,388***	p<0,001
Возрастание усилий	+0,288*	0,019

*Корреляция значима на уровне 0,05.

**Корреляция значима на уровне 0,01.

***Корреляция значима на уровне 0,001.

Полученные корреляционные связи свидетельствуют о том, что студенты **при снижении полноты сознания чаще склонны прибегать к:** уходу от решения трудной ситуации; использованию психоактивных веществ; сравнению своих проблем с проблемами других; вытеснению мыслей о проблеме; **агрессии к себе** и обвинению себя в сложившихся неприятностях, что обусловлено искаженным восприятием собственного образа. Более вероятно модификация тела при наличии опыта использования подобного поведения. Это подтверждает количество модификаций у студентов с низким уровнем полноты сознания в возрасте от 18 до 21 года (в среднем около 5).

Также студенты оказались более склонны к агрессии в адрес других людей и предметов, потому как на фоне снижения полноты сознания ими может неправильно интерпретироваться поведение других людей или же из-за переоценки значимости ситуации и повышения интенсивности эмоций возможен выбор способа поведения из довольно узкого их репертуара.

В то время как при повышении полноты сознания студенты более склонны к преодолению трудностей, проявлению настойчивости и терпения при достижении цели.

В ходе дальнейшего анализа **в группе студентов с модификациями** были выявлены обратные взаимосвязи между полнотой сознания и такими способами, как сравнение своих проблем с проблемами других (p<0,05), вербальная агрессия (p<0,01), агрессия к людям (p<0,05), компенсация (p<0,05), а также прямая связь с таким способом, как возрастание усилий (p<0,01).

Это объяснимо тем, что на фоне снижения полноты сознания студенты с модификациями тела не воспринимают ситуацию всесторонне и объективно, что выражается в агрессии (к людям и вербальной), увеличивая вероятность нанесения модификаций (в том числе в виде фрагментов текста при использовании татуировки) как способа безопасного выражения агрессии.

Следует отметить, что связь между полнотой сознания и агрессией к себе не была выявлена как в группе студентов с модификациями тела, так и в группе без телесных модификаций. То есть студенты могут также использовать способы *аутоагрессивного поведения, отличные от татуировки и пирсинга* (например, ограничительное пищевое поведение, обращение к эстетической медицине и т.д.). Проявление агрессии вполне закономерно в состоянии фрустрации, испытываемом при различных ограничениях.

Таким образом, студенты при снижении полноты сознания склонны к обращению агрессии к себе, в том числе к модификации собственного тела, поскольку искаженно воспринимают собственный телесный образ и сложившуюся ситуацию в целом. Кроме того, для студентов, имеющих опыт модификации тела, характерно успокаивать себя сравнением своих проблем с проблемами других, переключаться на более легкую деятельность, проявлять агрессию в адрес других людей, потому как они искаженно оценивают значимость ситуации и собственные ресурсы для совладания с ней, а также не всегда верно интерпретируют поведение других людей из-за искаженного восприятия ситуации на фоне снижения полноты сознания.

Библиографические ссылки

1. *Белинская Е. П.* Совладание как социально-психологическая проблема [Электронный ресурс] // Психологические исследования : электрон. науч. журн. 2009. Т. 2, №1 (3). URL: <https://www.psystudy.ru/index.php/num/article/view/1001>. (дата обращения: 24.12.2023).
2. *Голубев А. М.* Природа полноты сознания. Адаптация опросника внимательности и осознанности МААС // Вестник НГУ. Серия : Психология. 2012. Т. 2. С. 44–51.
3. *Макарова Е. А., Тищенко И. А.* Татуировка как одна из модификаций тела и мотивационные установки ее нанесения // Вестник Таганрогского института управления и экономики, 2021. № 2 (34). С. 88–92.
4. *Польская Н. А.* Эмоционально-личностные корреляты модификаций тела // Известия Саратовского университета. Серия : Философия. Психология. Педагогика. 2014. Т. 12, № 2-1. С. 84–90.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРИВЯЗАННОСТИ В БЛИЗКИХ ОТНОШЕНИЯХ И ОСОБЕННОСТЕЙ ДОВЕРИЯ И НЕДОВЕРИЯ СТУДЕНТОВ ДРУГИМ ЛЮДЯМ

С. З. Кулиева

s_dochka@yahoo.com;

Научный руководитель – Ю. С. Смирнова, кандидат психологических наук, доцент

В публикации автор рассматривает такие феномены межличностных отношений как привязанность, доверие и недоверие. Объектом исследования выступают доверие и недоверие другим людям, цель – определить характер взаимосвязи привязанности в близких отношениях и особенностей доверия и недоверия студентов другим людям. Приводятся результаты эмпирического исследования. Обнаружено, что студенты, которые испытывают недоверие, в отношении привязанности чаще подвергаются воздействию беспокорства и избегания, склонны к более отрицательным убеждениям в отношении людей, которым не доверяют. Привязанность больше связана с особенностями доверия другим людям, нежели с недоверием. Причем взаимосвязь обнаружена, главным образом, для показателя избегания близких отношений.

Ключевые слова: привязанность; доверие; недоверие; близкие отношения.

В данной статье анализируется проблема близких отношений, которая представляет собой актуальную область психологических исследований.

Важной отличительной чертой близких межличностных отношений является привязанность. Под привязанностью понимается эмоциональная связь с другим человеком, которую можно трактовать как чувство близости, основанное на глубокой симпатии, преданности кому-либо или чему-либо [1, с. 87]. Система привязанности закладывается в материнско-детских отношениях, но может характеризовать не только их, но и близкие взаимоотношения взрослых людей.

Стоит также отметить еще один немаловажный аспект близких отношений – доверие. Доверие – это убежденность в честности и порядочности партнера, вера в искренность и добросовестность его намерений [2, с. 35]. Человек, вступая в отношения, хочет, чтобы доверие в отношениях, особенно в новых, присутствовало максимально, чтобы ему доверяли всецело и чтобы он тоже мог положиться на другого человека.

Первоначально доверие возникает на ранних стадиях развития ребенка на основе базовой потребности в безопасности и защищенности, его возникновение основано на эмоциональном контакте ребенка с матерью. В процессе развития, включения в социальную среду (микросреду, представленную близким кругом, семьей, и макросреду, представленную более широким кругом общения, первыми общественными институтами – детским са-

дом, школой и т.д.) у ребенка возникает определенный опыт взаимодействия с ней [2, с. 26-28]. Недоверие понимается как психологическое отношение, включающее осознание рисков, возникающих при открытости субъекта и партнера по взаимодействию; чувство опасности и негативные оценки партнера; настороженность и напряженность (готовность прекратить контакт, ответить на агрессию, проявить враждебность) [3, с. 47].

Поскольку важным фактором, определяющим характер привязанности и особенности доверия взрослого человека другим людям, являются родительско-детские отношения в семье на ранних этапах онтогенеза, нам представляется важным в исследовании учесть тип семьи студента полная или неполная, также мы решили рассмотреть есть ли половые различия среди студентов и как они проявляются.

Теоретико-методологическими основаниями исследования являются теория привязанности Дж. Боулби и подход к изучению доверия и недоверия Т. П. Скрипкиной. Для сбора данных применялась методика оценки «Доверия/недоверия личности другим людям» А. Б. Купрейченко [3] и «Опросник привязанности к близким людям» Н. В. Сабельниковой, Д. В. Каширского [4]. Для статистической обработки данных применялись U-критерий Манна-Уитни, коэффициент корреляции Спирмена. Всего в исследовании приняли участие 63 студента в возрасте от 17 лет до 24 лет, где 34 человека из полной семьи и 29 из неполной. Сравним показатели привязанности к близким людям студентов из полных и неполных семей (рис. 1).

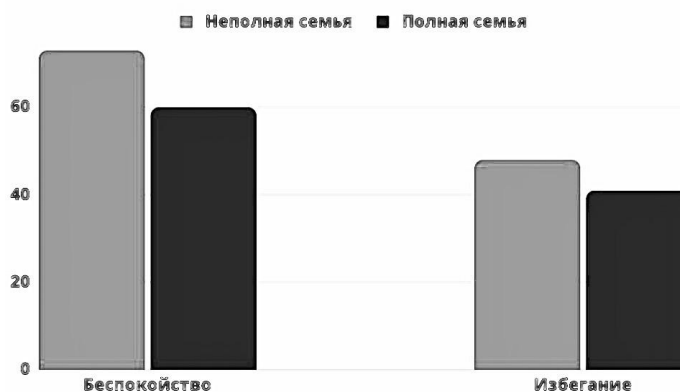

Рисунок 1. – Показатели привязанности в близких отношениях у студентов из полных и неполных семей

Различия в уровнях беспокойства ($U=31,500$; $p=0,012$) и избегания близких отношений ($U=307,000$; $p=0,010$) являются статистически значимыми: у студентов из неполных семей эти показатели выше, чем у студентов из полных семей. В неполной семье происходит деформация привычной модели детско-родительской привязанности, из-за чего и возникают новые формы проявления привязанности у взрослых людей.

Можно предположить, что в юношеском возрасте происходит трансформация детско-родительской привязанности в привязанность к партнеру, близкому человеку. Сделанное нами предположение нуждается в дальнейшей проверке.

Сравним особенности доверия и недоверия другим людям у студентов из полных и неполных семей. Были обнаружены следующие статистически значимые различия: у студентов из полных семей более выражены показатели приязни ($U=301,50$; $p=0,008$), надежности ($U=307,50$; $p=0,009$) и расчета ($U=245,50$; $p=0,001$) и менее выражены показатели недостатков ($U=248,50$ $p=0,001$) человека, который утратил доверие (НД), чем у студентов из неполных семей (рис. 2).

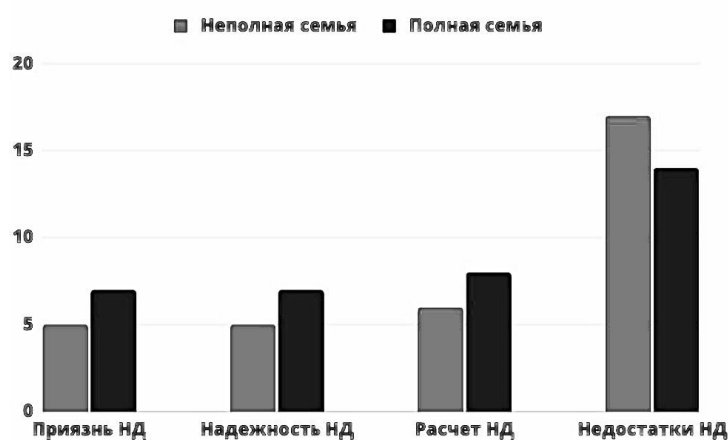

Рисунок 2. – Особенности недоверия другим людям у студентов из полных и неполных семей

Это можно объяснить тем, что в неполной семье ребенок развивается в условиях депривации доверия, может получить негативный опыт базового доверия, как следствие, формирование доверия идет по пути стагнации развития доверительных отношений. В целом у взрослых людей из полных семей чаще всего сформирован хороший опыт взаимодействия с окружающими, т.к. прошлый опыт привязанности в близких отношениях (в семье, в детско-родительских отношениях), заложил хороший фундамент для взаимодействия с окружающими. Поэтому студенты из полных семей относятся более положительно к лицам, которые утратили доверие, нежели студенты из неполных семей, которые склонны искать недостатки в тех, кому не доверяют вследствие того, что испытывают дефицит доверия.

Были обнаружены средние и умеренные статистически значимые отрицательные корреляции между избеганием близких отношений и надежностью ($r_s=-0,510$, $p=0,002$), единством ($r_s=-0,540$, $p=0,001$), приязнью ($r_s=-0,457$, $p=0,007$) и знанием ($r_s=-0,412$, $p=0,010$) человека, которому доверяют больше всего студенты из полных семей. Показатели доверия другим людям

студентов из полных семей взаимосвязаны только с одним из показателей привязанности - избеганием близких отношений. Статистически значимых корреляций показателей привязанности и особенностей недоверия студентов из полных семей другим людям обнаружено не было. С беспокойством в близких отношениях коррелируют показатели приязни человека, которому больше всего доверяют студенты из неполных семей ($r_s=0,395$, $p=0,034$), а с показателем избегания близких отношений – оценки расчета человека, утратившего доверие ($r_s=0,441$, $p=0,017$).

Для сравнительного анализа степени привязанности в близких отношениях у студентов в зависимости от их пола использовался U- критерий Манна-Уитни для двух независимых выборок. Обнаружены различия между студентами женского и мужского пола по показателям избегания близких отношений ($U=315,500$; $p=0,013$) и беспокойства в близких отношениях ($U=232,500$; $p<0,001$): у юношей уровень избегания и беспокойства выше, чем у девушек (рис. 3).

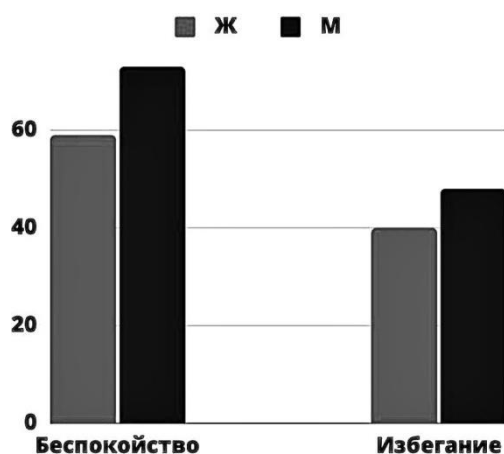

Рисунок 3. – Различие значимых показателей привязанности в близких отношениях у студентов женского и мужского пола

Можно предположить, что данные различия возникли из-за того, что в выборке нашего исследования большинство респондентов мужского пола – из неполных семей (из 31 респондента мужского пола – 23 студента живут в неполной семье и воспитываются одним родителем, а из 33 респондентов женского пола – лишь 8 живут в неполной семье), что в свою очередь влияет на дефицит доверия и снижает уровень привязанности, тем самым повышается потребность в избегании и чувство беспокойства в близких отношениях.

Дети, у которых имеет место неудовлетворенная потребность в доверительных отношениях, испытывают чрезвычайно острую потребность в близком взрослом [5, с. 95].

Высказанное нами предположение нуждается в дальнейшей проверке, которую мы планируем реализовать в следующей работе.

Подводя итоги, отметим, что привязанность больше связана с особенностями доверия другим людям, нежели недоверия. Причем взаимосвязь обнаружена, главным образом, для показателя избегания близких отношений. Это связано с тем, что люди, потерявшие доверие к тому или иному человеку, всеми силами стараются избежать повторного негативного опыта, в котором содержится боль и сожаление от близости с другими людьми. В дальнейшем мы планируем более детально изучить, как фактор детско-родительских отношений опосредует взаимосвязь привязанности и доверия и недоверия другим людям.

Библиографические ссылки

1. Bowlby, J. Attachment: Attachment and loss. Vol. 1. New York: Basic Books, 2005.
2. Ильин, Е. П. Психология доверия. СПб.: Питер, 2013.
3. Купрейченко, А. Б. Психология доверия и недоверия. М.: Институт психологии РАН, 2008.
4. Сабельникова, Н. В., Каширский, Д. В. Опросник привязанности к близким людям // Психологический журнал. 2015. Том 36. № 4. С. 84-97.
5. Скрипкина, Т. П. Психология доверия. Ростов-на-Дону: Издательство РГПУ, 1997.

КОММУНИКАТИВНАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ И СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТЬ У СТУДЕНТОВ С ВЫСОКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТЬЮ

Ю. В. Кунаховец

julia.kunachovecz@mail.ru;

Научный руководитель – Н. Н. Красовская, кандидат социологических наук, доцент

Неоднозначные процессы в сфере социально-экономических и межнациональных отношений в современной Республике Беларусь подчеркивают важность изучения проблемы коммуникативной толерантности и уровня стрессоустойчивости, особенно среди молодежи. Один из факторов, затрудняющих коммуникацию между представителями разных социальных групп и культурных традиций, заключается в низком уровне компетентности молодых людей в вопросах коммуникативной толерантности и стрессоустойчивости.

Ключевые слова: коммуникативная толерантность; стрессоустойчивость; студенческая молодежь.

Коммуникативная толерантность представляет собой психосоциальную характеристику личности, которая проявляется во взаимодействии с другими людьми. Она характеризуется отсутствием конфликтов, коммуникативным поведением и способностью принимать различные качества и поступки субъектов с целью достижения позитивных результатов [1, с. 24].

Под стрессоустойчивостью подразумевают эмоциональную устойчивость и хорошую способность контролировать свои эмоции, что, несомненно, необходимо для развития социальной активности молодого человека [2, с. 87].

Для выявления взаимосвязи коммуникативной толерантности и стрессоустойчивости у социально активной молодежи было организовано исследование, в котором приняло участие 150 студентов-активистов, которые проявили себя в различных студенческих организациях и общественных объединениях, входящих в Студенческий совет БГУ (респонденты имеют возраст от 17-21 года и обучаются на различных курсах (1-4 курсы). В качестве основного диагностического инструментария использовались Методика диагностики общей коммуникативной толерантности В.В. Бойко и Тестовая методика на самооценку стрессоустойчивости личности Н.В. Киршева, Н.В. Рябчикова.

В ходе первичной обработки полученных данных по *методике коммуникативной толерантности В.В. Бойко* было выявлено, что преобладающий

высокий уровень толерантности у студентов прослеживается по показателям:

- неумение скрывать или сглаживать неприятные чувства 68% (102 студента);
- стремление подогнать других под себя 71% (107 студентов);
- нетерпимость к дискомфортным состояниям партнера 84% (126 студентов).

Проанализировав средние значения по каждой из шкал, мы выявили что наиболее толерантны опрошенные студенты к дискомфортным состояниям партнера (3,0), наиболее не толерантны к поступкам других людей (стремление перевоспитать партнера) (8,6).

Студенты также прошли тестирование на уровень стрессоустойчивости с помощью *теста на самооценку стрессоустойчивости личности Н.В. Киршева, Н.В. Рябчикова*, результаты которого показали, что наиболее высокий уровень стрессоустойчивости характерен для 29% (43 студента), уровень выше среднего – для 23% (34 студента), уровень чуть выше среднего – для 20% (30 студентов). Очень высокий, средний и низкий уровни выражены в меньшей степени – 10% (15 студентов), 14% (21 студент) и 4% (7 студентов) соответственно. Низкого и очень низкого уровня не было выявлено.

Таким образом, у опрошенных студентов преобладают высокие показатели стрессоустойчивости, что говорит о том, что они благоприятно справляются с внешними и внутренними стрессогенными факторами.

Проведенный статистический анализ показал взаимосвязь между коммуникативной толерантностью и стрессоустойчивостью социально активной молодежи по шкалам: «Непринятие индивидуальности» и «стрессоустойчивость» ($r= 0,336$; $p\leq 0,01$); «Использование себя как эталона» и «стрессоустойчивость» ($r= 0,372$; $p\leq 0,01$); «Категоричность, консервативность» и «стрессоустойчивость» ($r= 0,385$; $p\leq 0,01$); «Неумение скрывать чувства» и «стрессоустойчивость» ($r= 0,302$; $p\leq 0,01$); «Стремление переделать партнера» и «стрессоустойчивость» ($r= 0,306$; $p\leq 0,01$), «Желание сделать партнера удобным» и «стрессоустойчивость» ($r= 0,343$; $p\leq 0,01$); «Неумение прощать ошибки» и «стрессоустойчивость» ($r= 0,413$; $p\leq 0,01$); «Нетерпимость к дискомфорту» и «стрессоустойчивость» ($r= 0,219$; $p\leq 0,01$); «Плохое приспособление» и «стрессоустойчивость» ($r= 0,232$; $p\leq 0,01$).

На основании этого можно говорить, что у социально активной молодежи уровни коммуникативной толерантности и стрессоустойчивости взаимосвязаны.

По результатам исследования были разработаны рекомендации по повышению уровня коммуникативной толерантности и стрессоустойчивости у студентов: проведение тренинговых занятий активного слушания, включая

подтверждение и резюмирование; обучение студентов стратегиям управления конфликтами и поиску конструктивных решений; развитие самоанализа и саморефлексии; обучение стрессоуправлению и развитие стрессоустойчивости; поддержка и сопровождение студентов. Важно помнить, что эти рекомендации являются общими и могут быть адаптированы под конкретные потребности и особенности группы студентов.

Библиографические ссылки

1. *Бойко, В.В.* Коммуникативная толерантность: метод. пособие. СПб.: СПбМАПО, 1998.
2. *Селье, Г.* Стресс без дистресса. М.: Прогресс, 2011.

ЗРЕЛИЩНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ БИОПОЛИТИКИ В ФИЛОСОФИИ ДЖ. АГАМБЕНА

Д. С. Курачинская

daria.kurachinskaya@gmail.com;

*Научный руководитель — И. Н. Сидоренко, доктор философских наук,
доцент*

В статье анализируется концепция биополитики итальянского философа Дж. Агамбена как редукционистская политика тела, использующая метод профанации для захвата биологической жизни. Цель современного носителя «голой жизни» заключается в борьбе с всеохватывающей биополитической властью. Введен термин «двойная профанация» – десакрализации механизма биополитики (возвращение к состоянию дифференциации политического и биологического аспектов жизни). Особое внимание уделено раскрытию сущности концентрационного лагеря как квинтэссенции неразличимости закона и исключения. Обнаруживая собственную жизнь в границах внутреннего и внешнего, жизни и смерти, заключенный становится фигурой *homo sacer*, захваченный двойственной силой номоса. Результатом исследования является экспликация сущностных характеристик лагеря, определение цели современного носителя «голой жизни» на основе биополитики Дж. Агамбена.

Ключевые слова: Дж. Агамбен; биополитика; власть; лагерь; *homo sacer*; номос; чрезвычайное положение; двойное профанирование.

Дж. Агамбен обращается к исследованию специфической политико-юридической структуры (концентрационный лагерь), в пространстве которого формируется современный номос. Номос – пространство взаимовлияния окружающей среды и социокультурной. Именно лагерь как биополитическая парадигма современности представляет подлинное пространство исключения. «В интернированном пространстве, на локализованной территории, где нормы права перестают действовать, жизнь, превратившись в голую жизнь, больше не имеет никакой юридической ценности, и, следовательно, может быть отнята без совершения убийства» [1, с. 267]. Возникновение лагеря знаменует собой вырождение чрезвычайного положения, которое стремится стать нормой. Чрезвычайное положение, функционирующее как правило, приобретает перманентное пространство, пересекая линию закона (не становясь внешним по отношению к закону). «Лагерь становится структурой, где чрезвычайное положение, возможность которого выступает в качестве последнего основания суверенитета, осуществляется в нормальном режиме» [2, с. 216]. Таким образом, лагерь является квинтэссенцией неразличимости закона и исключения. Сущность «лагеря» определяется его дуальностью: исключение, ставшее правилом; выключенное из действия закона, но не являющееся внешним по отношению к политическому.

Лагерь становится той сумеречной зоной, в пределах которой индивид обезличивается. Обнаруживая собственную жизнь в границах внутреннего и внешнего, жизни и смерти, заключенный становится фигурой *homo sacer*, захваченный двойственной силой *номоса*. «Все обитатели лагеря были лишены всякого политического статуса и полностью сведены к голой жизни, он [лагерь] является биополитическим пространством в некоем беспрецедентном, абсолютном смысле, местом, где власть имеет дело напрямую с чистой жизнью, без какого-либо опосредования» [2, с. 217]. Продуктом биополитической машины является политически обнаженный *homo*, который не является носителем прав вследствие положения неразличимости.

Дж. Агамбен указывает на отличительную черту лагеря: пространство лагеря имеет определенную локализацию, однако она не фиксируется за конкретной территорией. «Лагерем становится как стадион в Бари, где в 1991 году итальянская полиция временно удерживала массу нелегальных албанских иммигрантов до возвращения их в страну, так и зимний велотрек, на который власти Виши согнали евреев, дабы передать их затем немцам» [2, с. 221]. Таким образом, пространство, в котором привычный порядок вещей нивелируется и закон сменяется исключением есть лагерь.

Появление лагеря знаменует кризис политической системы национального государства. Кризис есть стагнация политико-правовой системы ввиду неэффективного функционирования старого порядка. Обращаясь к исследованиям К. Шмитта, Дж. Агамбен указывает на три составляющих элемента национального государства: территория, правовая система, рождение. Согласно К. Шмитту, уничтожение старого *номоса* осуществляется в точке, которая устанавливает включение в локализацию и порядок голой жизни. «Что-то перестает работать в традиционных механизмах, отвечавших за это включение, и новым тайным регулятором вписывания жизни в порядок оказывается лагерь» [2, с. 222].

Лагерь есть лагуна между голой жизнью и национальным государством. «Порядку без локализации (чрезвычайное положение, при котором действие закона приостановлено) отныне соответствует локализация вне порядка (лагерь как постоянное исключительное пространство)» [2, с. 222]. Дж. Агамбен указывает на включенность в политическую систему делокализирующей локализации, которая не детерминируется конкретным пространством, но преодолевает политическую систему. «Лагерь как делокализирующая локализация – это и есть скрытая матрица нынешней политики» [2, с. 222]. Правомерно заключить, что лагерь является разрывающим элементом национального государства (территория, правовая система, рождение). Образуя невидимую сетку власти, лагерь выступает в качестве функции биополитики: поддерживая и продуцируя фигуру *homo sacer* и разрушая старый порядок вещей.

Лагерь представляет собой «опухоль» государственного устройства общества: она сигнализирует о дисфункции прежнего номоса; последний оказывает влияние на размещение народов и человеческой жизни. «Опухоль» общественного устройства является злокачественной: пространство лагеря оправдывает изнасилование с точки зрения этической парадигмы. «Нацисты никогда не предполагали проводить в жизнь “окончательное решение”, оплодотворяя еврейских женщин: именно потому, что принцип рождения, гарантировавший включение жизни в правопорядок национального государства, все еще продолжал функционировать, хотя он и изменился до неузнаваемости» [2, с. 223]. Следует заключить, что механизм действия лагеря осуществляется на разрушающемся *nomos*'е, закон которого приостановлен (не действителен). Однако в пространстве лагеря устанавливается собственный порядок, в котором смешение политического и биологического вырождается в этическое оправдание актов насилия.

Выявленная нами отличительная черта феномена «лагерь» – не пространственная, а теневая локализация – утверждает иную особенность: выход за пределы территории, отведенной под место заключения инакомыслящих. «Лагерь, глубоко укоренившийся в Городе, – это новый биополитический номос планеты» [2, с. 223]. Таким образом, лагерь пронизывает общественно-социальную сетку устройства государства, в котором каждый потенциально может стать заключенным, то есть захваченным новым номосом биополитики (заполняя лакуну разрыва голой жизни и национального государства).

Дж. Агамбен подчеркивает, что возвращение к нормативному праву невозможно, так как право и голая жизнь произведены чрезвычайным положением [3]. Первостепенная задача, которую ставит итальянский мыслитель, – это разрыв между жизнью и законом, насилием и законом посредством деинструментализации закона. Профанирование закона осуществляется посредством аналогии с игрой. «Однажды человечество будет так же просто играть с законом, как дети играют с вышедшими из употребления предметами – не для того, чтобы восстановить их обычное использование, а для того, чтобы освободить их от пользы вообще» [4, с. 179]. Игра является переходом, ведущим к справедливости. Следует заключить, что игра освобождает закон от сущностных характеристик, оставляя опустошенное пространство формы закона, которое наполняется злокачественными миазмами. «Опасность, которую видит исследователь, состоит не в том, что некоторые объекты начинают оказывать влияние на человеческие поступки, а во все более размываемой человеческой субъективности, ее мнимости в свете множасьего количества обязывающих элементов» [5, с. 71]. Таким образом, Дж. Агамбен предлагает способ борьбы с всеохватывающей биополитической властью – профанирование политических концептов, (суверенитет,

национальность) захвативших жизнь биологическую. «Профанное говорится именно в том смысле, что из священного или религиозного, которым было, оно возвращено в пользование и собственность людей» [6, с. 78].

Дж. Агамбен в книге «Профанации» анализирует связь сакрального или религиозного с вещами, которые принадлежали богам. Религия переносит вещи, используемые в общем доступе в сферу трансценденции, наделяя объекты сакральным значением. Таким образом, религия изымает вещи из собственно человеческого пространства. Производство сакрального осуществлялось до тех пор, пока эффективно функционировал механизм жертвоприношения. Денегацией института «сакральной жертвы» обозначился поворот к политической редукции (поворот к политически обнаженному homo, который уже принадлежит богам). «Существует профанная контагиозность, прикосновение, которое расколдовывает и возвращает в пользование то, что сакральное ранее обособило и заморозило» [6, с. 80]. Правомерно заключить, что биополитика – редукционистская политика тела, использующая метод профанации для захвата биологической жизни, чтобы безнаказанно совершить убийство.

Нами вводится термин «двойное профанирование», сущность которого заключается в десакрализации корпуса биополитики. Биовласть, используя метод «профанации» становится машиной по захвату человеческой жизни, определяя ее значимость, нивелирует ценность биологического модуса существования. Профанирование «жизни» до состояния «голой жизни» есть эффективное производство удобоприносимой жертвы (без религиозного оттенка). Таким образом, необходима реализация второго этапа профанации (обозначенный нами как «двойное профанирование») вследствие чего голая жизнь возвратится к состоянию дифференциации политического и биологического аспектов жизни. «Любая непрофанируемость — основывается на блокировке и отвлечении подлинно профанаторского намерения» [6].

Дж. Агамбен определяет цель современного носителя «голой жизни»: профанация непрофанируемого. Мыслитель эксплицирует сущность данного механизма (профанации непрофанируемого) на примере индустрии показа. Манекенщиц, порнозвезд приучают «не предъявлять к показу ничего иного, кроме самого показывания (то есть собственной абсолютной медийности)» [6, с. 99]. Таким образом, лицо «показа» наделяется выставочной стоимостью и представляет объект потребления. Согласно Дж. Агамбену, объективируемость лица поддается воздействию эротизма, который проникает в нагое («голая жизнь») тело индивида и производит новую форму эротической коммуникации [7]. Хлоя де Лисс – порнозвезда, которая продаёт свои возможности через арт-перформансы, довела метод «показа» до предела. «Она фотографируется, совершая или подвергаясь актам в высшей степени непристойным, но всегда так, чтобы её лицо было хорошо видно на

переднем плане» [6, с. 100]. Вместо симуляции наслаждения, ее лицо выражает безразличие к партнеру и зрителям, которые ожидают ее «сопричастности» (к процессу удовлетворения). Таким образом, ее невозмутимое лицо разрушает всякую связь между переживаемым и сферой «показа», выступая при этом чистым средством (не вовлеченного чувством).

Результатом исследования является экспликация сущности политики, которая всегда является биополитикой (управлением человеком как биологическим существом). Поэтому символом современной политики является не город, а концлагерь. Посредством слепого господства политизации, экономизации, искусственной зрелищности медийного пространства, следует указать на процесс редуцирования человека до состояния голой жизни (*nuda vita*). Политизация голой жизни представляет решающее событие современности, знаменующее радикальную трансформацию политико-философских категорий античной мысли.

Библиографические ссылки

1. Самовольнова, О. В. Социально-философский анализ основных концепций биополитики: М. Фуко, Дж. Агамбен, А. Негри [Электронный ресурс] / О. В. Самовольнова // Вестник РГГУ. Серия "Философия. Социология. Искусствоведение". – 2017. – № 4 (10), ч. 2. – С. 261–271.
2. Агамбен, Дж. Ното сасег. Суверенная власть и голая жизнь / Дж. Агамбен. – М.: Издательство «Европа», 2011. – 256 с.
3. Комарофф, Джин По ту сторону голой жизни: СПИД, (био)политика и неолиберальный порядок / Джин Комарофф // Философско-литературный журнал «Логос». – 2021. – №1 (140). – С. 3–34.
4. Кобылин, И.И. Исток и сингулярность: Дж. Агамбен и М. Фуко о рождении биовласти / И. И. Кобылин // Философия и общество. – 2011. – № 3. – С. 171–183.
5. Томильцева, Д. А. Мораль в теории диспозитивов и проблема субъективности / Д. А. Томильцева // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. – 2016. – № 5. – С. 70–86.
6. Агамбен, Дж. Профанации / Дж. Агамбен; пер. с итал. К. Толмачёва. – М.: Гилея, 2014. – 112 с.
7. Чубаров, И. Порно как искусство насилия / И. Чубаров // Философско-литературный журнал «Логос». – 2012. – №6 (90). – С. 141–156.

М. ФУКО О МЕХАНИЗМАХ ФОРМИРОВАНИЯ ДИСКУРСА

А. А. Кучук

thrsamealya@gmail.com;

*Научный руководитель — И. И. Лещинская, кандидат философских наук,
доцент*

В статье анализируется теория дискурса. Эксплицируется сущность данного феномена и механизмы его формирования. Выявлены «эпистемологические силы» дискурса и его роль в формировании и контроле над знанием. Показано, что дискурс с помощью механизмов своего осуществления в жизни общества активно конструирует реально, а не просто отражает ее. Выявлен основной способ конструирования реальности дискурсом. И обосновано, что для М. Фуко в качестве такого выступает механизм исключения. Раскрыты три разновидности данного механизма: запрет или запрещенное слово, разделение и отбрасывание, оппозиция истинного и ложного или Воля к истине. Эксплицируется содержание концепта воля к истине и его значение. Показано как истина фиксируется в разнообразных институциях в форме норм и ценностей, которые затем транслируются людям и конструируют их специфические представления реальности, соответствующие фундаментальной истине дискурса.

Ключевые слова: М. Фуко, дискурс, дискурсивные практики, власть, воля к власти, истина, воля к истине.

В контексте информационного общества, где технологии и средства массовой информации проникают во все сферы жизнедеятельности человека дискурс, олицетворяющий собой сложную сеть речевых и текстовых практик, приобретает всеобщее значение. Информационные порталы и множество онлайн-платформ превращаются в эпицентр формирования и распространения дискурсивных практик, определяющих восприятие событий, политические убеждения и самоидентификацию человека.

В этом контексте особую актуальность имеет теория дискурса М. Фуко, который анализирует, каким образом дискурсивные практики влияют на формирование представлений о мире.

Французский философ указывает, что дискурсивные практики отнюдь не являются нейтральными и безвредными. Напротив, они могут служить инструментом власти, используемым различными политическими акторами с целью формирования общественного мнения, манипуляции им и контроля над ним.

В разработке этой теории М. Фуко опирается на концепт «воли к власти» Ф. Ницше, представляющий идею о том, что «воля к власти» детерминирует стремление всего сущего к аккумуляции сил, мощи [1]. Отталкиваясь от концепта немецкого философа, М. Фуко начинает разработку собственной

методологической программы, признанной ответить на вопросы: как дискурсивные практики власти порождают истину и как воля к истине поддерживает дискурсивные практики власти?

Дискурс – это не динамичный процесс научного мышления и осмысления; это совокупность высказываний, произнесенных в различные исторические периоды, и которые, несмотря на свою диспарантность, подчиняются одной и той же структуре. М. Фуко дает следующее определение дискурсу «... это то, что в силу самого акта, находится в поле действия правил, которые делают возможным то, что этот акт высказывает» [2, с. 29].

Согласно М. Фуко, дискурс как специфическая форма организации знания не является нейтральным феноменом. Он характеризуется динамичностью и наделен собственной властью. В самой его структуре заложена сила и потенциальная угроза доминирования и подчинения высказываний. Поэтому М. Фуко полагает, что в связи с очевидной опытностью, общество создает и устанавливает особые формы регуляции и контроля.

Наряду с этим, еще одним центральным понятием в концепции М. Фуко является дискурсивные практики (формации). Они включают в себя систему распределения, регуляции, ограничения и трансформации высказываний, с которыми они сопряжены. Французский философ дает следующее определение: «... это правило, которое существует в том, что говорить, и в условиях, в которых оно говорится» [2, с. 63].

По убеждению М. Фуко, главным механизмом организации порядка дискурса с целью сокрытия его властной природы является исключение, которое в свою очередь подразделяется на три вида: запрет или запрещенное слово, разделение и отбрасывание, оппозиция истинного и ложного или Воля к истине.

Первый тип исключения предполагает наличие запретов на артикуляцию высказываний или апелляцию к определенным знакам и символам в соответствии с контекстом или говорящим. Второй тип исключения предполагает дискредитацию высказываний в зависимости от обстоятельств или говорящего. Однако в отличие от запрета, таким высказываниям допускается циркулировать в рамках дискурса, но они всегда будут незамеченными и не будут ни кем интерпретированы [2].

В качестве примера второго вида исключения выступает дискурс безумия, который анализировал и эксплицировал М. Фуко в своей диссертационной работе «История безумия в классическую эпоху» (1961). На протяжении многих эпох безумные с помощью различных практик изолировались из общества, вместе с тем, маргинализация безумия проявлялась и на уровне дискурса. «Весь этот необъятный дискурс сумасшедшего оборачивался шумом, а слово ему давали только символически – на сцене, где он двигался, безоружный и примиренный, поскольку там он играл роль истины в маске» [3, с. 53].

Суть третьего вида исключения заключается в том, что дискурсивные практики подчиняются режиму истины и лжи, который определяет условия их появления и функционирования, при этом существует необходимость разграничивать допустимые и недопустимые высказывания, а также устанавливать критерий достоверности.

В качестве примера третьего вида исключения, у М. Фуко выступает исторический переход от ритуального статуса высказывания к его истинности, вследствие которого, истина стала зависеть от дискурса, а ее вес переместился в речевые практики [1]. Этот переломный момент можно проиллюстрировать противостоянием философов и софистов в Древней Греции, которые представляли разные модели мышления-говорения, истинного и ложного. Это противостояние заложило основы особой специфической «воли к знанию» или «воли к истине», которая определяет направление мышления, его условия и инструменты, предметы и позицию познающего субъекта. Античный дискурс истины опирался на диалектику Сократа, гносеологию Платона, логику Аристотеля. В XVII вв. с формированием науки как института и критериев научности, истина стала тождественна научности, вместе с этим, изменилось поле того, что может быть признано истинным.

М. Фуко убежден, что в современном мире, дискурсом, который претендует на истинность, является тот дискурс, который опирается на научную методологию и ее результаты. При этом воля к знанию устанавливает нормы производства и оформления научного знания, оказывая влияние на то, как организовано и функционирует общество.

М. Фуко резюмирует, что воля к истине, пронизывающая все современное общество, не является нейтральной по своим последствиям. Она несет в себе определенные эффекты и механизмы власти, которые закрепляются на уровне институтов и практик. Воля к истине производит и распространяет формы знания, которые определяют правила и пределы для других дискурсов, поэтому именно она становится механизмом дисциплинарного контроля над субъектами и объектами знания. Воля к истине не отделима от способов ее реализации в конкретных социальных институтах. Эти институты не только поддерживают и распространяют знание, но и определяют его статус, ценность и легитимность. Они также устанавливают нормы и критерии для других видов дискурса.

Важно отметить, что другие дискурсы (экономический, психиатрический и т.д.), подчиняются воле к истине. Они ищут не только опору в дискурсе истины, который представляет собой модель правдоподобия и естественности, но и пытаются обосновать или оправдать свои утверждения с помощью теоретических или эмпирических знаний, которые производятся ей. М. Фуко приводит пример с дискурсом закона, который имея явно нормативный характер, стремится к легитимации через знание.

Истина конституируется в корреляции с отношениями власти, которые генерируют и консолидируют ее. Они расширяют присутствие данной истины в социальных отношениях и оказывают политическое вмешательство на действительность, которая нас окружает и которая встроена в нас самих. «Истина как определенное знание говорит нам о том, что есть в действительности, что существует и что мы должны воспринимать как реальное» [4, с. 66].

Такое видение фиксируется в разнообразных институциях в форме норм и ценностей, которые затем транслируются обществу и конструируют его представление реальности, соответствующее фундаментальной истине дискурса.

Таким образом, дискурс представляет собой практику, которая систематически конституирует объекты высказывания, и которая не может быть изолирована от условий своего появления, функционирования и циркуляции. Дискурс подчиняется различным формам ограничения и регулирования, которые определяют его статус и распределение. Эти формы не являются экстермальными по отношению к дискурсу, а формируют его внутреннюю организацию и рациональность. Они не только устанавливают границы допустимого и недопустимого высказывания, но также производят новые объекты дискурса, новые режимы высказывания, новые позиции говорящих.

Дискурс не является аппаратом или механизмом властного действия, а сам конституирует поле властных отношений, в котором происходит непрерывное соперничество и перманентное сопротивление. Он также является пространством знания, в котором разворачивается борьба за определение истинности и ложности. Власть и знание не могут быть отделены друг от друга, так как они образуют сложную сеть корреляций, которая пронизывает все сферы человеческой жизни.

Библиографические ссылки

1. Фуко, М. Ницше, генеалогия, история. Спб.: Алетея, 1994.
2. Фуко, М. Археология знания. Спб.: ИЦ «Гуманитарная академия», 2004.
3. Фуко, М. История безумия в классическую эпоху. Спб.: Университетская книга, 1997.
4. Кузянин, А. Г. Власть вне субъекта: применимость концепции власти-знания Мишеля Фуко к анализу повседневных практик. М.: НИУ ВШЭ, 2014.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ТРЕВОЖНОСТИ И СТИЛЯ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ У СТУДЕНТОВ

А. Е. Лепарская

vidlepra@gmail.com;

Научный руководитель – Е. И. Цюхай, старший преподаватель

Выбор определенной стратегии при принятии решения связан с выраженностью тревожности как личностной черты. Одним из способов снижения сильного эмоционального напряжения при тревоге является использование сверхбдительности, выражающейся в повышенной фиксации на объекте тревоги. Кроме того, высокотревожным студентам свойственны при принятии решений прокрастинация и избегание. Определение оптимального уровня тревожности для принятия более рациональных решений имеет важное прикладное значение и результаты подобных исследований могут быть использованы при организации психолого-педагогической работы со студенческой молодежью.

Ключевые слова: личностная тревожность; ситуационная тревожность; стиль принятия решений; сверхбдительность; прокрастинация; избегание; студенты.

В процессе учебной деятельности студенты неизбежно сталкиваются с необходимостью делать выбор в различных ситуациях. Совершаемый личностью выбор между имеющимися альтернативами в ситуации неопределенности есть принятие решения [1].

Однако выбор альтернативы представляет собой нахождение наиболее оптимального варианта удовлетворения актуальной потребности [2]. Являясь заключительным этапом исполнения волевой деятельности, принятие решение у высокотревожных студентов имеет свои особенности. Оно включает в себя две составляющие: мыслительную деятельность и непосредственно действие. Мыслительная деятельность включает в себя формирование новых целей, критериев их достижения, мотивов, установок, придание смыслов [3].

В качестве основных функций тревоги В.М. Астапов выделяет: мобилизацию организма на поиск информации и оценку субъективной значимости ситуации для индивида. При высоком напряжении психическая деятельность не может вполне реализоваться, и тревога стимулирует либо активные действия, либо вызывает пассивную защитную реакцию (традиционно выделяют бегство, агрессию или ступор) [4, с. 156].

Согласно теории И. Яниса и Л. Манна, основными паттернами совладания со стрессом, связанным с принятием решений, являются: игнорирование информации о рисках; неопределенное изменение; защитное избегание;

сверхбдительность; бдительность [5]. Причем принимать рациональные решения позволяет лишь одна стратегия – бдительность. При высоком уровне тревожности, для которого характерны колебания напряжения, сужение поля внимания и ухудшение когнитивных процессов, будут выбраны неэффективные для решения проблем стратегии. Они снижают уровень напряжения, однако ценой игнорирования значимой информации для разрешения ситуации [6]. Длительная тревога, неадекватная по своей интенсивности, и вовсе подавляет поведенческую активность, приводит к дезорганизации психики [7].

Исследование. В качестве гипотезы было сделано предположение о наличии взаимосвязи между уровнем тревожности и стилем принятия решений у студентов. Так, студенты с высоким уровнем тревожности более склонны выбирать нерациональные стили принятия решений, чем менее тревожные студенты.

Сбор данных осуществлялся с использованием: 1) «Интегративного теста тревожности» (А.П. Бизюк, Л.И. Вассерман, Б.В. Иовлев); 2) «Мельбурнского опросника принятия решений» Л. Манна, П. Бернетта, М. Рэдфорда, С. Форда (адаптация Т.В. Корниловой, С.А. Корнилова); 3) «Опросника интуитивного стиля» С. Эпстайна.

Полученные данные обрабатывались с помощью SPSS Statistics v. 22.0.

В выборку вошли 100 человек – студенты высших учебных заведений г. Минска в возрасте от 17 до 23 лет.

Результаты. В ходе исследования в выборке студентов было отмечено преобладание среднего уровня тревожности, как ситуационной, так и личностной (приблизительно у половины всей выборки). Почти у трети студентов отмечен высокий уровень личностной тревожности, тогда как для ситуационной тревоги характерна обратная картина – почти у трети студентов зафиксирован низкий уровень. Наиболее выраженными компонентами тревожности у студентов оказались астенический, фобический и эмоциональный дискомфорт.

Высокий уровень личностной тревожности в большей степени свойственен девушкам, чем юношам. Кроме того, обнаружены значимые различия между студентами различных возрастных групп. Так, для молодых людей старше 19 лет характерен более высокий уровень фобического компонента тревожности, а также тревожной оценки собственной перспективы, что может быть связано с ростом принимаемой студентами ответственности в течение обучения в ВУЗе, когда они сталкиваются с ранее неизвестными им задачами.

В рассматриваемой выборке наиболее выраженным среди стилей принятия решений для всех уровней тревожности является использование бдительности. В то время как при повышении как ситуационной, так и личностной тревожности отмечается более активное использование студентами нерациональных стилей принятия решения. Выявлено, что для девушек более характерно использование сверхбдительности при принятии решений, чем для юношей. Использование нерациональных стилей при принятии решений (прокрастинации, сверхбдительности и избегания) не приводит к решению проблемы, которая является причиной тревоги, однако позволяет *снизить эмоциональный дискомфорт* за счет *повышения активности по сбору дополнительной информации* о происходящем или вовсе ухода от принятия решения в затруднительной ситуации.

Также установлено, что для студентов с высоким уровнем личностной и ситуационной тревожности характерно более активное использование таких стилей принятия решений, как прокрастинация ($p=0,004$), сверхбдительность ($p<0,001$) и избегание ($p=0,006$).

Результаты корреляционного анализа (использовался метод ранговой корреляции Спирмена) подтверждают гипотезу исследования; обнаружен ряд статистически значимых прямых взаимосвязей между уровнем ситуационной и личностной тревожности студентов, а также их компонентами и стилями принятия решений. Установлено, что для студентов с *высоким уровнем личностной тревожности* свойственно использование *сверхбдительности* ($\rho=0,452$ при $\rho\leq 0,01$) при столкновении с трудностями, а также других нерациональных стилей принятия решений. Аналогичное утверждение верно и в отношении ситуационной тревожности. Только при восприятии студентами ситуации как потенциально представляющей для них угрозу в будущем несколько повышается вероятность использования бдительности при принятии решений ($\rho=0,216$ при $\rho\leq 0,05$).

Таким образом, повышенная личностная тревожность при активной поисковой деятельности решения ведет к фиксации лишь на угрожающих элементах, что в дальнейшем приводит к дезорганизации деятельности. Использование неэффективных стратегий, не ведущих к решению проблемы (избегание, прокрастинация или перекладывание ответственности), является фактором усиления ситуационной тревоги. В целом, уровень тревожности и стили принятия решений студентами взаимосвязаны; *с повышением уровня тревожности* студенты склонны *более активно использовать нерациональные стили* принятия решений – избегание, прокрастинация и сверхбдительность, в то время как при снижении уровня тревожности данные стили принятия решения являются менее выраженными.

Библиографические ссылки

1. *Мещеряков, Б.Г.* Большой психологический словарь / Б.Г. Мещеряков, В.П. Зинченко. – М. : Когито-Центр, 2002. – 189 с.
2. *Бондаренко, М.М.* Взаимосвязь состояний тревожности и стилевых особенностей саморегуляции поведения юношей, проходящих действительную воинскую службу / М.М. Бондаренко // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2013. – № 3. – С. 23–28.
3. *Корнилова, Т.В.* Саморегуляция и выбор в преодолении в преодолении субъективной неопределенности / Т.В. Корнилова. – СПб. : Нестор-История, 2011. – С. 142–162.
4. *Астапов, В.М.* Функциональный подход к изучению состояния тревоги / В.М. Астапов // Тревога и тревожность. Хрестоматия. – М. : ПЕР СЭ, 2008. – С. 151–160.
5. *Корнилова, Т.В.* Мельбурнский опросник принятия решений: русскоязычная адаптация / Т.В. Корнилова. – М. : Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 2020. – 23 с.
6. *Львова, Е.Н.* Личностные предикторы совладающего поведения в ситуации неопределенности / Е.Н. Львова, О.В. Митина, Е.И. Шлягина // Психологические исследования. – 2015. – Т. 8, № 40. – С. 1–16.
7. *Lazarus, R.* From psychology stress to the emotions: a history of changing outlooks / R. Lazarus // Ann. Rev. Psychol. – 1993. – № 44. – P. 1–21.

ПРОЕКЦИИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕЙ К.МАРКСА В ФИЛОСОФИИ НЕОМАРКСИЗМА

Г. А. Личевский

ilichevsky536@gmail.com;

Научный руководитель — И. Н. Сидоренко, доктор философских наук, профессор

Воплотив собой проект критики капитализма в его исторической динамике, социально-политические идеи К. Маркса и в современности сохраняют свою актуальность. Тем не менее, с развитием европейского общества, очевидной предстала задача в доработке и конкретизации отдельных положений марксистского проекта с учетом таких факторов, как культура, человек и его когнитивный потенциал, а также эволюция социальных форм кооперации. На этом фоне концептуальный переход к неомарксизму, успешно преодолевающего экономический детерминизм теории К. Маркса и ее дегуманизирующие презумпции, представляется конструктивным этапом в развитии социальной теории современности.

На этом основании автором предпринимается рассмотрение идей К. Маркса в ракурсе трех проекций: как критики Просвещения и рационального мышления, как проекта реабилитации социального субъекта и «гуманизации» самого марксизма, и как проекта социального воображения. Соответственно, объектом исследования выступает философия неомарксизма, тогда как его цель – осуществить теоретическую реконструкцию проекций социально-политических идей К. Маркса в философии неомарксизма. Практическая значимость и научная новизна исследования заключается в разработке тематической классификации идей К. Маркса в приложении к неомарксистской парадигме, что обнаруживает потенциал для анализа актуальных социально-политических тенденциях в системном ракурсе.

Ключевые слова: неомарксизм; проект Просвещения; субъект капиталистического общества; отчуждение; социальная деструктивность;

Выразив собой проект фундаментальной критики капиталистического общества, социально-политические идеи К. Маркса обнаруживают свою непреходящую актуальность и в наши дни. Несмотря на, казалось бы, очевидный кризис Западного марксизма в XX веке и соответствующий запрос в пересмотре архитектурных оснований революционной теории, свидетельством чему выступает ориентация современных мыслителей на экспликацию внутренних противоречий марксистских идей, представляется вполне правомерным указать на их изначальную целостность и глубину. В этом контексте проект неомарксизма, получивший популяризацию в XX веке, обнаруживает концептуальное развитие идей К. Маркса в приложении к реалиям позднего индустриального и постиндустриального обществ: становлении гражданского общества, глобализации капитализма и эволюции социального отчуждения. Как результат, имплицитное содержание социально-политических идей К. Маркса обрело свое полноценное выражение в

ракурсе трех проекций неомарксизма: как критики проекта Просвещения, как проекта реабилитации социального субъекта и как проблематики легитимации власти социального воображения.

В качестве теоретико-методологических предпосылок эволюции философско-политических идей К. Маркса автором рассматриваются основные проекции неомарксизма XX века: концепция «негативной диалектики» Франкфуртской школы (Т. Адорно, М. Хоркхаймер), критика цинического разума П. Слотердайка и модель коммуникативной рациональности Ю. Хабермаса. Получив становление как реакция на процесс последовательной экстраполяции идеологемы Просвещения и атрибутивно обусловленного ей капитализма, неомарксистская теория апеллирует к перспективе экзистенциальной негации позитивного мышления, на основании которой субъект обретает возможность творческого самовыражения [1, 51 с.]. На этом основании сперва Т. Адорно и М. Хоркхаймером, а впоследствии П. Слотердайком осуществляется препарирование капиталистической рациональности, знаменующей девальвацию конкретного «Я» в масштабах социальной интеграции. В свою очередь, продуктивным способом преодоления капиталистической ангажировки этого «Я» выступает отказ от умозрительного мировосприятия в пользу конкретно-практической деятельности: «Каждое активное действие вырисовывается на матрице пассивного; каждое действие, располагающее и распоряжающееся чем-либо, отсылает нас к стабильному массиву того, чем нельзя располагать и распоряжаться; каждое изменение должно быть соотнесено с надежной устойчивостью оставшегося в неизменности; и все, что поддается расчету и планированию, основывается на необходимо существующем фундаменте непредсказуемо спонтанного» [2, с. 788].

Отличной от точки зрения представителей Франкфуртской школы предстает концепция коммуникативной рациональности Ю. Хабермаса, сопряженная с апологетикой проекта Просвещения как условия достижения социального консенсуса в высокотехнологичном обществе. Обращаясь к интерсубъективной открытости сознания субъекта Другому, мыслитель констатирует, что исходной установкой любого социального действия служит интенция к взаимопониманию, что в результате позволяет говорить о становлении нового типа рациональности, обнаруживаемого в коммуникации [3, с. 308].

Тем не менее, именно критика проекта Просвещения, фактическим следствием реализации которого выступает мифологизация самого разума, выступает важнейшим аспектом неомарксистской парадигмы. Рассматривая на примере Одиссея феномен амбивалентности когнитивных практик субъекта, Т. Адорно и М. Хоркхаймер констатируют, что ориентация на рациональное освоение внешнего мира инспирирует легитимацию утилитарно-

прагматического модуса социального взаимодействия [4, с. 11]. Предпосылки к этому кроются в самой природе разума, предъявляющего императивный запрос к категоризации окружающего мира, где витальная полнота «Я» уступает место обезличенному и всецело пронизанному циническим духом *cogito*. Как результат, интенция к демифологизации внешнего мира обращается в свою противоположность – мифологему самого разума.

На этом фоне кодификация рационалистических доктрин Нового Времени, невзирая на их декларативный оптимизм, ознаменовала окончательный переход к обществу авторитарного типа, чему сопутствовало становление капитализма и расширение горизонта социального бытия в ракурсе географических открытий. Сам же агент Просвещения, реализуя потребность в объективации окружающей среды и ее функционализации, вынужден добровольно отрешиться от перспективы непосредственного волеизъявления в социально-политическом пространстве, итогом чему предстает возвеличение отношений диктата. Таким образом, прямым следствием проекта Просвещения выступает популяризация фашистских движений, основанием которых предстает примат радикальной идеи, обусловленной доминантой квазипросвещенного сознания над адекватными способами гармонизации социальных отношений.

Немаловажно отметить, что обоснованная мыслителями Франкфуртской школы критика проекта Просвещения имела фундаментальное значение в рамках неомарксистской теории как исторически первый прецедент проблематизации разума в приложении к социальным масштабам. Несмотря на то, что в современности проблематичным представляется говорить о возможности элиминировать деструктивные атрибуты Просвещения, значимость неомарксистских изысканий в подобной плоскости оказывается несомненной.

В этой связи целесообразным представляется раскрыть гуманистический аспект неомарксизма, выражающийся в рассмотрении проблематики социальной деструктивности, а также поиске стратегией реабилитации субъекта капиталистического общества. Получив развитие в трудах Г. Маркузе, Э. Фромма и С. Жижика, эта проблематика оказывается созвучна психоаналитической интерпретации социально-политических практик субъекта, где модель капиталистического производства обнаруживает в себе глубоко противоречивые детерминанты, воплощенные в сублимации либидозных переживаний индивида как отчуждения от личностной свободы [5, с. 63- 70]. На этом основании перспективой реабилитации социального субъекта предстает творческая активность и любовь к ближнему (Э. Фромм), а с другой – кооперация индивидов, избежавших приобщения к довлеющему типу рациональности, в лице маргиналов и творческой молодежи.

Развивая идеи гуманистического марксизма, С. Жижек, мыслитель, в большей степени причастный современному неомарксизму на этапе его перехода в постмарксизм, артикулирует понятие «разрыв» как исходную онтологическую характеристику субъекта. В этой связи фактической предпосылкой к эмансипации субъекта выступает осознание конкретной пустотности своего «Я», позволяющее осуществить акт спонтанного самовыражения с целью преодоления тотальности социального дискурса [6].

В этом контексте правомерно выделение третьей проекции социально-политических идей К. Маркса как проекта социального воображения. Так, учитывая «вещистскую» ангажировку сознания субъекта капиталистического общества, коррелирующую с абсолютизацией предметного начала в мышлении, краеугольным камнем прогрессивной социальной повестки оказывается специфическая культурная деятельность, которая имеет перформативный характер. В этом ключе кооперация индивидов, которые оказались «отлучены» от капитала, сохранив критический импульс мышления, может быть оценена как плодотворная не только с точки зрения гуманистических идеалов, но и в масштабах долгосрочной перспективы социального взаимодействия.

Так, исторически первый в рамках неомарксизма проект социальной критики предложил А. Грамши, предпринявший анализ социальной роли революционного субъекта с позиций «теории гегемонии», в которой важную роль играют социокультурные детерминанты человеческой деятельности. В этом случае ключевым условием солидаризации общественных отношений предстает трансляция силами интеллигенции «корректной» культуры – гегемонии, а существующая в обществе репрессия лишается своих субстанциальных характеристик.

Наследуя мысли А. Грамши, но существенно ее радикализируя, Г. Дебор обосновал концепт «общества спектакля» в приложении к глобальному капитализму второй половины XX века. В данном случае спектакль выражает симуляционный характер идеологических оснований общества позднего Модерна, где спектр рациональных практик субъекта оказывается заведомо инкорпорирован дегуманизирующими структурами общественного воспроизводства [8, с.70]. На этом основании предпосылкой к реабилитации отчужденного «Я» выступают спонтанные протестные манифестации, посредством которых субъект обретает возможность противопоставить себя существующим общественным институциям в плоскости субверсии. Несмотря на то, что протестные выступления не могут в полной мере дезавуировать отношения капиталистического отчуждения, благодаря им становится возможным непосредственно выразить альтернативу деструктивной социальной реальности. Как следствие, этот концепт выступил предтечей теории «агональной демократии», получивший становление в рамках постмарксизма XXI века.

Подытоживая вышесказанное, следует отметить, что анализ социально-политических идей К. Маркса в ракурсе раскрытых трех проекций выявляет свою эвристичность в современности, характерной чертой которой предстает повсеместная интеграция капитализма, обретающая системный характер [9, с. 5]. Учитывая некоторую одномерность идей неомарксистских авторов в отдельности друг от друга, а также комплексный характер социально-политической проблематики постиндустриального общества, представляется правомерным заявить о возможности осуществить плодотворный анализ указанных феноменов на основании синтеза культурно-исторического, социально-критического и гуманистического аспектов неомарксистского проекта, что, в свою очередь, позволит реабилитировать пафос революционной теории с учетом исторической траектории ее развития.

Библиографические ссылки

1. Адорно, Т. Эстетическая теория. М.: Республика, 2001
2. Слотердайк, П. Критика цинического разума. СПб, изд. Ивана Лимбаха, 2021
3. Хабермас, Ю. Философский дискурс о Модерне [Электронный ресурс]. URL: http://yanko.lib.ru/books/philosoph/habermas-filosof_diskurs_o_monerne-2003-81.pdf (дата доступа: 26.12.23).
4. Адорно, Т., Хоркхаймер, М. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. СПб.: Ювента, 1997
5. Маркузе, Г. Эрос и цивилизация. Философское исследование учения Фрейда. Киев: Port-Royal, 1995
6. Жижек, С. Устройство разрыва. Параллаксное видение. - М.: Издательство «Европа», 2008
7. Грамши, А. Тюремные тетради.: в 3 т. М.: Политиздат, 1991. – Т.1
8. Дебор, Г. Общество спектакля. М.: АСТ, 2022
9. Момджян, К. Х. Категории исторического материализма: системность, развитие. М.: Издательство Московского Университета, 1986 г

ГЕРМЕНЕВТИКА ФАКТИЧНОСТИ КАК ПРОЯСНЕНИЕ БЫТИЯ В ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ ОНТОЛОГИИ М. ХАЙДЕГГЕРА

М. О. Лунская

margo_lun@mail.ru;

*Научный руководитель – И. Н. Сидоренко, доктор философских наук,
доцент*

Целью данной статьи является экспликация способа раскрытия бытия человеком (Dasein) в герменевтическом учении М. Хайдеггера. Новизна статьи состоит в том, что исследование герменевтики М. Хайдеггера было осуществлено на основе синтеза идей двух работ – «Бытие и время» и «Онтология (герменевтика фактичности)», которые взаимодополняя друг друга позволили прийти к результатам, которые ранее недостаточно раскрывались в исследованиях по данной тематике. В данной статье мы выявили, что герменевтика является основной методологической установкой в онтологии М. Хайдеггера и обнаружили, что для немецкого мыслителя «онтология – феноменология – герменевтика» являются единой связкой, направленной на открытие истины бытия. В своем проекте герменевтики М. Хайдеггер проводит демаркацию между первичной герменевтикой – пред-пониманием и вторичной герменевтикой – толкованием. Пред-понимание оказалось экзистенциалом присутствия, то есть его сущностной чертой, исходя из которой человек способен понимать бытие. М. Хайдеггер онтологизирует герменевтику, поэтому в его учении она является не наукой, но частью бытия Dasein. Необходимость герменевтики Dasein обусловлена тем, что пока присутствие не будет понято самим собой, оно не сможет понять и бытие. Истина бытия открывается человеку посредством герменевтического круга, который трансформирует бытие из сокрытого в явленное посредством понимания.

Ключевые слова: герменевтика фактичности; фундаментальная онтология М. Хайдеггера; герменевтический круг; пред-понимание; бытие-к-возможностям; открытие истины бытия.

Предназначение человека состоит в понимании бытия, поэтому важное место в онтологии М. Хайдеггера отводится герменевтике, где толкованию подлежит единственное сущее, открывающее истину бытия – Dasein. Проект фундаментальной онтологии М. Хайдеггера предстал в качестве кульминации его прежних идей, отраженных в его курсах лекций. Крайне важным для экспликации его герменевтического учения является курс лекций М. Хайдеггера «Онтология (герменевтика фактичности)» [1], в котором уже были сформулированы многие идеи, положенные в основу его *magnum opus*'а. Опираясь на его содержание, нам следует прояснить, почему, исходя из названия курса, онтология отождествляется с герменевтикой фактичности? Что такое фактичность и почему она нуждается в герменевтике? И, наконец, что М. Хайдеггер понимает под герменевтикой?

Фактичность в трудах раннего М. Хайдеггера понимается как брошенность человека в действительность, его физическое пребывание в мире (бытие-в-мире). Фактичное присутствие бытийствует экзистентно и, как уже было обосновано, открывает истину бытия посредством вопрошания. Онтология как поиск истины бытия оказывается тождественна герменевтике фактичности, ведь без понимания присутствием себя невозможно и открытие бытия. В его фундаментальной онтологии значимым является не только феноменологический метод, в котором посредством языка бытие становится явленным для *Dasein*, но и герменевтический, который позволяет эксплицировать то, каким образом человек открывает бытие. Все это позволяет сделать вывод, что в ранней философии М. Хайдеггера феноменология, онтология и герменевтика сближаются и практически отождествляются, поскольку обладают единой направленностью, состоящей в раскрытии истины бытия.

«Специфика "бытия" как философской категории не позволяет дать ему никакого определения в строго логическом смысле» [2, с. 212], поэтому в своих бытийных исканиях немецкий философ прибегает к феноменологическому методу, который позволяет онтологическим структурам самопроявляться. Понимание является сущностной чертой человека: он всегда как-то понимает самого себя, понимает мир подручных средств и обладает возможностью понимать бытие. Поэтому онтологию, главная цель которой состоит в раскрытии бытия присутствия (что тождественно раскрытию бытия), невозможно отделить от герменевтики, являющейся сущностной чертой раскрываемого онтологией бытия.

Важно отметить, что герменевтика для немецкого философа выступает не как наука, занимающаяся интерпретацией текстов, но она рассматривается куда шире и охватывает весь простор бытия. Бытийная герменевтика, обозначающая понимание человеком своего бытия первична, поскольку присутствие начинает иметь дело с ней, начиная с момента брошенности в мир. Понимание в такой герменевтике не касается пространства текстов или речи, но оно исходно присуще каждому человеку, поэтому более адекватно будет именовать его пред-пониманием. Онтологическое пред-понимание является основой онтического понимания, которое тематизируется в герменевтике как наука: «герменевтика фактичности манифестируется Хайдеггером, с одной стороны, как особый подход к исследованию фактичности *Dasein*, а с другой – как присущий этому *Dasein* способ пребывания в мире» [3, с. 102].

Толкование направлено на *Dasein*, поскольку оно само и является сущностно герменевтичным (понимающим) сущим. Исследование историчности присутствия в "Бытии и времени" [4] показывает, что сбывшееся присутствие не остается в прошлом, оно оставляет свой «след» в культуре и в дальнейшей истории. Данное суждение отражает связь герменевтики М.

Хайдеггера с философией В. Дильтея, для которого объектом рассмотрения «наук о духе» является жизнь человека, включенного в культурное пространство [5, с. 9]. М. Хайдеггер, вслед за представителем философии жизни, не считает «науки о природе», противопоставляющиеся «наукам о духе», способными открыть что-либо принципиально новое, поскольку они лишь занимаются интерпретацией сущего. Интерпретация же как вторичный уровень герменевтики всегда следует из исходного пред-понимания.

В. Дильтей и М. Хайдеггер стремились понять человека – только объектом исследований первого стала человеческая жизнь, а второй стремился эксплицировать бытие *Dasein*. В обоих случаях понимание человека возможно благодаря пред-пониманию, которое для В. Дильтея связано с «науками о духе», а для М. Хайдеггера с историчностью присутствия. «Дух культуры» исходно заложен в человека, поэтому у него всегда уже есть некое понимание того, как он должен существовать в рамках культурного пространства, в которое помещен. У М. Хайдеггера механизм пред-понимания аналогичный, но его истоком являются историчность и событийность присутствия, благодаря которым в человека изначально заложено пред-понимание бытия, исходя из которого он всегда уже как-то понимает то или иное сущее.

Герменевтика М. Хайдеггера позволяет проникнуть за пределы сущего к бытию. Бытие сокрыто, спрятано так далеко, что его путают с более очевидным и ближайшим – сущим. Сущее явлено для присутствия, но оно всегда также принадлежит неявленному – бытию, поэтому толкование сущего позволяет усмотреть за ним то, чем предстает такое сущее до всякой своей явленности, т.е. обнаружить связь бытия (неявленного) с сущим (явленным). Здесь можно провести параллель с религиозной экзегезой, где на основе толкования явленного, т.е. текстов религиозных писаний, интерпретатору открывается новый смысл и этот смысл позволяет приблизиться к неявленному – Богу.

Просвет бытия возможен только если экзистирующее сущее поняло себя из своего бытия. Это указывает на герменевтический круг в хайдеггеровском толковании бытия, который в отличие от разработанного Ф. Шлейермахером предназначен не для интерпретации текстов, но является онтологичным, поскольку бытие исходно понимающего сущего включено в этот круг, а вследствие такой герменевтики понимается не текст, но истина бытия. Для вторичного понимания, т.е. истолкования, присутствию необходимо вновь обращаться к пред-пониманию, ведь только из него возможно всякое понимание. Герменевтика М. Хайдеггера, таким образом, движется по кругу: начиная понимание из исходной точки открытости, присутствие, перейдя к пониманию сокрытого, вновь возвращается в эту точку, чтобы сделать сокрытое явленным.

Важно отличать герменевтический круг М. Хайдеггера от «порочного круга» в логике, нахождение в котором не позволяет вывести новое знание. Герменевтический круг не противоречит логической адекватности, потому как истина в философии М. Хайдеггера не является объективной – каждое отдельное присутствие выводит истину из «несокрытости» исходя из своей субъективности. Отсутствие объективной истины указывает на отсутствие «независимого от человека» [6, с. 97], поэтому понять бытие невозможно без понимания присутствия, а присутствие невозможно понять без понимания бытия.

Однако не следует забывать, что присутствие не может понять себя также и без понимания мира, а мир – без понимания самого себя, ведь каждое присутствие и есть бытие-в-мире. Важно не путать понимание мира и понимание себя из мира, характерное для несобственного бытия *Dasein*.

Отсюда можно сделать вывод, что в онтологии М. Хайдеггера возможный благодаря пред-пониманию герменевтический круг является инструментом вхождения человека в мир. Однако пред-понимание вместо того, чтобы перейти на уровень понимания превращается для усредненного *Dasein* в самопонятность. Вышесказанное является причиной забвения бытия в философской традиции, поэтому деструкция метафизики проводится М. Хайдеггером именно с той целью, чтобы избавиться от такой самопонятности, впоследствии создающей для философии больше вопросов, чем ответов. Человек, таким образом, должен вернуться от самопонятности бытия к его пред-пониманию, чтобы затем понять бытие подлинно, что возможно только после обретения подлинности своей экзистенции.

Круг понимания связан с характером наброска человеческой экзистенции. Набросок как экзистенциал присутствия отражает его бытие-к-возможностям. Возможности неотъемлемы от человека, сама его фактичность всегда сопровождается «веером возможностей», благодаря которому брошенное в мир присутствие всегда уже способно понимать: «понимание само по себе имеет экзистенциальную структуру, которую мы называем набросок» [6, с. 145]. В виду того, что экзистенция присутствия имеет характер наброска, всякая возможность, вне зависимости от того, будет ли она реализована, всегда уже отнесена к присутствию, поэтому присутствие онтологически уже есть эта своя возможность. Человек набрасывает себя на мир и познает эту самопроекцию, в результате чего для него становятся открытыми его бытийные черты, и он начинает понимать самого себя. Такое набрасывание возможно благодаря экстатичности присутствия: человек способен выходить за свои пределы, принимая иное экзистенциальное состояние. Последнее правомерно понимать как вступление присутствия в одну из своих многочисленных возможностей, благодаря чему его познанию становятся доступны остальные его возможности, от которых он отказался, но которые суть он сам. А в виду того, что человек совершает выбор

среди своих возможностей на протяжении всей своей жизни, герменевтический круг, в который он включен, является непрерывным. Присутствие понимает мир своих возможностей как собственный набросок, затем через эту самопроекцию понимает себя, благодаря чему понимающее себя присутствие заступает в просвет бытия. Поэтому только человек может являться основой всякой онтологии, ведь именно он способен понять бытие и вывести из сокрытости его истину.

Библиографические ссылки

1. *Heidegger, M.* *Ontologie (Hermeneutik der Faktizität)* // *Gesamtausgabe* : in 102 bd. Frankfurt-am-Main: Vittorio Klostermann, 1988. Bd. 63. 116 S.
2. *Михайлов И. А.* Онтология и антропология в философии Хайдеггера // *Социология*. 2021. № 6. С. 211–221.
3. *Коваль О. А., Крюкова Е. Б.* Пути герменевтики Хайдеггера и Гадамера // *Философский журнал*. 2015. № 4. С. 99–108.
4. *Хайдеггер М.* Бытие и время; пер. с нем. В.В. Бибихина. М.: Академический проект, 2015. 460 с.
5. *Дильтей В.* Сущность философии; пер. с нем. М. Е. Цельтера. М.: Интрада, 2001. 155 с.
6. *Фалев Е. В.* Герменевтика Мартина Хайдеггера. СПб.: Алетейя, 2008. 224 с.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РЕБЁНКА С ДЕТСКИМ ЦЕРЕБРАЛЬНЫМ ПАРАЛИЧОМ И НОРМАЛЬНО РАЗВИВАЮЩЕГОСЯ РЕБЁНКА В МЛАДШЕМ ШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ В СИТУАЦИИ СОВМЕСТНОГО РЕШЕНИЯ ЗАДАЧИ

М. О. Макась

Margo.makas@mail.ru

Научный руководитель – А. М. Поляков, доктор психологических наук, профессор

В статье приводятся результаты исследования взаимодействия детей с детским церебральным параличом и нормально развивающихся детей младшего школьного возраста в ситуации совместного решения задачи. В результате исследования были выявлены различия во взаимодействии у младших школьников с детским церебральным параличом и нормально развивающихся. В ходе эмпирического исследования у младших школьников с ДЦП с умственной отсталостью, у младших школьников с ДЦП с сохранным интеллектом и нормально развивающихся младших школьников были обнаружены статистически значимые различия в позиции во взаимодействии. Младшие школьники с ДЦП с сохранным интеллектом и нормально развивающиеся младшие школьники чаще придерживались диалогической позиции во взаимодействии, младшие школьники с ДЦП с умственно отсталостью чаще придерживались позиции избегания.

Ключевые слова: социальное взаимодействие; детский церебральный паралич; совместное решение задачи; младшие школьники.

Социальное взаимодействие детей с ДЦП со сверстниками изучено крайне мало, в отличие от взаимодействия ребёнка без патологий со своими сверстниками. Также большее количество отечественных исследований направлено на изучение именно двигательных расстройств с ДЦП. В Республике Беларусь нет единых программ по адаптации детей с ДЦП в социуме. В связи с этим тема нуждается в дальнейших исследованиях.

Л.С. Выготский рассматривал социальное взаимодействие, социальные отношения как синоним термину «сотрудничество» и указывал на несоответствие с термином «индивидуальное поведение». Он акцентировал то, что любая высшая психологическая функция была формой психологического сотрудничества, и лишь потом стала индивидуальным способом поведения [5].

В процессе социального взаимодействия детей с ДЦП со сверстниками можно выделить ряд особенностей и проблем. Первой из них являются сложности в понимании и восприятии личности другого человека. Для школьников младшего возраста с нарушением опорно-двигательного аппарата характерна направленность на себя, а не на других, их не интересуют переживания, мысли, чувства сверстников, только свои собственные. Это и

отличает их от сверстников без патологий, для которых важным фактором взаимодействия является мнение других, желание быть частью группы, сотрудничать, быть дружелюбными к сверстникам [4]. Второе это то, что дети с ДЦП имеют сложности в использовании средств общения. Третье это сложности в межличностных отношениях, связанные с тем, что для детей с ДЦП характерно инфантильное поведение, чрезмерная навязчивость по отношению к другим людям, стремление к телесному контакту [1]. Дошкольники с ДЦП могут проявлять интерес в слишком активной и резкой форме, что часто отпугивает других детей [2].

Исследование. В исследовании приняли участие 68 человек (37 мальчиков и 31 девочка) – учащиеся 25, 111 школы г. Минска. Нормально развивающихся младших школьников было 56 человек, младших школьников с ДЦП 12, из которых 7 с умственной отсталостью и 5 с сохранным интеллектом. Испытуемые являются учениками младших классов (1-4 класс).

Для проведения эксперимента была выбрана оригинальная экспериментальная методика для изучения взаимодействия младших школьников со сверстниками. В качестве стимульного материала использовались кубики Никитина и разлинеенное поле для выкладывания кубиков. Эксперимент состоял из 2 этапов. В первом испытуемым предлагалось собрать картинку по готовому образцу, а во втором совместно создать свой образ.

Полученные данные были подвергнуты статистической обработке с помощью программы SPSS Statistics v. 22.

Были выделены следующие уровни: диалогическая, доминирование, подчинение, изоляция. При анализе данных позиции взаимодействия баллы выставлялись следующим образом: 0 баллов – изоляция; 1 балл – подчинение; 2 балла – доминирование; 3 балла – диалогическая позиция.

В ходе нашего исследования для определения различий в позиции взаимодействия у нормально развивающихся испытуемых, испытуемых с ДЦП с сохранным интеллектом и испытуемых с ДЦП с умственной отсталостью был использован критерий Краскела-Уоллиса и описательные статистики для сравнения трёх независимых выборок.

Статистически значимым различием между выборками отмечено в позиции во взаимодействии ($p < 0,05$). У нормально развивающихся испытуемых среднее значение этого критерия составляет 2,41, у испытуемых с ДЦП с сохранным интеллектом – 3,00, у испытуемых с ДЦП с умственной отсталостью – 0,86. Самый низкий показатель в позиции взаимодействия был выявлен у младших школьников с умственной отсталостью, так как чаще всего они выбирали позицию изоляции, не пытаясь сотрудничать со своими сверстниками.

Результаты критерия Краскала-Уолисса между нормально развивающимися испытуемыми, испытуемыми с ДЦП с УО и испытуемыми с ДЦП с сохранным интеллектом по позиции во взаимодействии (в процентах)

Количество (%)		Норма	ДЦП с сохранным интеллектом	ДЦП с УО
Позиция во взаимодействии	Изоляция	0	0	57,1
	Подчинение	19,6	0	14,3
	Доминирование	19,6	0	14,3
	Диалогическая	60,7	100	14,3

Исходя из данных исследования, мы видим, что испытуемые с ДЦП с сохранным интеллектом в 100% случаев придерживались диалогической позиции во взаимодействии. Это может быть связано с тем, что детям с ДЦП характерно инфантильное поведение, чрезмерная навязчивость по отношению к другим людям, стремление к телесному контакту и через диалогическую позицию во взаимодействии они пытаются быть ближе со сверстником, пытаются услышать его. Но интересно, что в этом стремлении они не занимают позицию подчинения, пытаясь угодить сверстнику, а именно вступают в диалог и пытаются найти общее решение, принимая мнение сверстника, но не теряя своё. Возможно это связано с особенностями данной выборки, можно предположить, что испытуемые имеют хорошую самооценку и не воспринимают свой диагноз как ограничения, либо они пытаются компенсировать свои ограничения, показав, что у них тоже есть своё мнение и они могут не хуже справиться с заданием.

Нормально развивающиеся младшие школьники в 100% случаев придерживались всех позиций, кроме изоляции. В 60,7% они придерживались диалогической позиции во взаимодействии, и в 19,6% подчинения и доминирования. Испытуемые с ДЦП с УО в 57,1% случаев придерживались изоляции.

Мы видим, что дети с ДЦП с сохранным интеллектом и нормально развивающиеся придерживались в большинстве случаев диалогической позиции во взаимодействии. А дети с ДЦП с УО в большинстве случаев придерживались такой позиции во взаимодействии, как изоляция. Разницу в позициях во взаимодействии можно попробовать объяснить тем, что для нормально развивающихся детей характерна направленность на других, для них важно быть частью группы, сотрудничать, дружить. А для детей с ДЦП характерна направленность на себя, у них есть сложности в восприятии и понимании личности другого, это объясняет выбор испытуемых с ДЦП с УО позиции во взаимодействии – изоляции. Но интересно то, что дети с ДЦП с сохранным интеллектом действовали во взаимодействии, как нормально

развивающиеся, а не как дети с ДЦП с УО. Из этого можно выдвинуть предположение, что для детей с ДЦП с сохранным интеллектом важна фигура сверстника, им также, как и нормально развивающимся детям, важно быть частью группы, входить в контакты со сверстниками.

Таким образом, в результате исследования были выявлены статистически значимые различия в позиции во взаимодействии между младшими школьниками с ДЦП с сохранным интеллектом, нормально развивающимися и детей с ДЦП с умственной отсталостью. Младшие школьники с ДЦП с сохранным интеллектом и нормально развивающиеся младшие школьники чаще придерживались диалогической позиции во взаимодействии, младшие школьники с ДЦП с умственной отсталостью чаще придерживались позиции избегания.

Библиографические ссылки

1. *Власова Т.А.* Особенности психофизического развития учащихся специальных школ для детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата/ Под ред. Т. А. Власовой. - М., 2000. С. 54-57 с.
2. *Выготский Л.С.* Психология развития человека /Л.С. Выготский. М.: Эксмо, 2006. С. 548-615.
3. *Григина Е.С., Максимова С.В.* Особенности общения дошкольников с ДЦП //Сборник научных статей [Электронный ресурс]. Саратов, 2015.С.42-29.
4. *Мамаева А. В.* Система логопедической работы по формированию первоначальных коммуникативных умений у детей с церебральным параличом 7-9 –летнего возраста: дис. к-та пед. наук: // Вестник КГПУ им В.П. Афанасьева, 2008. С. 64-67.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

В. С. Малафеевская

malafeevskaya.veronika@gmail.com;

Научный руководитель – Т. В. Купчинова, кандидат социологических наук, доцент

Технологии искусственного интеллекта сопровождают человека на каждом шагу: они встречаются в компьютере, телефоне, помогают человеку в обучении и могут ассистировать в несложных процессах управления и принятия решений. В данной работе рассматривается деятельность компаний по разработке технологий искусственного интеллекта, распространенность в различных странах и наиболее популярные и развиваемые направления создания проектов, основанных на алгоритмах искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект; современные технологии; синтетические медиа; глобальная трансформация; тенденции технологического развития.

Глобальные трансформации, связанные с виртуальным ресурсом и «цифровизацией мира», вызывают кардинальные изменения во всех сферах общественной жизни и профессиональной деятельности людей: в экономике, политике, науке, образовании, культуре, бытовой сфере.

Инновационное развитие преобразуется в новую реальность и уже сегодня проявляется в повсеместном применении таких цифровых технологий, как робототехника, AR и VR (дополненная и виртуальная реальность), облачные вычисления, блокчейн, интернет вещей, анализ больших данных, а также искусственный интеллект.

Когда-то искусственный интеллект был ключевой темой мировой научной фантастики. Сегодня – это часть нашей повседневной жизни.

В начале 2023 года население Земли достигло 8,01 миллиарда. Сегодня в мире насчитывается 5,16 миллиарда интернет-пользователей, что означает, что 64,4% всего населения планеты сейчас находятся в сети. Данные показывают, что за последние 12 месяцев общее число пользователей Интернета в мире увеличилось на 1,9% [1].

Вместе с тем, как показывает отчет «Global Digital 2023», время, проводимое людьми в Интернете, сократилось почти на 5% по сравнению с прошлым годом [1].

В отчете GWI «Connecting the Dots 2023» отмечается следующая причина уменьшения времени, проводимого пользователями в Интернете: «В сутках всего несколько часов, и люди хотят знать, что их время, проведенное в Интернете, не потрачено впустую» [1].

Люди используют технологии искусственного интеллекта как раз для того, чтобы сократить время, требуемое на поиск необходимой им информации и подбор контента, который мог бы быть им интересен.

Практически ежедневно люди пользуются умной лентой в социальных сетях (раздел «Рекомендации»), персональными подборками контента (Spotify, плейлист дня от ВКонтакте или Яндекс.Музыки и т.д.), голосовыми помощниками (Алиса, Siri, Ok Google) или масками в Instagram, TikTok – все эти технологии содержат искусственный интеллект, помогающий сделать контент более персонализированным или распознать вводимую пользователем информацию и позже обработать его, качественно изменив результат все работы. Однако искусственный интеллект встречается не только в социальных сетях и компьютерных приложениях, искусственный интеллект получил также большое распространение в образовании, медицине, транспортной сфере и многих других.

В 2020 году Samsung NEXT – структурное подразделение многопрофильной инновационной группы Samsung Electronics, занимающееся поиском новых возможностей в таких областях как искусственный интеллект, дополненная реальность и виртуальная реальность, блокчейн, цифровое здравоохранение, передовые вычисления, интернет вещей и мобильность – провело исследование «Synthetic Media Landscape», где рассмотрело 172 основных компаний-разработчиков в сфере искусственного интеллекта и синтетических медиа, а также основные сферы применения данных технологий [2; 3].

На 2020 год насчитывалось 172 компании, из которых 172 были стартапами, специализирующихся разработке технологий, основанных на искусственном интеллекте. Стартапы в области искусственного интеллекта и машинного обучения за этот год привлекли общий объем финансирования в размере, превышающем 60 млрд долларов [4; 3].

На современном мировом рынке искусственного интеллекта выделяются два общепризнанных лидера – США и Китай. Однако, если в США соответствующие научные исследования и разработки ведутся с середины 60-х годов, то в Китае прорыв в сфере искусственного интеллекта был осуществлен за последние 10 лет. Мировыми лидерами по разработке решений и внедрению в повседневную жизнь технологий искусственного интеллекта стали такие компании как Google, Amazon, Facebook, Apple, NetFlix, Baidu, Tencent, Alibaba, Tesla, Yandex [5].

Отчет Samsung NEXT 2020 показал, что рост количества новообразованных компаний в сфере искусственного интеллекта начался в 2014 году, когда было образовано 10 новых компаний. В 2017 году произошел значительный скачок популярности в сфере ИИ и было образовано 25 новых стартапов. Однако после этого количество новообразованных компаний стало постепенно снижаться. Особенно резкое падение можно увидеть в 2020 году,

предположительно это произошло из-за распространения вируса Covid-19 (рис. 1).

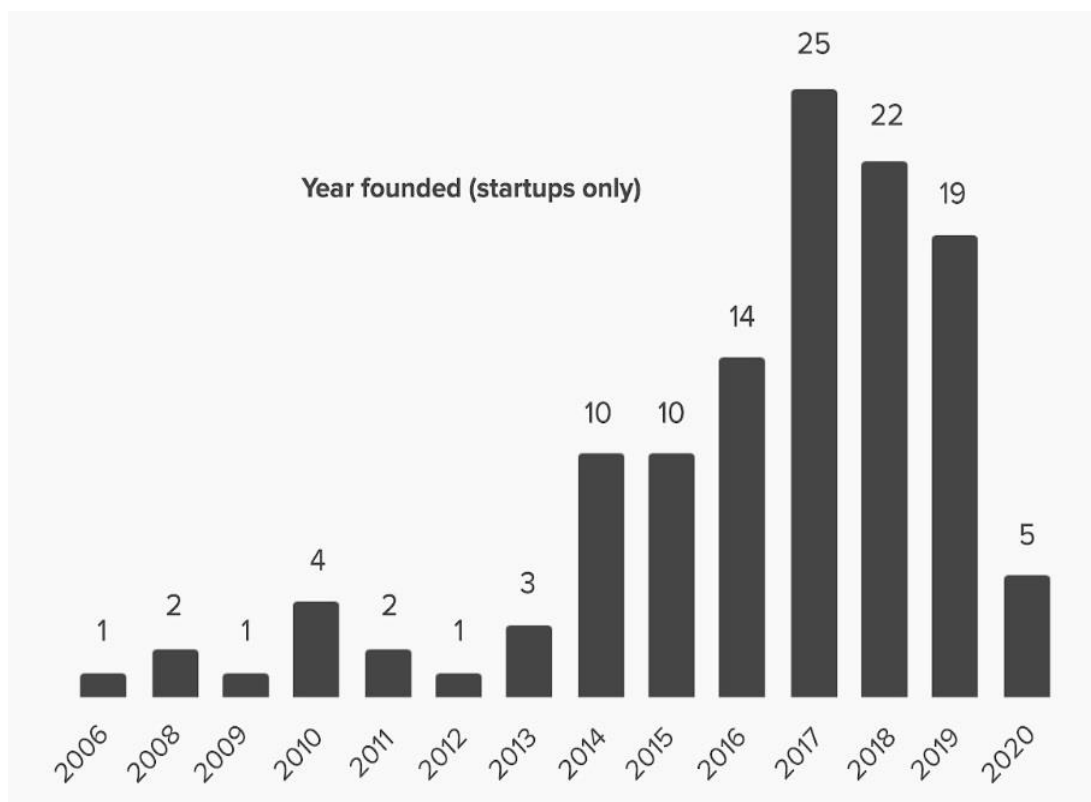

Рисунок 1. – Количество новообразованных компаний в сфере искусственного интеллекта [6]

Также в отчете Samsung NEXT можно увидеть, что большинство синтетических медиакомпаний (синтетические медиа – это медиа, созданные или модифицированные программами, основанными на искусственном интеллекте и машинном или глубоком обучении [7]) локализуется на территории Соединенных Штатов – 61 компания, второе место занимает Объединенное Королевство, где находится 21 медиакомпания, специализирующаяся на разработках в сфере искусственного интеллекта. Также, как сообщается в отчете Samsung NEXT, фактическое количество компаний, находящихся в Китае доподлинно не известно, так как информация не была доступна для некоторых китайских стартапов, и их может быть значительно выше, чем указано в отчете – 6 синтетических медиакомпаний (рис. 2).

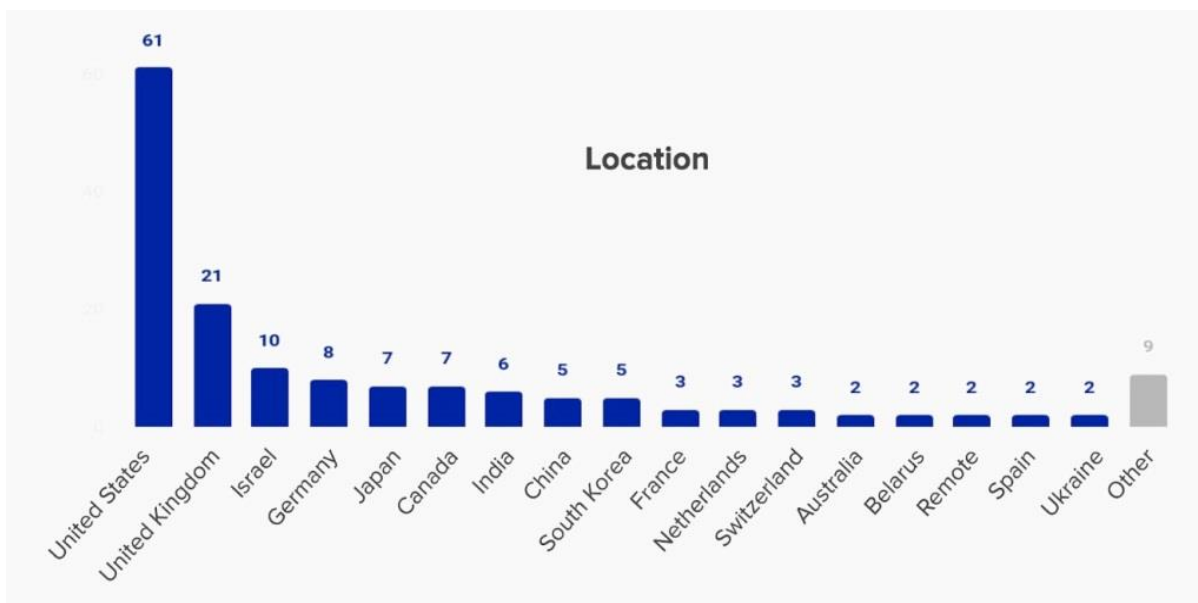

Рисунок 2. – Распределение синтетических медиакомпаний по странам [6]

Результаты проведенного Samsung NEXT исследования показали, что наибольшее количество синтетических медиакомпаний специализируется на синтезе искусственного голоса и речи. Второй по популярности является область создания синтетических аватаров (например, таких персонажей, как Лил Микела или Blue). Следующими по популярности специализациями является производство синтетической музыки и звуков, а также систем по генерации естественной речи (рис. 3).

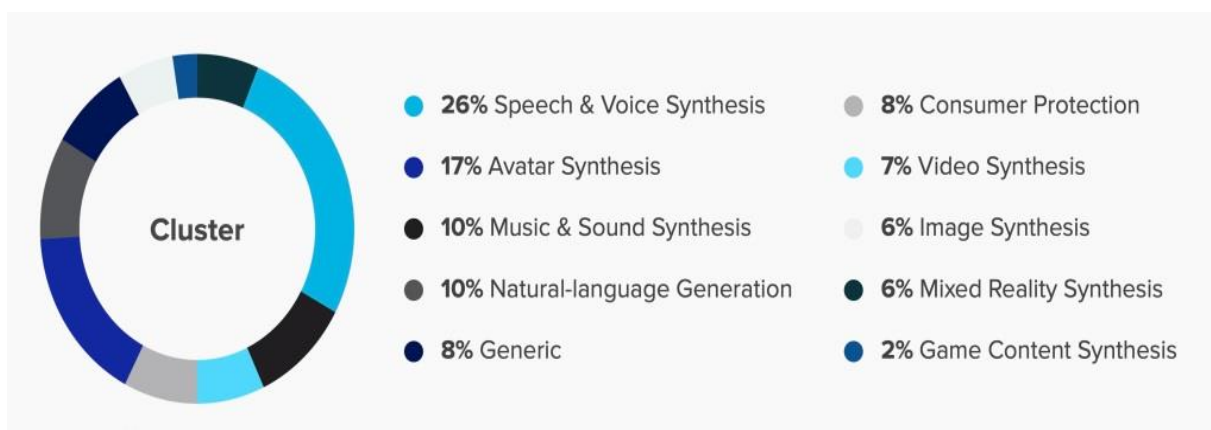

Рисунок 3. – Специализация синтетических медиакомпаний [6]

Сейчас сфера синтетических медиа развивается все более и более стремительно. В книге «Deepfakes: грядущий инфоапокалипсис» автор и аналитик синтетических медиа Нина Шик оценивает, что около 90% всего онлайн-контента может стать синтетически-созданным в течение 4 лет [8].

Таким образом можно заметить, что за последние несколько лет открылось много компаний и стартапов, деятельность которых направлена на раз-

работку технологий искусственного интеллекта. Распространенность, инновационность и популярность технологии подталкивает многих начинающих бизнесменов на развитие данной сферы, что приведет к эпохе активного развития и внедрения искусственного интеллекта в сферы человеческой жизни.

Библиографические ссылки

1. DIGITAL 2023: GLOBAL OVERVIEW REPORT [Electronic resource]. URL: <https://Datereportal.com/reports/digital-2023-global-overview-report>. (Date of access: 29.04.2023).
2. Samsung NEXT [Electronic resource]. URL: https://golden.com/wiki/Samsung_NEXT-MN48A5G. (Date of access: 29.04.2023).
3. Why it's time to change the conversation around synthetic media [Electronic resource]. URL: <https://venturebeat.com/media/why-its-time-to-change-the-conversation-around-synthetic-media/>. (Date of access: 29.04.2023).
4. AI and machine learning start-ups raised £48.5bn in total funding [Electronic resource]. URL: <https://www.businessleader.co.uk/ai-and-machine-learning-start-ups-raised-48-5bn-in-total-funding/>. (Date of access: 29.04.2023).
5. Технологии искусственного интеллекта [Электронный ресурс]. URL: <https://apr.moscow/content/Date/6/11%20Технологии%20искусственного%20интеллекта.pdf>. (Дата доступа: 29.04.2023).
6. Synthetic Media Landscape [Electronic resource]. URL: <https://www.syntheticmedialandscape.com/>. Date of access: 29.04.2023).
7. Синтетические медиа и дипфейки [Электронный ресурс]. URL: <https://digitalskills.by/2021/08/19/sinteticheskie-media-i-dipfejki/>. (Дата доступа: 29.04.2023).
8. Schick, N. Deepfakes and the Coming Infocalypse [Electronic resource]. URL: <https://www.jordanharbinger.com/nina-schick-deepfakes-and-the-coming-infocalypse/>. (Date of access: 29.04.2023).

ИЕРАРХИЯ ЦЕННОСТЕЙ И ДОСТУПНОСТЬ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ У ЖЕНЩИН С ЗАБОЛЕВАНИЯМИ РЕПРОДУКТИВНОЙ СИСТЕМЫ

М. Х. Маметназарова

menlimametnazarova@gmail.com;

*Научный руководитель – Е.Д. Беспанская-Павленко,
кандидат психологических наук, доцент*

В данной публикации рассматривается иерархия ценностей и доступность их реализации у женщин с заболеваниями репродуктивной системы. Объектом исследования выступают ценности женщин, предметом – ценности женщин с заболеваниями репродуктивной системы. На основании полученных результатов делается вывод о том, что у женщин с заболеваниями репродуктивной системы происходит смещение некоторых ценностей в иерархии ценностей. Данная работа может выступать базисом для разработки и усовершенствования программ, направленных на повышение эффективности лечения, реабилитацию и улучшение качества жизни пациентов с заболеваниями репродуктивной системы.

Ключевые слова: ценности; иерархия ценностей; женщины; заболевания репродуктивной системы; психологические особенности.

Реальная ситуация болезни не всегда равнозначна для человека с заболеванием. В восприятии пациента степень тяжести заболевания может быть как преувеличена, так и приуменьшена, вплоть до ее полного отрицания. Это обусловлено жизненными обстоятельствами женщины, ее личностными особенностями и связанными с ними формами реагирования на ситуацию болезни. Любое заболевание характеризуется определенной спецификой, затрагивающей важные для болеющего человека сферы жизнедеятельности и оказывающей дезорганизующее воздействие на внутреннее благополучие.

Наличие заболевания репродуктивной системы объективно снижает уровень и качество жизни человека, субъективно – восприятие состояния находится на континууме от позитивного конструктивного настроения до утраты смысла жизни [1; 2]. В такой ситуации именно ценности становятся ориентирами деятельности для личности, так как представляют из себя наибольшую для нее значимость. При этом ценности включают в себя как осознание ведущих жизненных ценностей, личностных смыслов, дальних жизненных целей, так и непосредственно доступные, связанные с осуществлением конкретных, легкодостижимых целей, ценности.

Для выявления иерархии ценностей и доступности их реализации Е.Б. Фанталовой была разработана методика «Уровень соотношения ценности и доступности в различных жизненных сферах» (УСЦД) [3]. Данная методика

направлена на диагностику ценностной структуры личности, распознавание характера и степени диссоциации (расхождения) между «ценным» (Ц) и «доступным» (Д) и, в зависимости от соотношения и степени выраженности этих показателей, на квалификацию этого расхождения как «внутреннего конфликта» (ВК), «внутреннего вакуума» (ВВ) и «нейтральной зоны» (НЗ) по 12 ценностями, охватывающим основные жизненно важные сферы (терминальные ценности по М. Рокичу: «Активная жизнь», «Здоровье», «Работа», «Красота», «Любовь», «Обеспеченность», «Друзья», «Уверенность», «Познание», «Свобода», «Семья», «Творчество»).

В нашем исследовании мы изучали иерархии ценностей и доступность их реализации у женщин с заболеваниями репродуктивной системы. В исследовании приняли участие 102 женщины (68 из них – с заболеваниями). Всего было сформировано 3 группы респондентов: (1) женщины с заболеваниями репродуктивной системы; (2) женщины с онкологическими заболеваниями репродуктивной системы; (3) условно здоровые женщины. Женщины с онкологическими заболеваниями проходили лечение в учреждении здравоохранения Минский городской клинический онкологический центр. Возраст участниц – от 23 до 34 лет.

Обработка первичных данных позволила оценить выраженность ценностей в структуре ценностей каждого испытуемого. Затем было вычислено среднее групповое значение выраженности двенадцати ценностей для каждой из трех указанных выше групп. По полученным данным оценивалась выраженность каждой ценности и структура ценностей.

Первоначально были определены средние баллы по каждой ценности и ее доступности методики УСЦД для трех групп женщин. В группе женщин с нарушениями в работе репродуктивной системы на значимом уровне (Ц) наиболее актуальными ценностями являются обеспечение отношений, поддерживающих гармонию в семье и с партнером, материальное благосостояние («Семья», «Любовь», «Обеспеченность»). На уровне доступном (Д) такими ценностями являются интересная работа, уверенность и состояние здоровья («Уверенность», «Работа», «Здоровье»). Следует отметить, что ценности, занявшие последние позиции, совпадают на обоих уровнях («Творчество», «Активность», «Красота»).

В группе женщин с онкологическими заболеваниями картина немного иная. Наиболее значимыми ценностями (Ц) для женщин являются здоровье, счастливая семейная жизнь и любовь («Здоровье», «Семья», «Любовь»). Наименее значимыми ценностями оказались ценности независимости, творческой деятельности, красоты природы и искусства («Свобода», «Творчество» и «Красота»). Наиболее доступными ценностями (Д) оказались позна-

ние и расширение кругозора, интересная работа и наличие друзей («Познание», «Работа», «Друзья»). Наименее доступными – семейная и материально-обеспеченная жизнь, здоровье («Семья», «Здоровье», «Обеспеченность»). Стоит заметить, что для женщин с онкологическими заболеваниями на уровне значимости ценность «Друзья» занимала четвертую позицию, а на уровне доступности сместилась на третью, в то время как ценности «Познание» и «Работа» находились на шестой и седьмой позиции. Смещение ценностей «Семья» и «Здоровье» с первых двух позиций на уровне значимости на последние позиции на уровне доступности свидетельствует о том, что женщины с онкологическими заболеваниями считают сохранение здоровья и счастливой семейной жизни достаточно важным, в то время как в реализации их они демонстрируют обратное.

В группе условно здоровых женщин наиболее актуальными ценностями как на уровне значимости (Ц), так и на уровне доступности (Д) оказались ценности счастливой семейной жизни, любви и здоровья («Семья», «Любовь», «Здоровье»). Низкие показатели занимают следующие ценности – интересная работа, творчество, красота и деятельная жизнь («Работа», «Творчество», «Красота» «Активность»).

При сравнении полученных данных с показателями средних значений соотношения ценности и доступности по данным Е.Б. Фанталовой было выявлено, что все значения ценности (Ц) и доступности (Д) у условно здоровых женщин и женщин с заболеваниями репродуктивной системы находятся в «нейтральной зоне», что свидетельствует о совпадении желаемого и реального. Такое соответствие характеризуется состоянием, когда значимые потребности в основном удовлетворены, а ценности реализованы.

Для женщин же с онкологическими заболеваниями картина немного иная. В «нейтральной зоне» находятся лишь пять ценностей: «Активность», «Работа», «Друзья», «Уверенность» и «Свобода». То есть в сферах деятельности и работы, отношений с друзьями, уверенности в себе и самостоятельности ценности реализованы в достаточной степени. Четыре ценности обнаружены в состоянии «внутреннего конфликта»: «Здоровье», «Любовь», «Обеспеченность», «Семья». В настоящий период женщины с онкологическими заболеваниями проживают состояние, в котором нависает угроза нарушения социальных, семейных и сексуальных отношений. Ценность здоровья малодоступна, за счет чего остальные сферы жизни направлены на то, чтобы ее сохранить. В состоянии «внутреннего вакуума» находятся оставшиеся три ценности: «Красота», «Познание» и «Творчество». Ценности красоты природы и искусства, познания и творчества доступны, но не представляют для женщин с онкологическими заболеваниями интереса, так как на первом плане стоит цель сохранения здоровья.

Подводя итог мы можем сделать следующие выводы: 1) как у условно здоровых женщин, так и у женщин с заболеваниями, ценности пребывают в гармонии, несмотря на различные иерархии на уровнях значимости и доступности; 2) у женщин с онкологическими заболеваниями отмечается удовлетворенность ценностей в таких сферах как активная жизнь, интересная работа, общение с друзьями; 3) в сферах здоровья, любви, семейной жизни и материальной обеспеченности у женщин с онкологическими заболеваниями значимость ценностей выше доступности; 4) в сферах эстетики, познания и творчества доступность значительно превышает значимость ценностей.

Библиографические ссылки

1. *Киналь Е.Н., Казанцева Н.В., Иванова А.В.* Изучение внутренней картины болезни у женщин с гинекологическими заболеваниями // Сборник статей по мат. всерос. научно-исслед. конкурса, Уфа, 20 февраля 2020 года. – Уфа: ООО Научно-издательский центр «Вестник науки». 2020. С. 105-110.
2. *Кочарян А.С., Макаренко А.А., Дин Ш.Ц.* Психологические особенности женщин с гинекологической патологией // Перспективы науки и образования. 2015. № 5 (17). С. 88-92.
3. *Фанталова Е.Б.* Методика «Уровень соотношения ценности и доступности в различных жизненных сферах»: ценностно-ориентированные конструкты личности и их иллюстрация на конкретных примерах // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2013. № 8. С. 30-38.

НРАВСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ТРЕВОГИ В ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ П. ТИЛЛИХА

П. С. Навицкая

polina.navitskaya@mail.ru;

Научный руководитель – Е. В. Беляева, доктор философских наук, доцент

Настоящая статья посвящена нравственным аспектам тревоги в экзистенциальной философии П. Тиллиха. Тревога возникает в случаях угрозы человеческой экзистенции, в качестве которой выступает понимание своей смертности, чувство заброшенности в человека в мире и другие пограничные ситуации. Тревога, согласно П. Тиллиху, является неотъемлемым и экзистенциальным условием жизнедеятельности человека. Более того, она многогранна и затрагивает нравственные аспекты его существования, такие, как поиск смысла жизни, нравственного идеала, осознание собственной ответственности.

Ключевые слова: тревога; страх; нравственность; ответственность; экзистенциализм; смысл; П. Тиллих.

Современный мир характеризуется турбулентностью и быстротечностью изменений, ненадежностью и отсутствием безопасности, его проблемы, так или иначе, оказывают влияние на психологическое (и даже психическое) состояние человека. В таких условиях не удивительно, что люди все чаще дезориентированы и тревожны.

Феномен тревоги многогранен: его можно рассматривать в различных аспектах и по-разному классифицировать. В частности, можно выделить тревогу невротическую и тревогу экзистенциальную. Невротическая тревога относится к патологии функционирования психики человека и ведет к ухудшению качества жизни. Довольно подробным исследованием такого типа тревоги занимались психоаналитики З.Фрейд и К. Хорни, которые связывали ее возникновение с особым структурой и функционированием психики, вместе с тем, они не учитывали своеобразия жизнедеятельности и неповторимости каждого человека. В психоаналитической традиции отсутствует анализ экзистенциальных и нравственных проблем жизнедеятельности человека.

Экзистенциальное же понимание тревоги намного шире, оно учитывает психологические и нравственные компоненты бытия человека, при этом трактуя всего его мысли, чувства и переживания как уникальные и неповторимые. Тревога возникает вместе с угрозой человеческой экзистенции, в качестве которой выступает понимание своей смертности и другие пограничные ситуации, осознание собственной ответственности и вместе с этим чувство заброшенности в человека в мире. Таким образом, тревога не просто экзистенциальна – она онтологична, она выступает неотъемлемым компонентом человеческого существования, предпосылкой его нравственного бытия-в-мире.

Цель данной работы – эксплицировать нравственное измерение тревоги в экзистенциальной философии П. Тиллиха.

Экзистенциальная традиция различает понятия тревоги и страха (причем, понятие тревоги употребляется чаще, нежели страха). Разница заключается в том, что страх конкретен и предметен, а возникновение тревоги детерминировано неопределенностью того или иного события. Но есть и общий момент: и страх, и тревога предвосхищают однозначно неприятные и порой даже опасные обстоятельства, возникающие в жизни человека.

Классической работой, в которой представлен экзистенциальный анализ тревоги, считается труд немецко-американского философа-экзистенциалиста П. Тиллиха «Мужество быть» [1]. В его интерпретации тревога является собой не просто психологическую проблему, а именно этическую – как следствие принципиальной неустойчивости фундаментальных ценностей каждой отдельной личности. Это неотъемлемый феномен нравственного бытия, который невозможно полностью устранить.

П. Тиллих определяет тревогу как «состояние, в котором бытие осознает возможность своего небытия» [1, с. 31]. Небытие составляет часть бытия, при этом и то, и другое имманентно присуще человеческому существованию. «Тревогу порождает не мысль о том, что все имеет преходящий характер, и даже не переживание смерти близких, а воздействие всего этого на постоянное, но скрытое осознание неизбежности нашей смерти. Тревога – это конечность, переживаемая человеком как его собственная конечность. Такова врожденная тревога, свойственная человеку как человеку и – некоторым образом – всем живым существам. Это тревога небытия, осознание собственной конечности как конечности» [1, с. 32].

П. Тиллих также разграничивает понятия тревоги и страха, объясняя, что они не тождественны друг другу. Специфика тревоги состоит в ощущении беспомощности и дезориентации, человек лишен какой-либо опоры и реакции на определенный объект. «Единственный объект – это сама угроза, а не источник угрозы, потому что источник угрозы – “ничто”» [1, с. 33]. Угроза небытия неустранима – она имплицитно присутствует в существовании человека. Поэтому мужество в данном контексте – это, с одной стороны, четкая этическая позиция и нравственное поведение, а с другой, самоутверждение себя вопреки небытию и возникающей вместе с этим тревоге.

Можно обозначить три фундаментальных вида тревоги, которые выделяет Тиллих:

- тревога судьбы и смерти;
- тревога пустоты и отсутствия смысла;
- тревога вины и осуждения.

«Тревога в этих трех формах экзистенциальна потому, что она присуща существованию как таковому...» [1, с. 37].

Тревога судьбы и смерти универсальна и основополагающа, поскольку угрожает человеческому самоутверждению. Тревога смерти являет собой абсолютную угрозу, которую невозможно как-либо исключить, бытие человека есть однозначное бытие-к-смерти. «... смерть стоит за судьбой и ее случайностями не только в самое последнее мгновение, когда нас выбрасывает из существования, но и во всякий момент существования» [1, с. 40]. Смерть, по словам П. Тиллиха, является знаком того, что человек, как и все сущее, обречен на конечность, ненадежность и бесприютность.

Судьба же характеризуется совокупностью случайностей, неопределенностью будущего для человека. Вовлеченность в непредсказуемый ход событий порождает у человека ощущение дезориентации и, соответственно, тревоги; «... отсутствие предельной необходимости, иррациональность, непроницаемый мрак судьбы превращают судьбу в источник тревоги» [1, с. 40].

Противопоставить этому можно духовный, творческий опыт, выраженный в активной деятельности, которая разрушает небытие, препятствует конструированию тревоги. «Тот, кто творчески живет внутри смыслов, утверждает себя как участника этих смыслов. Он утверждает себя в качестве того, кто творчески воспринимает и преобразует реальность. Он любит себя потому, что он соучаствует в духовной жизни и любит ее содержания» [1, с. 41].

Тревога пустоты и отсутствия смысла возникает в результате нивелирования духовного развития человека, утраты смысла жизни и творческой деятельности. Отсутствие смысла является причиной развития внутренней духовной пустоты, которая приобретает отягощающий и даже разрушительный характер. «Тревога отсутствия смысла – это тревога по поводу утраты предельного интереса, утраты того смысла, что придает смысл всем смыслам. Эта тревога пробуждается при утрате духовного центра, при утрате ответа, пусть символического и косвенного, на вопрос о смысле существования» [1, с. 42]. Смысл предстает не только фундаментальной ценностью, но и гарантом подлинной человеческой жизни, источником творческой активности и спокойствия.

Нравственность, с одной стороны, дает человеку смысл жизни, но с другой – сама может выступать источником тревоги, поскольку человек обладает свободой, но эта свобода ограничена. «Человек как конечная свобода свободен в рамках случайностей, заданных его конечностью» [1, с. 46]. Несмотря на это, человек полностью ответствен за свою жизнь, за моральный выбор, поступки и действия, которые он осуществляет. Человек обречен на выбор даже тогда, когда, казалось бы, ничего не выбирает, однако и это является решением. В данном контексте П. Тиллих связывает возникновение тревоги с осуждением и чувством вины, которая затрагивает, прежде всего, нравственное самоутверждение человека.

Тревога вины является реакцией на несоответствие человека заданному им же идеалу. Вина предстает субъективным, внутренним чувством, которое не детерминировано внешним мнением либо порицанием со стороны общества. «Тревога вины присутствует в каждом моменте нравственного опыта, и это может привести нас к полному отвержению себя, к переживанию того, что мы осуждены и приговорены, – но это не внешнее наказание, а отчаяние по поводу утраты собственного предназначения» [1, с. 46], – пишет П. Тиллих. Вина предстает главным свидетелем морального несоответствия человека своему подлинному состоянию.

Таким образом, тревога, согласно Тиллиху, является неотъемлемым экзистенциальным условием жизнедеятельности человека. Она многогранна и затрагивает нравственные аспекты его существования, такие, как поиск смысла жизни, нравственного идеала, осознание собственной ответственности.

Библиографические ссылки

1. *Тиллих П.* Мужество быть. М. : Модерн, 2014. 164 с.
2. *Куприна О. А.* Раскрытие феномена экзистенциальной тревоги в работах П. Тиллиха и Р. Мэя // Вестник Университета. 2014. №6. С. 263–265.
3. *Леонтьев Д. А.* Экзистенциальная тревога и как с ней не бороться // Московский Психотерапевтический Журнал. 2003. №2. С. 107–119.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЛОКУСА КОНТРОЛЯ И КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ У ЛИЦ С ХИМИЧЕСКОЙ АДДИКЦИЕЙ В СТАДИИ РЕМИССИИ

П. П. Носков

pavlikpavlovich1986@gmail.com;

Научный руководитель – Н. Н. Красовская, кандидат социологических наук, доцент

В статье автор касается одной из наиболее актуальных проблем в современном обществе – химической аддикции. В данной работе рассмотрены такие понятия как химическая аддикция, локус контроля и копинг-стратегии. Автором было организовано и проведено эмпирическое исследование, направленное на выявление взаимосвязи между локусом контроля и копинг-стратегиями у лиц с химической аддикцией в стадии ремиссии. Практической значимостью данной работы является возможность применения полученных результатов практическими специалистами в индивидуальной или групповой психотерапии и консультировании людей с химической зависимостью; полученные теоретические и практические результаты могут быть лечь в основу тренингов и коррекционных занятий для нормализации направленности локуса контроля и выработки конструктивных стратегий поведения у людей с химической аддикцией.

Ключевые слова: химическая аддикция; локус контроля; копинг-стратегии.

Химическая аддикция – это хроническое, прогрессирующее, неизлечимое заболевание, проявляющееся на биологическом, психологическом, социальном и духовном уровнях, характеризующееся зависимостью от всех веществ, изменяющих сознание [3, с. 64].

Существует множество этиологических моделей зависимости, и ни одна из них не в состоянии предоставить всестороннее понимание этого феномена [4, с. 43]. Основными из них являются: моральные модели, психологические модели, модели теорий личности, семейные модели, модель болезни, модель социальной болезни, биологические модели, социокультурные модели, мультикаузальные модели.

Для лиц с химической зависимостью редко имеет значение цели и интересы других людей. Эгоцентризм пронизывает всю структуру лиц с химической зависимостью. Химически зависимый практически целиком фиксирован на себе, на своих интересах, желаниях, чувствах. Ему безразличны интересы, чувства, желания других людей [2, с. 15].

Локус контроля – понятие, отражающее склонность человека приписывать причины событий внешним или внутренним факторам [1, с. 515]. В первоначальном варианте теории субъективной локализации контроля выделялись лишь два типа локуса контроля: интернальный и экстернальный, которые рассматривались как глобальные характеристики личности. Экстер-

налы верят в то, что они заложники судьбы. Напротив, люди с *интернальным локусом контроля* верят в то, что удачи и неудачи определяются их собственными действиями и способностями.

Для наркозависимых более характерно представление себя объектом действия окружающих людей и сложившихся обстоятельств, нежелание принимать активное участие в собственных изменениях [6]. Их можно охарактеризовать как людей, в меньшей степени планирующих свою жизнь и ощущающих влияние своих поступков на будущие жизненные события, придающих большое значение тому, как складываются обстоятельства.

В 1962 году американский психолог Лойс Б. Мерфи, в своих исследованиях кризисов взросления ввел понятие «копинг» или «совладание». Л. Мерфи определял «coping» как попытку индивида конструктивно преобразовать ситуацию, которая является для него угрожающей и заставляет мобилизовать свои внутренние ресурсы [5, с. 35].

Р. Лазарус и С. Фолкман определили 8 видов ситуативно-специфических копинг-стратегий: планомерное разрешение проблем, позитивная переоценка, принятие ответственности, поиск социальной поддержки, конфронтация, самоконтроль, дистанцирование, избегание.

У людей с алкогольной и наркотической зависимостями имеется дисфункциональное копинг-поведение, при котором чаще используются стратегии избегания, уклонения, погружение в фантазии. У данной категории лиц недостаточно развиты проблемно-ориентированные стратегии, а если и бывает развита, то ориентирована на приобретение психоактивных веществ [7].

С целью выявления взаимосвязи между локусом контроля и копинг-стратегиями у лиц с химической аддикцией в стадии ремиссии, нами было организовано и проведено эмпирическое исследование на базе Местного фонда «Центр здоровой молодежи», предназначенного для реабилитации лиц с химической аддикцией. Всего исследованием было охвачено 100 человек.

На первом этапе эмпирического исследования была выявлена направленность локуса контроля у лиц с химической аддикцией в стадии ремиссии.

С этой целью были обработаны данные по методике «Когнитивная ориентация (локус контроля)» Дж. Роттера. На основании полученных данных были рассчитаны средние значения по двум шкалам, которые отражены в таблице 1.

Таблица 1.

Результаты исследования направленности локуса контроля у лиц с химической аддикцией в стадии ремиссии (средние значения)

Показатели	Среднее значение
Экстернальность	9,6
Интернальности	13,39

На основании анализа данных, представленных в таблице 1, можно сделать вывод о том, что у выборочной группы направленность локуса контроля отклонена в сторону интернальности. Такой результат указывает на то, что респонденты более склонны приписывать причины событий внутренним факторам, нежели внешним.

На *втором этапе исследования* необходимо было диагностировать копинг-стратегии у лиц с химической аддикцией в стадии ремиссии. В связи с этим были обработаны данные по методике «Опросник для изучения копинг-стратегий» Р. Лазаруса.

На рисунке отражена выраженность копинг-стратегий у лиц с химической аддикцией в стадии ремиссии.

Рисунок – Выраженность копинг-стратегий у лиц с химической аддикцией в стадии ремиссии

Полученные данные показали, что на первом месте в группе лиц с химической аддикцией в стадии ремиссии стоит *принятие ответственности* ($M=79,14$), на втором - *бегство-избегание* ($M=68,45$), на третьем - *поиск социальной поддержки* ($M=66,94$), на четвертом - *самоконтроль* ($M=64,53$), на пятом - *планирование решения проблемы* ($M=61,04$), на шестом - *дистанцирование* ($M=59,84$), на седьмом - *конфронтация* ($M=59,67$), и меньше всего проявляется копинг-стратегия *положительная переоценка* ($M=56,63$).

На *завершающем этапе исследования* была поставлена задача: установить взаимосвязь между локусом контроля и копинг-стратегиями у лиц с химической аддикцией в стадии ремиссии.

Нами были сопоставлены результаты по методике «Когнитивная ориентация (локус контроля)» Дж. Роттера и методике «Опросник для изучения копинг-стратегий» Р. Лазаруса.

Результаты обработки данных представлены в таблице 2.

**Взаимосвязь между направленностью локуса контроля и
копинг-стратегиями у лиц с химической аддикцией в стадии ремиссии**

Названия шкал	Конфронтация	Дистанцирование	Самоконтроль	Поиск социальной под- держки	Принятие ответственности	Бегство-избегание	Планирование решения проблемы	Положительная переоценка
Экстернальность	0,06	0,05	-0,038	-0,098	0,038	0,109	0,053	-0,238
Интернальность	-0,06	-0,05	0,038	0,098	-0,038	-0,109	-0,053	0,238

На основании анализа данных, представленных в таблице 2, можно сделать следующие выводы: существует статистически значимая отрицательная связь между такими переменными, экстернальность и копинг-стратегия «положительная переоценка» ($R = -0,23831$, при вероятности ошибки $p \leq 0,01$), то есть чем выше показатель экстернальности, тем реже химически зависимый человек в стадии ремиссии, использует копинг-стратегию «положительная переоценка».

Существует статистически значимая положительная связь между такими переменными, как интернальность и копинг-стратегия «положительная переоценка» ($R = 0,23831$, при вероятности ошибки $p \leq 0,01$), то есть чем выше показатель интернальности, тем чаще химически зависимый человек в стадии ремиссии использует копинг-стратегию «положительная переоценка».

Таким образом, проведенное эмпирическое исследование подтвердило предположение о том, что существует взаимосвязь между локусом контроля и копинг-стратегиями у лиц с химической аддикцией в стадии ремиссии.

Библиографические ссылки

1. Грицанов А. А. Социология: Энциклопедия. Мн.: Книжный дом, 2003.
2. Ерышев О. Ф. Алкогольная зависимость: формирование, течение, противоречивная терапия. СПб.: Изд-во «ЭЛБИ - СПб», 2012.
3. Игумен Мефодий (Кондратьев). Методология социальной реабилитации в церковной общине. М.: ООО «АдванседСолюшнз», 2013.
4. Капуччи Д. Психологическое консультирование зависимых клиентов. Пер. с англ. СПб: ООО «Диалектика», 2021.
5. Никольская И. М. Психологическая защита у детей. СПб: Речь, 2000.
6. Плаксин А. А. Особенности жизненных ориентаций наркозависимых с различными сроками трезвости [Электронный ресурс] / Научная электронная библиотека открытого доступа. URL: <https://cyberleninka.ru> (дата доступа: 22.12.2023).
7. Ялтонский В. М. Копинг-поведение здоровых и больных наркоманией: автореф. дис. ... д-ра мед. наук. СПб., 1995.

ЦИФРОВОЕ НАСИЛИЕ: ПОСЛЕДСТВИЯ И ВЛИЯНИЕ НА МОЛОДЕЖЬ

А. А. Орлович

*Белорусский государственный университет, г. Минск;
taya.or@mail.ru*

*Научный руководитель – Л. В. Филинская, доцент,
кандидат философских наук*

В публикации раскрываются и сравниваются понятия «цифровое насилие» и «кибербуллинга», анализируется негативное влияние социальных интернет-сетей на молодёжь. Приводятся преимущества использования метода неоконченных предложений в социологических исследованиях. Выделяются аспекты, объясняющие значимость изучения темы кибербуллинга.

Ключевые слова: цифровое насилие; интернет-сети; молодёжь; неоконченные предложения; кибербуллинг; влияние.

Информационный прорыв в начале XXI века ознаменовал внедрение цифровых технологий во все сферы жизни. Эволюция технологий, создание и развитие интеллектуально-роботизированных систем, переход на автоматизацию производства, а также популяризация использования интернет-платформ и ресурсов для торговли и другие важные технологии влияют на многие области в повседневной жизни индивида. Цифровые технологии открывают новые возможности для всех сфер жизни: образования, трудоустройства, экономики и других областей, а также упрощают и способствуют процессу коммуникации и распространению различного рода идей. интернет-среда не избирательна, в неё неконтролируемо и неизбежно попадает жестокий, дискриминирующий или наносящий психологические травмы контент, а также не предназначенные для публикации личные материалы, пропаганда насильственного поведения. В таком аспекте информационные технологии могут выступать как инструмент давления и нарушение прав человека.

В 21 веке информационные технологии становится одним из ведущих акторов социализации и интеграции молодежи в социум. Данный процесс приводит не только к положительным, но и отрицательным последствиям. Одним из наиболее негативным эффектом является кибербуллинг, но, для начала, стоит дать определение цифровому насилию.

Цифровое насилие – это акт насилия в отношении человека при участии одного или нескольких лиц, который совершается, поддерживается, усугубляется и усиливается частично или полностью с использованием информационно-коммуникационных технологий или цифровых средств массовой информации [1].

Кибербуллинг (англ. cyberbullying; cyber – связанный с компьютерами, информационными технологиями, интернетом и bullying – задира́ть, запугивать) – это целенаправленное и систематическое агрессивное поведение по отношению к жертве в социальных сетях, онлайн играх, мессенджерах и на других онлайн-площадках [2]. Это не только обидные оскорбления в интернете. Обидчики могут исключить жертву из виртуального общения, создать фейковый аккаунт, где будут размещать обидный контент. Он может происходить в социальных сетях, мессенджерах, на игровых платформах и в приложениях в мобильных телефонах.

Таким образом, при сравнительном анализе двух понятий заметна их схожесть: какое-либо агрессивное поведение, направленное на другого пользователя с использованием информационно-коммуникационных технологий, то есть кибербуллинг – это не разновидность цифрового насилия, а это и есть само цифровое насилие. Суть данного сравнения заключается в том, что в связи с низкой ознакомленностью с данной темой – эти два понятия разделяют как 2 разных направления психологического насилия, что в корне является неверным.

Все действия, относящиеся к цифровому насилию, наносят психологический, экономический, физический ущерб, а также зачастую переходит в другие формы насилия, так как ключевая особенность интернета заключается в том, что данные, которые когда-либо были опубликованы на просторах интернет-пространства, остаются там навсегда и даже удалив их самостоятельно – они все равно останутся на серверах, откуда их можно извлечь.

Цифровое насилие является одной из форм девиантного поведения. С данным явлением можно столкнуться в совершенно разных сферах жизни: на работе, учебных заведениях, в приложениях или на сайтах знакомств. Авторами такого насилия могут быть незнакомцы, что случается намного чаще, или же знакомые и даже близкие люди – родственники или партнёры.

Кибербуллинг приводит к виктимизации, при этом зарубежными исследователями установлено, что «виктимизация детей, подростков и взрослых порождает отрицательные эмоциональные состояния – депрессию, тревогу, уныние, страх, дистресс, гнев, отрицательную аффективность, самообвинение, низкую самооценку и посттравматический стресс» [3].

В иноязычных социумах определена и обратная связь: «Виктимизацию с большой вероятностью предсказывают низкий уровень удовлетворенности жизнью, низкая самооценка индивида, его депрессивные симптомы, тревожность, отрицательная аффективность» [3].

Цифровой гендерный разрыв начинается с возможности выхода в интернет. Мужская часть населения на 21% чаще выходят в Сеть, чем женская, а в наименее развитых странах — на 52% чаще. По данным Международного

союза электросвязи, 52% женщин в мире не пользуются интернетом и другими технологиями в области связи, тогда как среди мужчин этот показатель составляет 42% [4].

Разница в доступе к интернету среди мужчин и женщин напрямую связана с обладанием мобильным телефоном. По данным Ассоциации операторов мобильной связи GSMA, во всем мире женщины на 7% реже, чем мужчины, владеют смартфонами. Ключевая причина такого разрыва – патриархальные установки, которые делают технологии мужскими преимуществами [4].

Женщины страдают от цифрового насилия чаще. Исследования организации WHOA (Всемирная организация здравоохранения) с 2000 по 2013 год утверждают, что от онлайн-домогательств пострадали 70% женщин против 25% мужчин. При этом мужчины и женщины подвергаются разным формам цифрового насилия: первые чаще страдают от оскорблений и унижений, вторые – от онлайн-преследований и домогательств. По данным организации CCRI, занимающейся вопросами онлайн-насилия, 90% людей, подвергшихся порноместу, – женщины [5].

Кибербуллинг оказывает непосредственное влияние на жизнь индивида, поэтому следует выделить несколько аспектов, объясняющих значимость изучения данной темы:

- Распространённость: буллинг в интернете становится всё более и более распространённым явлением не только среди подростков, но и среди более взрослого поколения. С увеличением времени, проведённого в интернет-пространстве, растёт и вероятность столкновения с цифровыми формами травли и домогательств;
- Психологические последствия: кибербуллинг может иметь серьёзные психологические последствия для жертв (стресс, депрессия, тревожные расстройства и суицидальные мысли);
- Образование: так как часто объектом травли становятся подростки, то это определённо влияет и на качество их образования, и создаёт негативную атмосферу в их повседневной жизни;
- Законодательство и правоприменение: изучение кибербуллинга способствует разработке законодательства и политики, направленных на борьбу с насилием в интернете и наказанием его инициаторов;
- Технологический прогресс: с развитием технологий и социальных медиа новые формы кибербуллинга появляются и эволюционируют, а изучение актуальных тенденций и методов кибербуллинга способствует разработке эффективных стратегий по избежанию негативных последствий.

В рамках исследования на тему «Цифровое насилие в повседневной жизни молодежи», которое было проведено в период с сентября по октябрь 2023 года, на первом этапе был проведен опрос методом неоконченных

предложений среди студентов 1 курса БГУ (N=27). Данный метод сбора информации характеризуется специфичностью области своего применения, которая включает в себя изучение и диагностику личности, оценку аттитюдов, прогнозирование достижений и диагностику межгрупповых отношений и различий.

Методически верно начинать с нейтральных предложений. В проведенном исследовании – это были вопросы о свободном времени. Большинство студентов предпочитают свое свободное время проводить дома в кругу семьи/друзей за просмотром развлекательного контента (видео/фильмов/сериалов), читая книги или играя в настольные игры, а также проводя время в интернете, общаясь с друзьями или занимаясь поиском интересной информации. Наименее популярными занятиями было различного вида творчество (написание стихов, музыки, пение и т.д.) и занятие спортом. Такие ответы позволяют сделать вывод о том, что зачастую студенты проводят свое свободное время в интернете или с близкими. Это свидетельствует о том, что интернет и информационно-коммуникационные технологии активно используются в повседневной жизни.

Студенческое сообщество считает приемлемым удаление или ограничение контента, который подразумевает под собой пропаганду психологического насилия, что свидетельствует о высокой степени понимания деструктивной стороны данного контента и может быть проинтерпретировано, как осознанное поведение без создания последующего негатива на нежелательный контент.

Если же студенты увидели пост или видео, содержащие психологическое насилие, то они либо пролистывают такого рода контент, либо пишут жалобы, иногда могут рассказать об этом родным/друзьям или «испытывают негативные эмоции, так как чувствуют разочарование в людях». С одной стороны, хорошо, что большинство студентов пролистывают «плохой» контент, но с другой, «жаловаться» – это наиболее действенный способ борьбы с такого рода контентом, так как таким образом модераторы будут более тщательно следить за данным ресурсом или в целом могут изменить политику размещения контента, ужесточив его пропуск в сеть.

Когда студенты видят негативные комментарии, они предпочитают не реагировать и пропускать такого рода комментарии, так как «зачастую авторы комментариев закомплексованные в себе люди...», «это отражение мира комментатора, никак не относящееся к тому, к кому направлено». Некоторые студенты могут сами «отправить негативную реакцию» или «осуждают комментаторов».

Если неприятные комментарии будут адресованы конкретно к студенту, то «немного расстраиваюсь, но потом отхожу и просто удаляю неприятные комментарии/сообщения и блокирую человека, который это сделал» или «если в личные сообщения, то я игнорирую, если человек не успокаивается,

то вступаю в конфликт», а также просто игнорируют и блокируют такого рода комментарии/сообщения. Таким образом, данного рода сообщения негативно сказываются на их эмоциональном состоянии, а также в определённых ситуациях студенты могут вступить в конфронтацию с хейтером.

Подводя итог, следует отметить, что жертва цифрового насилия может не только замкнуться в себе и перестать коммуницировать не только в виртуальном, но и реальном мире, а также покончить жизнь самоубийством. В таком случае следует брать во внимание все факторы: психологические особенности жертвы, круг общения, процесс социализации и т.д.

Интернет-пространство может нести угрозу как для психологического, так и физического здоровья человека. Не стоит забывать про цифровое насилие, способное человека с неустойчивой психикой довести до депрессии или самоубийства. Стоит отметить, что мошенничество, потеря личных данных, а также возникновение зависимости от социальных интернет-сетей – это все и есть цифровое насилие, поэтому всегда следует с осторожностью коммуницировать в интернет-пространстве, чтобы не понести каких-либо потерь.

Библиографические ссылки

1. «Пояснительный доклад к Конвенции Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием» [Электронный ресурс] // Совет Европы. URL: <https://kiberbulling.net/> (дата обращения: 17.11.2023).
2. «Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий» [Электронный ресурс] // ВШЭ. URL: <https://psy-journal.hse.ru/2014-11-3/139110271.html>. (дата обращения: 22.11.2023).
3. Шейнов, В.П., Карпиевич, В.А., Дятчик, Н.В., Полховская, Г.Н. Незащищенность от кибербуллинга и интернет-зависимость юношей и девушек: связи и свойства // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. – 2020. – №3. – С. 64–72.
4. «На два фронта: как технологии поддерживают неравенство и помогают бороться с ним» [Электронный ресурс] // Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/437589-na-dva-fronta-kak-tehnologii-podderzhivayut-neravenstvo-i-pomogayut-borotsya-s>. (дата обращения: 25.11.2023).
5. «Что такое цифровое насилие» [Электронный ресурс] // Горячая изба. URL: <https://burninghut.ru/cifrovое-nasilie/>. (дата обращения: 25.11.2023).

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕЖИВАНИЯ ОДИНОЧЕСТВА МУЖЧИНАМИ И ЖЕНЩИНАМИ В ПЕРИОД РАННЕЙ ВЗРОСЛОСТИ

И. И. Савельева

irisasea24@gmail.com;

Научный руководитель — Ю.С. Смирнова, кандидат психологических наук, доцент

В публикации автор обращается к проблеме переживания одиночества мужчинами и женщинами в период ранней взрослости. Приводятся результаты исследования общего уровня переживания одиночества, зависимости от общения и позитивного одиночества у мужчин и женщин в период ранней взрослости. Установлено, что уровень переживания одиночества у представителей ранней взрослости вне зависимости от пола является средним. Материалы исследования могут служить основой для разработки программ и интервенций, направленных на поддержку молодых людей в этом периоде жизни и на создание условий для их благополучия и развития.

Ключевые слова: переживание одиночества; зависимость от общения; позитивное одиночество; ранняя взрослость.

Феномен одиночества рассматривается исследователями с двух аспектов. Первый заключается в объективном состоянии физической или социальной изоляции, вынужденной выключенности из общения с человеком или социально значимыми категориями людей. Подобное определение является внешне обусловленной ситуацией, а не внутренним психическим переживанием. Второй аспект заключается в субъективном состоянии, характеризующимся чувством тоски, отдаленности, оставленности, неполноценности. В его основе находится депривация – недостаток понимания, доверия [1].

Второе положение послужило фундаментом личностно-деятельностного подхода к одиночеству С. Г. Корчагиной. В данном исследовании понятие одиночество будет рассматриваться с точки зрения этого подхода. Таким образом, «одиночество – психическое состояние человека, отражающее переживание своей отдельности, субъективной невозможности или нежелания чувствовать адекватный отклик, принятие и признание себя другими людьми [2, с. 13]. Данное определение содержит в себе понимание одиночества как состояния, характеризующегося всеми психологическими свойствами: переживанием и ограниченностью во времени. Невозможность и нежелание чувствовать отклик являются субъективным фактором, индивидуальным для каждого, и это важно для понимания одиночества, поскольку чувства характеризуются своей субъективностью. Существование внешних факторов, способствующих одиночеству, оказывают влияние на его формирование, однако не являются определяющими. В отличие от объективной физической и социальной изоляции, одиночество отражает дисгармонию

соотношения «я» и «они», разобщенности с собой и миром, сопровождается при этом переживаниями, страданиями, возникновением кризисов.

В исследованиях одиночества преобладают теории, рассматривающие его как негативное явление, связанное с неудовлетворенной потребностью в привязанности, низкими социальными навыками или определенными чертами личности [3]. Однако в последнее время появляется все больше теорий, рассматривающих одиночество как положительный ресурс, требующий осмысленного подхода.

Д. А. Леонтьев и Е. Н. Осин [4] выделили три аспекта одиночества: негативный, позитивный (уединение), отношение к одиночеству. Ими была разработана методика, позволяющая экономично и надежно измерить эти три аспекта. В их исследовании общее одиночество представляет собой наличие или отсутствие у индивида переживания своего одиночества, чувства недостатка эмоциональной близости или социальных контактов, осознание себя как одинокого. Зависимость от общения представляет собой отношение к одиночеству, то, как личность чувствует себя в течение его переживания. Так, индивиды могут быть склонны избегать изоляции и чувствовать склонность к поиску любых социальных контактов или, напротив, иметь спокойное отношение к ситуациям уединения. Позитивное одиночество свидетельствует о наличии у индивида положительных эмоций в ситуациях одиночества, умении продуктивно проводить время наедине с собой.

Одиночество является значимым и актуальным исследовательским вопросом в период ранней взрослости как для мужчин, так и для женщин. Ранняя взрослость характеризуется значительными переменами и переходами, такими как окончание образования, поиск работы, установление стабильных отношений и формирование семьи. Одиночество в этот период может оказывать негативное влияние на психологическое здоровье и состояние личности. Исследование переживания одиночества у мужчин и женщин в период ранней взрослости является важным, потому что позволяет понять его воздействие на психологическое и социальное благополучие молодых людей, выявить половые различия и особенности, а также разработать эффективные интервенции для поддержки и помощи. Исследования в этой области имеют практическое значение и способствуют созданию более здорового и поддерживающего окружения.

С помощью дифференциального опросника переживания одиночества (ДОПО-3к), разработанного Д. А. Леонтьевым и Е. Н. Осиним, были исследованы 55 респондентов в возрасте от 21 до 25 лет, среди которых 14 мужчин и 41 женщина.

По шкале «Общее переживание одиночества» респонденты характеризуются средним уровнем переживания одиночества (для женщин средний показатель – 15,78 при $\sigma=4,95$, для мужчин – 15,07 при $\sigma=3,85$), проявляющимся в умеренной выраженности переживания изоляции, нехватки близости и контактов с другими субъектами, не переходящей в болезненное переживание одиночества.

По шкале «Зависимость от общения» мужчины и женщины в период ранней взрослости обладают средним уровнем выраженности показателя (для женщин средний показатель – 14,46 при $\sigma=4,52$, для мужчин – 12,36 при $\sigma=3,97$), свидетельствующем об умении справляться с переживанием одиночества, отсутствии склонности искать любую коммуникацию, однако наличии желая присутствия другого субъекта, который позволил бы не оставаться наедине с собой, нежелании находиться в полном уединении.

По шкале «Позитивное одиночество» результаты свидетельствуют о среднем уровне (для женщин средний показатель – 29,12 при $\sigma=4,56$, для мужчин – 29,00 при $\sigma=4,57$), достаточной способности находить ресурс в ситуации уединения и нейтральном отношении к одиночеству. Средний уровень предполагает умеренную продуктивность и осознанность в проведении времени наедине с самим собой.

Статистически значимых различий уровня переживания одиночества у мужчин и женщин не было выявлено. При валидации дифференциального опросника переживания одиночества в полученных результатах различия по полу также обладали весьма малой магнитудой, однако было установлено, что у мужчин переживание одиночества проявляется несколько больше, чем у женщин [4].

Также был проведен анализ различий переживания одиночества по наличию романтических отношений с помощью критерия Манна-Уитни. При $p \leq 0,056$ можно говорить о наличии тенденции к различиям по показателю общего переживания одиночества. Субъекты, состоящие в романтических отношениях, испытывают меньшее переживание одиночества. Вероятно, близкие отношения с другим человеком позволяют получать благоприятный социальный контакт и ощущение включенности себя в социум, минимизируют «переживание собственной невовлеченности в связи с другими людьми» [4, с. 56]. По остальным шкалам различия не были выявлены.

Таким образом, представители ранней взрослости обладают средним уровнем переживания одиночества, умеренно владея навыками и способностями справляться с ним, использовать уединение в относительно продуктивном направлении. Между мужчинами и женщинами не было обнаружено различий в уровне переживания одиночества, однако было выяснено, что респонденты, состоящие в романтических отношениях, менее испытывают одиночество и недостаток близости.

Библиографические ссылки

1. *Иванченко, Г.В.* Возрасты одиночества // Проблемы развития и бытия личности. 2007. №1. С. 55-80.
2. *Корчагина, С.Г.* Психология одиночества: учебное пособие. М.: Московский психолого-социальный институт, 2008.
3. *Cacioppo, J.T., Hawkley, L.C.* Loneliness // Handbook of individual differences in social behavior. N.Y.: Guilford, 2009. P. 227-239.
4. *Леонтьев, Д.А., Осин, Е.Н.* Дифференциальный опросник переживания одиночества (ДОПО). М.: Смысл, 2016.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЛИЧНОСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК И УРОВНЯ НАРЦИССИЗМА СТУДЕНТОВ

М. В. Свирид

msvirid04@gmail.com;

Научный руководитель – С. М. Ширко, старший преподаватель

Научный интерес представляет изучение нарциссизма и личностных характеристик на этапе студенчества как начального этапа профессионализации и самостоятельного вхождения в жизнь. Нарциссические черты могут присутствовать в структуре личности и поддерживать стремление к успеху, достижениям, самореализации, карьере, социальному признанию. В период студенчества выраженность нарциссических черт может усиливаться в ответ на изменения социальных ожиданий, что может стать причиной трудностей социальной адаптации. Научная новизна исследования обусловлена недостаточной разработанностью проблемы нарциссизма в отечественной психологии и заключается в том, что в результате проведенного исследования были получены данные о личностных характеристиках студентов с различным уровнем нарциссизма. Объектом исследования является феномен нарциссизма, а целью – выявление характера взаимосвязи личностных характеристик и уровня нарциссизма студентов.

Ключевые слова: нарциссизм; студенты; уровень нарциссизма; личностные характеристики.

Согласно подходу О.А. Шамшиковой [1], нарциссизм в пределах психической нормы является личностным образованием и характеризуется различным уровнем выраженности нарциссических черт. Проявляется в нарциссических состояниях, которые могут быть кратковременными, изменчивыми, длительными и устойчивыми, и актуализируется в нарциссических стратегиях личности и нарциссических способах регуляции представления личности о себе [1].

Пятифакторная теория сформулирована Р. Маккреем и П. Коста. Пятифакторная модель – это диспозициональная модель личности, которая характеризует человека при помощи пяти черт (диспозиций), или, иначе, факторов. Пятифакторная модель строится на чертах личности – склонностях человека вести себя определенным образом – и включает в себя пять главных факторов («большую пятерку» черт): 1) нейротизм – негативная эмоциональность; 2) экстраверсия – активность, направленная во внешний мир; 3) открытость опыту – открытость новым идеям; 4) привязанность / сотрудничество – привязанность к другим людям; 5) контролирование / добросовестность – способность к самоконтролю. Каждый из пяти главных факторов включает в себя пять факторов второго порядка – субфакторов. Соответственно, психологический портрет личности можно составить на основе

пяти независимых переменных: нейротизм, экстраверсия, открытость опыту, сотрудничество, добросовестность [2].

Для установления характера взаимосвязи личностных характеристик и уровня нарциссизма у студентов использовался коэффициент корреляции Спирмена, согласно проверке на нормальность распределения выборки с помощью критерия Колмогорова-Смирнова.

У студентов женского пола обнаружена статистически значимая умеренная положительная связь основного фактора «Экстраверсия–Интроверсия» и нарциссическими чертами «Грандиозное чувство самозначимости» ($r=0,456$; $p=0,001$), «Вера в собственную уникальность» ($r=0,388$; $p=0,005$), «Дерзкое заносчивое поведение» ($r=0,359$; $p=0,009$) и слабая положительная связь с «Потребность в постоянном внимании и восхищении» ($r=0,276$; $p=0,047$). Полученные результаты позволяют предположить, что чем более выражена у студентов женского пола такая личностная характеристика как экстраверсия, тем выше уровень нарциссических черт. Можно предположить, что для экстравертированных студентов свойственно находиться в центре внимания, самооценка, с большего, зависит от социальной интеграции [3].

У студентов женского пола обнаружена статистически значимая умеренная отрицательная связь основного фактора «Привязанность–Обособленность» и нарциссическими чертами «Грандиозное чувство самозначимости» ($r=-0,321$; $p=0,020$), «Поглощенность фантазиями» ($r=-0,311$; $p=0,025$), «Отсутствие эмпатии» ($r=-0,386$; $p=0,005$). Можно предположить, что чем выше значения по показателю привязанность, тем ниже уровень каждой из нарциссических черт. Связь с чертой грандиозное чувство самозначимости можно объяснить тем, что женщины-студенты, отличающиеся высокой степенью привязанности склонны более адекватно оценивать свои достижения.

Отрицательная связь с чертой поглощенность фантазиями предположительно объясняется отсутствием угрозы Я-концепции, так как нарциссические фантазии возникают в результате угрозы ядру личности и направлены на конкретные желания, которые не могут быть реализованы в реальности.

У женщин установлена статистически значимая слабая положительная связь основного фактора «Самоконтроль–Импульсивность» с чертой «Потребность в постоянном внимании и восхищении» ($r=0,278$; $p=0,046$). Потребность в постоянном внимании и восхищении обусловлена необходимостью регулировать свое внутренне состояние, которая возникает из-за внутренней обеспокоенности в своей несостоятельности [3]. Студентам женского пола с ярко выраженной нарциссической чертой для поддержания своей самооценки нужно быть в центре внимания, провоцировать поиск

друзей, чье восхищение создает благоприятный психологический микроклимат. Важным становится завоевать уважение преподавателей и одногруппников, для того чтобы самоутвердиться.

Выявлена статистически значимая умеренная положительная связь основного фактора «Экспрессивность – практичность» и чертой «Грандиозное чувство самозначимости» ($r=0,317$; $p=0,022$). Данная связь обусловлена тем, что для студентов женского пола с такой чертой характерно легкое отношение к жизни, часто они не отличают вымысел от реальности, чаще доверяют своим чувствам и интуиции, чем здравому смыслу. Что и приводит к необъективной оценке своих достижений и ожиданию такой же оценки от окружающих.

У студентов мужского пола обнаружена статистически значимая умеренная положительная связь основного фактора «Экстраверсия–Интроверсия» с нарциссическими чертами «Грандиозное чувство самозначимости» ($r=0,670$; $p<0,001$), «Вера в собственную уникальность» ($r=0,428$; $p=0,014$), «Потребность в постоянном внимании и восхищении» ($r=0,669$; $p<0,001$). Следует констатировать, что чем выше показатели по характеристике экстраверсия, тем выше уровень нарциссических черт. Связь с грандиозным чувством самозначимости, верой в собственную уникальность и потребностью в восхищении у студентов мужского пола может объясняться потребностью регулировать представления, окружающих о себе путем самовозвышения [4].

Обнаружена статистически значимая умеренная положительная связь между основным фактором «Самоконтроль–Импульсивность» и чертами «Грандиозное чувство самозначимости» ($r=0,353$; $p=0,047$), «Вера в собственную уникальность» ($r=0,478$; $p=0,006$). Данная связь предположительно объясняется способностью нарциссических студентов мужского пола, уверенных в своей значимости и уникальности, находить объяснение всему, своим эмоциями и переживаниям в том числе. Это позволяет поддерживать их Грандиозное Я на высоком уровне.

Найдена статистически значимая умеренная отрицательная связь у мужчин между основным фактором «Эмоциональная устойчивость – эмоциональная неустойчивость» и нарциссическими чертами «Грандиозное чувство самозначимости» ($r=-0,425$; $p=0,015$), «Вера в собственную уникальность» ($r=-0,397$; $p=0,025$), «Потребность в постоянном внимании и восхищении» ($r=-0,386$; $p=0,029$). Можно предположить, что чем выше уровень эмоциональной устойчивости, тем ниже степень выраженности нарциссических черт. Связь объясняется неспособностью нарциссических студентов мужского пола самостоятельно регулировать свою самооценку, они ожидают подкрепление со стороны [4].

Следует констатировать, в структуре корреляционных связей мужчин и женщин установлены следующие особенности. У студентов-мужчин в сравнении со студентами-женщинами более высокие коэффициенты корреляции и связей больше между личностными характеристиками и нарциссическими чертами «Грандиозное чувство самозначимости», «Поглощенность фантазиями», «Вера в собственную уникальность», «Потребность в постоянном внимании и восхищении».

У студентов-женщин по сравнению со студентами-мужчинами отмечается выраженность коэффициентов корреляции между личностными характеристиками и чертами «Сверхзанятость чувством зависти», «Отсутствие эмпатии», «Дерзкое, заносчивое поведение».

Библиографические ссылки

1. *Шамишкова О. А., Клепикова Н.М.* Опросник «Нарциссические черты личности» // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 2. С. 114–128.
2. *Хромов А. Б.* Пятифакторный опросник личности: учебно-методическое пособие. Курган: изд-во Курганского гос. ун-та, 2000. 23 с.
3. *Green A., MacLean R., Charles K.* Female Narcissism: Assessment, Aetiology, and Behavioural Manifestations // Psychological Reports. 2021. №1-32. 32 p.
4. *Schie C. C., Jarman H. L., Reis S., Grenyer F. S* Narcissistic traits in young people and how experiencing shame relates to current attachment challenges // BMC Psychiatry. 2021. Vol. 21(1). № 246.

ТЕЛЕВИДЕНИЕ КАК СИМВОЛИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ: СПЕЦИФИКА «ДВОЙНЫХ ЭФФЕКТОВ» В ТЕОРИИ П. БУРДЬЁ

В. Ю. Тимошко

phs.timoshko@bsu.by;

Научный руководитель – В.В. Анохина, кандидат философских наук, доцент

Стремительный рост воздействия медиа на социокультурную реальность требует глубинного теоретического осмысления с последующим просвещением медиа-аудитории с целью активации их способности к критическому анализу продуктов медиареальности и отражаемых, или же, искажаемых в ней глобальных событий. Целью данной работы является экспликация метода функционирования телевидения и журналистики в теории П. Бурдьё. Результатом работы можно представить вывод о том, что телевидение как особое социальное пространство обладает символической властью не только в конструировании медиареальности и вменении определённых моделей мышления и поведения широким слоям социальных субъектов, но и в оказании структурного давления на все существующие социальные пространства, благодаря эффекту наделения чужеродных своему полю агентов символическим капиталом медийной известности, что, таким образом, нивелирует правила позиционной динамики агентов других полей. «Двойной эффект» телевидения приводит, в конечном итоге, к нарастанию экстремально-массового унифицированного контента, не имеющего познавательной и аксиологической ценности, что сулит деградации широких слоев населения, обесцениванию научно-теоретической деятельности и эскалации насилия в обществе.

Ключевые слова: П. Бурдьё; телевидение; журналистика; символическая власть; «двойной эффект» телевидения; рейтинг.

Согласно заключению П. Бурдьё, «телевидение производит двойной эффект. С одной стороны, оно снижает плату за вход в некоторые поля: философское, юридическое и т. п.: оно может способствовать признанию в качестве социологов, писателей, философов и т.п. Людей, не заплативших право на вход с: точки зрения внутреннего определения профессии. С другой стороны, оно способно затронуть самые широкие круги зрителей. Мне очень тяжело оправдывать тот факт, что, пытаясь понизить плату за вход в поле, некто присваивает себе право на расширение собственной аудитории» [1, с. 86].

Телевидение и журналистика – особые социальные пространства, связанные с производством и распространением информации. Действующие в определенной области практики лица или коллективы и институты являются агентами поля. Понятие агента в теории Бурдьё отражает «объективное, целенаправленное, но несознательное осуществление людьми социальной деятельности, направленное на сохранение либо изменение занимаемого положения в социальном пространстве» [2]. Индивидуальные агенты представлены в лице журналистов, репортеров, редакторов, режиссеров и

владельцев СМИ. К институциональным агентам относятся издательства, телеканалы, радиостанции, информационные агентства, газеты и т.п.

Поле – исторически сложившееся пространство игры, со специфическими, свойственными только данному пространству интересами, целями и ставками, собственными законами функционирования. Понятие поля отражает функциональную дифференциацию общества на относительно замкнутые сферы практики: культуру, политику, экономику, религию. Обладания ценными ресурсами, характерными для определенного поля, которые можно инвестировать в игру и получить с них прибыль – означает обладание капиталом, придающим его владельцу силу и власть и позволяющим занять определенную позицию. Поле – это сеть или конфигурация объективных связей между позициями, где последние «определены объективно наличным или потенциальным положением занимающего данную позицию агента или института в структуре распределения различных видов власти (или капитала), обладание которыми управляет доступом к специфическим прибылям, находящимся в игре в данном поле, а также – объективными отношениями с другими позициями (господство, подчинение, гомология и пр.)» [1, с. 12].

По определению П. Бурдьё, «символическая власть – возможность создавать и навязывать определенные социальные представления, модели желаемого устройства общества и государства» [1, с. 10]. Владельцы крупных корпораций приобретают средства массовой информации, объединяют разнородные средства производства «символической продукции»: телевизионные каналы, Интернет-компании, журнальные и книжные издательства, кино- и телестудии и т. д., тем самым предлагая для всех одинаковую логику рынка, что превращает культурные блага и информацию в товар, создание и распространение которого подчинено прибыли как главному экономическому регулятору.

Телевидение осуществляет социальное конструирование реальности, способное производить социальный эффект политической мобилизации (или демобилизации). Конструирование осуществляется журналистами посредством отбора фактов и подбора их словесного выражения. Например, телевидение склонно к драматизации: выведению некоторого события в центр внимания и его гиперболизации.

Рейтинг – форма давления необходимости коммерческой выгоды создаваемой продукции. Особое влияние рейтинга на телевидение проявляется в требовании оперативности: телевидение предполагает высокую скорость мыслительного процесса, который может быть обеспечен лишь посредством осмысления «готовых идей», представляющих собой заведомо усвоенные идеи, не вызывающие возражений. Главная задача коммуникации на телевидении – совпадение кодов ведущего и слушателя. В случае трансля-

ции «готовых идей», коммуникация возникает мгновенно, представляя собой видимость, так как в некотором смысле ее не существует. Она представляет собой «обмен банальностями, общими местами есть коммуникация, единственным содержанием которой является сам факт общения» [1, с. 44].

Телевизионный выпуск новостей как пример проявления телевизионной структуры является компиляцией «готовых идей», оставляющих ментальные структуры телезрителей в неизменном состоянии. Индивидуальные агенты телевидения выступают проводниками «мелкобуржуазной морали», навязывая свое мнение о ими же определяемых «проблемах общества», таких как агрессия на городских окраинах или насилие в школах. Программы, при первом приближении, направленные на просвещение и революцию категорий частных сознаний в области искусства и культуры, в сущности, служат укреплению уже сложившихся ценностей: конформизму, академизму, рыночной конъюнктуре.

Конкуренция в поле массмедиа приводит к унификации и банализации продукции за счет коллективного характера производства информации. Информаторы получают информацию от других информаторов. Высказывание в медийном поле предполагает знание высказываний других, что также выступает причиной однообразия предлагаемой продукции. «Такая игра взаимных отражений производит невероятный эффект замкнутости, ментальной ограниченности и цензуры» [1, с. 39].

Последствием увеличения относительного веса телевидения в пространстве СМИ и усиления влияния коммерциализации на телевидение стал переход от политики культурного воздействия к своеобразной «спонтанной» демагогии. Телевидение, посредством монополизации информационного поля, обладает властью во вменении специфического культурного продукта, который, в следствии коммерческой необходимости расширения зрительской публики, носит массово-экстремальный характер, чем удовлетворяет скрытую потребность зрителя в вуайеризме и эксгибиционизме. Телеканал, делающий выбор в пользу сенсационного материала, выходящего за рамки повседневности, обладает большей символической властью, коррелирующей с уровнем его коммерческого успеха и популярности. При этом индивидуальные агенты в лице журналистов, осуществляющие следующую деятельность, стремятся к установлению собственных ценностных идеалов в качестве всеобщей максимы, навязывая также свои риторические и вкусовые предпочтения другим агентам журналистского поля.

Журналисты обладают фактической монополией на средства производства широкого распространения информации, что обеспечивает также и монополию на доступ производителей культурной продукции (ученых, артистов, писателей) и граждан, в целом, к «публичному пространству», то есть, к широкому распространению и общественному признанию.

Мир журналистики – это поле, находящееся посредством рейтингового механизма под властью поля экономического, но, в то же время, оказывающее скрытое структурное давление на все другие поля. Данное структурное влияние сильно изменяет силовые отношения внутри различных полей.

Один из механизмов структурного давления, доступный для журналистского поля, проявляется во внедрении в определенный универсум чужеродных этому универсуму производителей. Символическая власть журналистского поля настолько обширна, что, посредством своей оценки или наделением «видимостью», способна влиять на символический капитал агентов прочих полей, например, научного. Можно говорить о зависимости индивидуальных агентов полей культурной продукции, таких как, писатели, ученые, артисты и другие, от гегемонии коммерческой выгоды, предоставляемой СМИ.

Таким образом, специфика «двойных эффектов» заключается в том, что телевидение как инструмент журналистского поля ставит под вопрос независимость других полей посредством наделения чужеродных агентов символическим капиталом медийной известности, открывающим возможность занятия привилегированного положения в интересующем их поле, пренебрегая установленной позиционной динамикой агентов данного поля. В то же время, обладая монополией на внушение цензурированного внутренними категориями журналиста коммерческого информационного продукта, воспроизводя «готовые идеи» и сенсационный материал, апеллирующий к первичным страстям, телевидение расширяет круг зрительской публики, не способной произвести оценку качества предлагаемого им продукта, причем, сам журналист оказывается жертвой производимого материала. Коллективный продукт поля журналистики способствует деполитизации и конформизму зрителя, его ментальной ограниченности ввиду банализации и унификации предоставляемой информации, что делает его легко внушаемым к навязыванию определенных социальных представлений.

Библиографические ссылки

1. *Бурдые, П.* О телевидении и журналистике / П. Бурдые; пер. с фр. Т.В. Анисимовой и Ю. В. Марковой. отв. ред. и предисл. Н.А. Шматко. – М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», Институт экспериментальной социологии, 2002. – 150 с.
2. *Тодуров, Г. А.* Концепция символической власти П. Бурдые / Г. А. Тодуров // *Academy*. – 2015. – №3 (3). – С. 51–54.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ДЕПРЕССИВНЫХ ЧЕРТ ХАРАКТЕРА СО СТАТУСОМ В ГРУППЕ У ДЕТЕЙ 6-7 ЛЕТ

Р. Х. Тихомиров

tikhorro@gmail.com;

*Научный руководитель – А. И. Кулак, кандидат психологических наук,
доцент*

В статье представлены результаты исследования взаимосвязи депрессивных черт характера со статусом в группе у детей 6-7 лет. В настоящее время существование депрессии у детей и подростков признано большим количеством детей, подверженных депрессивным состояниям. Во многом на данный факт влияют межличностные отношения детей со сверстниками. Материалы работы могут применяться в учебном процессе, а также в области установления депрессии у детей и подростков, её профилактики, по средству коррективки социального статуса детей в группе.

Ключевые слова: депрессивные черты характера, депрессия, эмоциональная сфера, статус в группе, межличностные отношения, младший школьный возраст.

Старший дошкольный возраст – это возраст психологической зрелости. Меняется социальный статус ребенка. Он/она начинает осознавать, что в его/ее жизни скоро произойдет много изменений: он/она пойдет в школу и станет на шаг ближе к привлекательному миру взрослой жизни. Однако доминирующим видом деятельности для старших дошкольников по-прежнему является игра [1, с.122].

Ребенок дошкольного возраста начинает интересоваться тем, как к нему относятся окружающие и как они его оценивают. Эмоциональное благополучие ребенка зависит от того, соответствуют ли его реальные качества и способности («Я-реальное») его идеальному представлению о себе («Я-идеальное»). Несоответствие же может привести к потере чувства собственного достоинства, самоуважения и уверенности в себе [2, с.22].

Депрессия представляет собой сложное эмоциональное расстройство, направленное на отсутствие положительных эмоций и повышение уровня эмоционального раздражения. Дети дошкольного возраста обладают широким спектром развития эмоциональной сферы, что включает в себя необходимость построения отношений с различными категориями людей. Однако депрессия является одним из наиболее важных проявлений эмоционального сферы дошкольников, так как именно она оказывает негативное влияние на развитие ребенка в целом. Основными симптомами депрессии у детей являются: расстройства двигательной активности, недостаток энергии, скука, желание постоянно плакать и т.д. Основными причинами возникновения у детей дошкольного возраста депрессии являются: негативные отношения в семье, патологии центральной нервной системы и генетическая предрасположенность.

Л.Н. Галигузова отмечает: «в дошкольном возрасте мир ребенка больше не ограничивается семьей. Теперь для ребенка важны не только мать, отец или бабушка, но и другие дети и сверстники. Опыт первых взаимоотношений со сверстниками является основой для дальнейшего развития личности ребенка. Этот первый опыт во многом определяет отношение человека к себе, к другим и к миру в целом. К концу дошкольного возраста между детьми возникают устойчивые, избирательные привязанности и появляются первые зародыши дружбы» [3, с.11].

В старшем дошкольном возрасте дети активно вступают во внеситуативное и когнитивное общение.

А. Руксталис отмечал: «сильная эмоциональная насыщенность детского общения, по-видимому, связана с тем, что начиная с четырехлетнего возраста сверстники становятся более популярными и привлекательными партнерами по общению. Общение более важно при взаимодействии со сверстниками, чем со взрослыми. Так же важной особенностью детского контакта является его нестандартность и ненормативность.» [4, с.182].

Межличностные отношения играют важную роль в системе развития личности ребенка старшего дошкольного возраста. Отмечено, что именно в данной возрастной категории дети по большей части общаются со сверстниками и стоят определенные аспекты взаимоотношений в данных группах респондентов. Мы видим, что есть необходимость в том, чтобы оценить определенные особенности мотивации общения и развития межличностных отношений. Социометрический статус представляет собой важное положение в группе сверстников и формирует систему межличностных взаимоотношений в коллективе. Мотивация определения того или иного социометрического статуса может базироваться как на системе общения, типе социального взаимодействия и индивидуальных личностных характеристиках.

В связи с этим на базе ГУО «СШ №138 г. Минска» было проведено исследование на выявление взаимосвязь депрессивных черт характера со статусом в группе детей 6-7 лет (84 ребёнка в возрасте 6-7 лет (1 класс). Из них 37 девочек и 47 мальчиков.).

Гипотеза исследования: дети 6-7 лет с высоким социальным статусом в группе проявляют меньше депрессивных свойств личности.

Для проведения эмпирической части исследования были использованы следующие методики: «Социометрия» автор Дж. Морено; Опросник детской депрессии (CDI), М. Ковач.

Для определения взаимосвязи между рассматриваемыми переменными был использован коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Выбор данного критерия заключался в отклоняющейся от нормального распределения выборки, а так же в представленных шкалах которые являются ранговыми.

**Двухсторонний коэффициент ранговой корреляции Спирмена
между шкалами «Статус в группе» и CDI**

		CDI	A	B	C	D	E
Статус в группе	<i>Коэффициент корреляции</i>	-0.601	-0.408	-0.514	-0.270	-0.610	-0.441
	<i>Знач. (двухсто- ронняя)</i>	0.000	0.000	0.000	0.013	0.000	0.000

Данные полученные в ходе статистического анализа свидетельствуют о том, что между статусом в группе и CDI существуют следующие значимые взаимосвязи:

Заметная обратная взаимосвязь $r=-0.601$ между статусом в группе и общим показателем депрессии (CDI) с высоким уровнем значимости $p<0,001$.

В исследуемой возрастной группе преобладает необходимость реализации себя через общение, за счёт чего показатель статуса в группе является важным фактором психологического благополучия учащегося и развития у него депрессивной симптоматики.

Умеренная обратная взаимосвязь $r=-0.408$ между статусом в группе и Шкалой А с высоким уровнем значимости $p<0,001$.

Данная взаимосвязь определяется ощущениями учащихся в группе – чем больше людей с которыми ты можешь поговорить и поделиться эмоциональным состоянием, тем более проявляется поддержка и возникает чувство безопасности в учебном коллективе и негативная депрессивная симптоматика снижается.

Заметная обратная взаимосвязь $r=-0.514$ между статусом в группе и Шкалой В с высоким уровнем значимости $p<0,001$.

Шкала В напрямую связана с межличностными проблемами, в соответствии с коммуникативным процессом который формирует социальные связи и устанавливает статус в группе. В соответствии с этим при нарушении данного процесса высока вероятность отторжения учащегося группой и нарастанием депрессивной симптоматики.

Слабая обратная взаимосвязь $r=-0.270$ между статусом в группе и Шкалой С со значимым уровнем корреляции $p<0,05$.

Данная взаимосвязь является слабой за счёт реализации детей 6-7 лет себя в группе через процесс коммуникации, за счёт которого и выстраивается статус в группе, а не успешной учебной деятельности. Однако Шкала С формирует показатели самооценки и самоудовлетворённости которые играют важную роль при реализации себя в обществе и уменьшении депрессивной симптоматики.

Заметная обратная взаимосвязь $r=-0.610$ между статусом в группе и Шкалой D с высоким уровнем значимости $p<0,001$.

Шкала D является проекцией ангедонии - снижение мотивации или способности испытывать удовольствие. Детям важно чувствовать эмоциональное подкрепление, а из-за его отсутствия или принятия несоответствующей

формы некоторые члены коллектива могут отвергаться и соответственно их статус в группе будет понижаться.

Умеренная обратная взаимосвязь $r=-0.441$ между статусом в группе и Шкалой Е с высоким уровнем значимости $p<0,001$.

Шкала Е отражает самооценку респондента и в том числе его уверенность в себе которые необходимы при построении контактов (начале разговора и закреплении коммуникативной связи), что является основой формирования статуса в группе. В соответствии с чем можно сделать вывод – чем ниже самооценка, тем ниже статус в группе и депрессивная симптоматика более выражена.

Подводя итог можно отметить что статус детей в группе является одним из важных факторов при рассмотрении развития у них депрессивной симптоматики. В особенности большую роль играют межличностные процессы взаимодействия и личностные (процесс воспитания, общая атмосфера в семье) формирующие благоприятный эмоциональный фон ребёнка.

Следовательно, повышая/нормализуя статус в группе (увеличивая круг общения) показатели депрессивной симптоматики будут понижаться – гипотеза подтверждена.

Для профилактики развития депрессии у детей необходима организация психологической помощи в школах и училищах, детям необходимо объяснить необходимость посещения психолога при возникновении проблем.

Школа для предотвращения развития депрессивных черт у детей 6-7 лет может сделать следующее:

1. Сформировать благоприятный школьный климат для психологического благополучия:
2. Информировать о видах психологического неблагополучия и ресурсах самопомощи.
3. Проводить специальные программы, направленные на профилактику депрессии и повышение жизнестойкости, стрессоустойчивости.

Так же может помочь тренинговая работа направленная на сплочение коллектива и развитие асертивности. Кроме того для повышения статуса в группе после анализа социометрического исследования необходимо провести рассадку за парты согласно социальному статусу ребёнка - «непринятый», с их выбором или статусом выше.

Библиографические ссылки

1. *Божович Л.И.* Личность и ее формирование в детском возрасте. СПб.: Питер, 2008. 464 с.
2. *Веракса, Н.Е.* Развитие ребенка в дошкольном детстве. М.: Мозаика-Синтез, 2006. 98 с.
3. *Галигузова, Л.Н.* Формирование потребности в общении со сверстниками у детей раннего возраста: автореф. дис. . канд. психол. наук. М.: Академия, 2013. 19 с.
4. *Зеньковский, В.В.* Психология детства: Учеб. пособие. М.: Академия, 2006. 247 с.

ОСОБЕННОСТИ ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СЕМЬЯХ, НАХОДЯЩИХСЯ В СОЦИАЛЬНО ОПАСНОМ ПОЛОЖЕНИИ

К. А. Тратинко

vergimont@gmail.com;

Научный руководитель — Н.Н. Красовская, кандидат социологических наук, доцент

В статье рассматриваются особенности проблемы детско-родительских отношений в семьях, находящихся в социально-опасном положении; представлены результаты эмпирического исследования направленного на выявление особенностей стиля родительского воспитания и эмоционального взаимоотношения в семьях находящихся в социально-опасном положении.

Ключевые слова: семья; семейное неблагополучие; социально опасное положение; детско-родительские отношения.

В настоящее время в нашей стране серьезную озабоченность государственных органов и общества в целом вызывает рост числа неблагополучных семей. Семейное неблагополучие является одной из острейших социально-психологических проблем любого общества. В последние годы интерес к данной проблеме значительно вырос, что обусловило необходимость более тщательного исследования причин, форм, динамики семейного неблагополучия.

Своеобразным показателем семейного благополучия оказывается поведение ребенка. Корни неблагополучия в поведении детей разглядеть легко, если дети вырастают в явно неблагополучных семьях. Гораздо труднее сделать это применительно к тем «трудным» детям и подросткам, которые воспитывались в семьях вполне благополучных. И только пристальное внимание к анализу семейной атмосферы, в которой проходила жизнь ребенка, попавшего в «группу риска», позволяет выяснить, что благополучие было относительным. Внешне урегулированные отношения в семьях зачастую являются своеобразным прикрытием царящего в них эмоционального отчуждения как на уровне супружеских, так и отношений между детьми и их родителями. Дети испытывают острый дефицит родительской любви и внимания по причине постоянной занятости родителей [1].

Семья, находящаяся в социально-опасном положении, утрачивает значительное число семейно-нравственных традиций, меняется отношение родителей к детям и, в конечном итоге, разрушается микросоциум семьи. [2].

Детско-родительские отношения представляет собой систему межличностного взаимодействия, в которой формируются основные установки и социальные ориентиры. С их помощью, в детях, закладывается уникальная

долговременная модель поведения, которая в дальнейшем формирует поведение ребёнка в обществе. [3, с. 33].

Нами было проведено эмпирическое исследование, направленное на выявление особенностей детско-родительских отношений в семьях, находящихся в социально опасном положении. В исследовании приняло участие 62 семьи. Из них: 31 – семьи, находящиеся в социально опасном положении (первая группа), и 31 - благополучные семьи (вторая группа). Для этого двум группам семей был предложен тест-опросник «Анализ семейного воспитания» (АСВ, Э.Г. Эйдемиллер, В.В. Юстицкис) и «Анкета исследования особенностей эмоциональной стороны детско-родительского взаимодействия» (Е.И. Захарова).

Описание методов статистической обработки данных. Обработка результатов проводилась с помощью статистического программного пакета SPSS Statistics v.22.0. Результаты исследования были обработаны статистически путем расчета t-критерия Стьюдента и критерия χ^2 (Хи-квадрат).

Анализируя полученные данные, можно сделать вывод: основной причиной постановки на учет семьи как находящейся в социально опасном положении является злоупотребление матерью спиртными напитками или наркотическая зависимость (в 25 случаях из 31). Во всех семьях отмечается наличие 2-х и более критериев социально опасного положения (СОП). К ним относятся таких как неудовлетворительные санитарно-гигиенические условия проживания, отсутствие в квартире отдельного спального места для ребенка, аморальный образ жизни матери, бытовые скандалы на почве злоупотребления матерью и совместно проживающими родственниками спиртными напитками, низкий материальный достаток и отсутствие продуктов питания для детей.

Результаты тест-опросника «Анализ семейного воспитания» свидетельствуют о том, что достоверные различия были выявлены по следующим шкалам: гиперпротекция ($t=2,87$; $p<0,01$), потворствование ($t=3$; $p<0,01$) недостаточность обязанностей ребенка ($t=2,03$; $p<0,05$), предпочтение детских качеств ($t=2,11$; $p<0,05$), воспитательная неуверенность родителей ($t=4,16$; $p<0,001$).

На наш взгляд, наличие у родителей из первой группы достоверных различий по показателю «гиперпротекция» можно объяснить следующим образом. «Гиперпротекция» – это система отношений, при которых родители, обеспечивая удовлетворение всех потребностей ребенка, ограждают его от каких-либо усилий и трудностей. Чаще всего в основе этого типа взаимоотношений лежит пассивность родителей как воспитателей, их воспитательная неуверенность. Воспитательную неуверенность родителя можно было бы назвать «слабым местом» личности родителя.

Преобладание статистически достоверных различий по показателю «предпочтение детских качеств» во второй группе, на наш взгляд, объясняется тем, что для данных родителей имеет место страх и нежелание взросления своих детей. Выявленные достоверные различия по показателю «недостаточность обязанностей» указывают на проблемы в вопросах воспитания детей у родителей второй группы.

Полученные результаты по методике «Анкета исследования особенностей эмоциональной стороны детско-родительского взаимодействия» позволили выявить различия между второй и первой группой в блоке поведенческие проявления, являющиеся интегративными характеристиками эмоциональной стороны взаимодействия родителей и детей.

Различия были получены по шкалам: оказание эмоциональной поддержки ($t=6,76$, при $p<0,001$); ориентация на состояние ребенка при построении взаимодействия ($t=3,3$, при $p<0,01$); умение воздействовать на состояние ребенка ($t=3,46$, при $p<0,001$).

Это указывает на то, что родители из первой группы реже, чем родители из второй группы дают понять своим детям, что верят в их силы, ценят старания и достижения своих детей и хвалят своего ребенка. Родители первой группы предпочитают при взаимодействии с ребенком опираться на его состояние, объясняя это тем, что не могут справиться со своим ребенком и поэтому предпочитают ему уступить. Данные характеристики указывают на педагогическую некомпетентность родителей первой группы.

Результаты исследования позволили сделать следующие выводы:

1. Семьи, находящиеся в социально опасном положении, являются преимущественно неполными. Следовательно, можно говорить о том, что мать выступает единственным законным представителем ребенка и единственным кормильцем в семье.

2. Основной причиной постановки семьи на учет, как находящейся в социально опасном положении, является злоупотребление матерью спиртными напитками или ее наркотическая зависимость. Таким образом, причины социально опасного положения указывают на отрицательное, разрушительное, десоциализирующее влияние семьи на формирование личности ребенка.

3. Семьи, находящиеся в социально опасном положении, характеризуются особенностями в детско-родительских отношениях, проявляющимися в гиперпротекции, потворствовании, воспитательной неуверенности родителей. Эмоциональная сторона детско-родительских взаимоотношений характеризуется нарушениями в блоке поведенческие проявления (оказание эмоциональной поддержки и умение воздействовать на состояние ребенка). Следовательно, семьи, находящиеся в социально опасном положении, ха-

рактируются нарушениями в детско-родительских отношениях и являются неблагополучными по педагогическому фактору риска, т.е. они являются «педагогически некомпетентными».

Из опыта практической работы необходимо отметить, что успех профилактической работы на этапе первичной профилактики во многом зависит от организации и обеспечения процесса прогнозирования. Целью прогнозирования является минимизация неопределенности при выборе наилучшего варианта решения конкретной задачи. Следовательно, понимание специалистом, что профилактические мероприятия наиболее эффективны – есть не что иное, как залог успешного результата на выходе.

При этом особый упор необходимо делать на: выявление ресурсов семьи (сильных сторон семьи); включение семьи (родителей) в социальную, профессиональную и лично-полезную деятельность с целью повышения социального статуса, качества жизни, уровня родительской компетентности; содействие оздоровлению психологического микроклимата семьи, способствующего эмоциональному принятию, созданию безопасной среды и привязанности без насилия или причинения иного ущерба себе и окружающим.

Библиографические ссылки

1. *Поспелова Н. С.* Краткая характеристика семей группы риска по признаку социального сиротства // Сацыяльна-педагагічная работа, Минск, 2007.
2. Психология неблагополучной семьи / *В.М. Целуйко* [и др.]; под общ. ред. *В.М. Целуйко*. М.: Изд-во Владос-пресс, 2004.
3. *Трапинко Т. В.* Технологии работы с несовершеннолетними группы социального риска [Электронный ресурс] : учеб.-метод. пособие. Минск: БГУ, 2020.

ВЗАИМОСВЯЗЬ УРОВНЯ САМОАКТУАЛИЗАЦИИ И ДИАЛОГИЧНОСТИ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПЕРИОД РАННЕЙ ВЗРОСЛОСТИ

М. А. Хабарова

Mcvrs61@gmail.com;

Научный руководитель – Е.И. Цюхай, старший преподаватель

В статье представлены результаты исследования взаимосвязи самоактуализации и диалогичности межличностных отношений в период ранней взрослости. В период ранней взрослости личностям с высоким уровнем самоактуализации характерен высокий уровень диалогичности межличностных отношений. Искреннее стремление познать другого способствует собственному развитию человека. Полученные данные могут быть использованы в работе психологами системы образования.

Ключевые слова: самоактуализация; диалогичность межличностных отношений; ранняя взрослость; студенты.

Стремление к личностному росту и самоактуализации являются определяющими для гармонично развивающейся личности. В современном обществе от человека требуется умение мыслить критически, не следуя на поводу у остальных. Согласно А. Маслоу, *не достигшие высокого уровня самоактуализации люди не способны принимать на себя ответственность*. При этом у них становится ярко выраженной потребность в любви и уважении других людей, в общении с которыми они постоянно нуждаются [1]. Актуализация более высокой потребности (например, самоактуализации) возможна лишь после удовлетворения потребностей, расположенных на нижестоящих уровнях иерархии.

Особенностью настоящего времени является относительная доступность удовлетворения базовых потребностей личности в период ранней взрослости; в связи с быстрым развитием цифровых технологий и Интернет-пространства в большинстве случаев сложностей у молодых людей при преодолении ряда препятствий в ходе развития не возникает [2].

Гипотезой исследования стало предположение о взаимосвязи уровня самоактуализации личности и диалогичности межличностных отношений. С одной стороны, человек, стремящийся к саморазвитию и самосовершенствованию, более открыт для общения и готов к диалогичным отношениям, в которых он может проявлять свои таланты и способности. С другой стороны, построение тесных межличностных отношений необходимое условие для получения внимания и заботы окружающих, с которыми можно разделить ответственность за происходящее.

Исследование. В исследовании приняли участие 47 человек (12 юношей

и 35 девушек), обучающиеся в высших учебных заведениях, в возрасте от 17 до 22 лет.

Сбор данных осуществлялся с использованием: 1) «Опросника диагностики самоактуализации личности» («САМОАЛ») Э. Шострома в адаптации А.В. Лазуркина, Н.Ф. Калина; 2) «Шкалы диалогичности межличностных отношений» С.В. Духновского [3].

Полученные данные обрабатывались при помощи статистического пакета SPSS Statistics v. 22 с проведением корреляционного анализа Спирмена.

Результаты. Выявленные статистически значимые корреляционные связи между шкалами самоактуализации и диалогичностью межличностных отношений приведены в табл.

Значимые корреляции между шкалами самоактуализации и диалогичности отношений в период ранней взрослости

Название шкалы	Диалогичность		Самоценность		Конструктивность	
	ρ	ρ	ρ	ρ	ρ	ρ
Стремление к самоактуализации	0,304*	0,038			0,563**	0,000
Ориентация во времени	0,353*	0,015			0,370*	0,010
Ценности	0,544**	0,000	0,292*	0,047	0,548**	0,000
Взгляд на природу человека	0,389**	0,007			0,467**	0,001
Аутосимпатия	0,310*	0,034			0,297*	0,043

* Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).

** Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

Эмоциональный компонент межличностных отношений отражает шкала «**Самоценность**», в то время как шкала «**Ценности**» – те характеристики, свойственные для самоактуализированной личности, которые человек разделяет: добро, красота, совершенство, справедливость, истина, порядок, целостность, эмпатия [4]. Можно предположить, что самоактуализирующиеся личности способны понять и принять уникальность каждого человека, оценить *важность имеющихся межличностных отношений* с окружающими, так как эти люди смотрят на мир и на окружающих людей по-другому, в более широком контексте. Они ценят доверительные, честные отношения с другими, не терпят вранья и недомолвок, и сами себе не позволяют подобного.

Когнитивный компонент межличностных отношений находит отражение в шкале «**Конструктивность**». Прямая взаимосвязь конструктивности и ориентации во времени указывает на способность к выстраиванию диалогичных, конструктивных отношений, не омраченных предшествующими разногласиями или мелкими недопониманиями. *Честность, открытость*

и вера в людей стремящейся к самоактуализации личности повышают конструктивность межличностных отношений, построенных в соответствии с социальными ролями их участников и актуальной жизненной ситуацией.

Прямая взаимосвязь между шкалами «Взгляд на природу человека» и «Конструктивность» объяснима наличием устойчивого основания для искренних, гармоничных межличностных отношений, естественной симпатии и доверия к людям, честности, непредвзятости и доброжелательности, свойственным самоактуализирующимся людям. Выстраиванию конструктивного диалога с другими способствует умение *услышать собеседника, встать на его точку зрения*.

Шкала «Взгляд на природу человека» описывает веру в людей, в могущество человеческих возможностей. Высокий показатель интерпретируется как устойчивое основание для искренних, гармоничных межличностных отношений, естественная симпатия к людям. Высокий уровень значимости взаимосвязи данной шкалы с конструктивностью объясняется проявлением *эмпатии, терпимости и уважения* к другим людям, склонностью увидеть в каждом человеке потенциал и ценность, как неотъемлемых составляющих конструктивных межличностных отношений.

«Аутосимпатия» – хорошо осознаваемая позитивная «Я-концепция», служащая источником устойчивой адекватной самооценки. Высокий уровень аутосимпатии не только способствует лучшему *пониманию, принятию себя и собственных эмоций*, адекватной реакции на них, но и помогает пониманию и принятию других людей.

Шкала «Ориентация во времени» показывает, насколько человек живет настоящим, не откладывая свою жизнь «на будущее». Самоактуализирующимся людям, способным жить настоящим, свойственно выстраивать здоровый, конструктивный диалог с другими, не припоминая прошлых обид и не ориентируясь на возможную пользу от общения в будущем. Такие люди способны *ценить межличностные отношения* сами по себе, не ориентируясь на наличие или отсутствие «полезности» от связей.

Умеренная по силе прямая взаимосвязь свидетельствует, что молодым людям с высоким уровнем самоактуализации характерен высокий уровень диалогичности межличностных отношений. Человек, достигший высокого уровня самоактуализации, обладает уверенностью в себе, добротой и эмпатией, что позволяет уважать и понимать точку зрения других людей. Он открыт к диалогу, стремится познать другого, что *способствует его собственному развитию*. Способность понимать собеседника позволяет человеку познавать человеческую природу, эффективно взаимодействовать с окружающими.

Таким образом, взаимосвязь стремления к самоактуализации и диалогичности характеризует человека, который в конструктивных межличностных отношениях путем познания окружающих лучше узнает себя. Самоактуализирующаяся личность способна видеть уникальность другого человека, а не ресурс или инструмент для достижения собственных целей. Она ценит и дорожит общением, стремится понять и принять человека таким, какой он есть. Выстраивая здоровые, диалогичные отношения, молодые люди познают человеческую природу, саморазвиваясь и становясь чем-то большим.

Библиографические ссылки

1. Маслоу А. Дальние пределы человеческой психики. СПб. : Евразия, 1999.
2. Крупенина Н. С. Барьеры самореализации личности в современном мире // Гуманитарные основания социального прогресса: сб. статей науч.-практ. конф. М., 2016. С. 262–261.
3. Духновский С. В. Диагностика межличностных отношений. СПб. : Речь, 2009.
4. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб. : Изд-во Питер, 2014.

ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ ПЕДАГОГОВ С РАЗЛИЧНЫМ УРОВНЕМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ВОСТРЕБОВАННОСТИ

К. Г. Цыдик

tsydik.com@gmail.com;

Научный руководитель – Е.И. Цюхай, старший преподаватель

В статье представлены результаты исследования особенностей эмоционального выгорания педагогов с различным уровнем профессиональной востребованности. Установлено, что степень деперсонализации и эмоционального истощения значимо выше у педагогов с низкой профессиональной востребованностью. В целом менее востребованные в профессиональном плане педагоги более склонны к эмоциональному выгоранию. Полученные результаты могут быть использованы при построении профилактической работы с педагогами учреждений образования.

Ключевые слова: эмоциональное выгорание; профессиональная востребованность; эмоциональное истощение; деперсонализация; редукция персональных достижений; педагоги.

Профессия педагога в значительной степени подвержена риску эмоционального выгорания, так как предусматривает тесное общение с людьми [1]. Существующие противоречия между профессиональными требованиями, предъявляемыми к педагогу, и возможностью его оптимальной реализации в профессии повышают этот риск. Выявление факторов, закономерностей развития и разработка методов решения проблемы выгорания остаются по-прежнему актуальными.

Один из подходов к пониманию феномена эмоционального выгорания был предложен К. Маслач и М. Лейтером. В его основу легла идея рассмотрения взаимодействия личностных и ситуационных факторов в возникновении выгорания [2]. Промежуточную позицию среди факторов занимает профессиональная востребованность педагога, под которой понимают динамическую метасистему отношений социума, личности и профессии, являющуюся одновременно и процессом, и результатом вхождения человека в социокультурную реальность [3].

Недостаточная профессиональная востребованность педагога сопровождается сильным эмоциональным напряжением, негативной оценкой собственной профессиональной деятельности, сомнениями в пользе результатов своего труда. В то время как при высоком уровне востребованности человек чувствует себя компетентным и авторитетным профессионалом, отличается позитивным самоотношением.

Исследование. В исследовании приняли участие 60 женщин-педагогов средних школ и гимназии г. Гродно и г. Минска в возрасте 19–72 лет (средний возраст составил – 38 лет). Педагогический стаж работы участников исследования варьировался от 1 года до 45 лет.

Сбор данных осуществлялся с использованием методик: 1) «Профессиональное выгорание» (ПВ) Н.Е. Водопьяновой и Е.С. Старченковой, созданной на основе методики МВІ К. Маслач и С. Джексона; 2) «Профессиональная востребованность личности» (ПВЛ) Е.В. Харитоновой, А.Б. Ясько.

Статистическая обработка данных проводилась с применением t-критерия Стьюдента и H-критерия Краскела-Уоллиса, а также с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена.

Результаты. У большинства педагогов отмечен высокий (28 человек, или 46,7% всех опрошенных) и средний (26 человек, или 43,3%) уровень профессиональной востребованности, низкий уровень отмечен лишь у 6 человек (10%).

Между группами педагогов с различным уровнем профессиональной востребованности были выявлены статистически значимые различия по компонентам эмоционального выгорания «Эмоциональное истощение» ($p < 0,01$) и «Деперсонализация» ($p < 0,05$). Следовательно, педагоги с недифференцированным представлением о себе как представителе конкретного профессионального сообщества, склонны к *деперсонализации*. Это проявляется в эмоциональной отстраненности, формальном выполнении обязанностей, а в отдельных случаях – в негативизме и циничном отношении, обусловленном уверенностью в собственной некомпетентности и незначимости для других.

Низкий уровень профессиональной востребованности педагогов сопровождается их *эмоциональным истощением* в виде сниженного эмоционального тонуса, повышенной психической истощаемости и аффективной лабильности, неудовлетворенностью жизнью в целом. Болезненное переживание ненужности результатов своей профессиональной деятельности другими характерно для педагогов с низкими показателями общего уровня профессиональной востребованности.

Значимые коэффициенты ранговой корреляции Спирмена, полученные в исследовании, представлены в таблице.

**Значимые взаимосвязи между шкалами опросника ПВЛ
и методики ПВ**

Шкалы	Эмоциональное истощение	Деперсонализация	Редукция персонaльных достижений	Интегральный показатель выгорания
Удовлетворенность реализацией профессионального потенциала	- 0,492**	- 0,412**		- 0,330**
Принадлежность к профессиональному сообществу	- 0,412**	- 0,394**		- 0,347**
Переживание профессиональной востребованности	- 0,484**			- 0,337**
Профессиональная компетентность	- 0,320*	- 0,350**		- 0,319*
Профессиональный авторитет	- 0,458**	- 0,402**		- 0,431**
Оценка результатов профессиональной деятельности	- 0,561**	- 0,510**	+ 0,310*	- 0,503**
Отношение других	- 0,523**	- 0,486**		- 0,522**
Самоотношение	- 0,661**	- 0,464**	+ 0,261*	- 0,550**
Общий уровень профессиональной востребованности	- 0,527**	- 0,435**		- 0,444**

* Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).

** Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

С уменьшением удовлетворенности степенью реализации своего профессионального потенциала у педагога усиливается деструктивное отношение к другим участникам учебного процесса. Педагог, чей профессиональный опыт недостаточно востребован, (это характерно для начинающих специалистов) часто сомневается в пользе выполняемой им деятельности и в собственных возможностях, что выражается в сильном эмоциональном напряжении, повышенной психической истощаемости.

Взаимосвязь между переживанием профессиональной (не)востребованности и эмоциональным выгоранием свидетельствует, что педагог болезненно переживает ненужность результатов его деятельности для других, ожидая негативное и/или индифферентное отношение к себе как профессионалу.

Формированию у педагога четкого представления о себе как о профессионале может способствовать *сосредоточенность на собственной позиции* относительно ценности выполняемой деятельности, переживание

ее личностной значимости. Тогда как сомнения в пользе своего труда усиливают эмоциональное выгорание.

Таким образом, эмоциональное выгорание, а именно деперсонализация и эмоциональное истощение преобладают у педагогов с низкой профессиональной востребованностью по сравнению с педагогами, имеющими средний и высокий показатели профессиональной востребованности. Специалисты, не в полной мере реализующие свой профессиональный потенциал, имеющие недифференцированное представление о себе как представителе педагогического сообщества, склонны болезненно переживать свою профессиональную невостребованность, в том числе ощущение ненужности результатов своего труда для других. Подобные переживания их эмоционально истощают, побуждают лично отстраняться и безразлично относиться к выполнению обязанностей.

Вероятно, позитивное отношение педагога к себе как профессионалу, положительная оценка результатов выполняемой им деятельности в перспективе способны снизить риск эмоционального выгорания.

Библиографические ссылки

1. *Бладыко А. В.* Особенности эмоционального выгорания у учителей и преподавателей // Психология: традиции и инновации: материалы I Междунар. науч. конф. Уфа, 2012. С. 34–39.
2. *Maslach C.* Understanding burnout: Definitional issues in analyzing a complex phenomenon // *Job Stress and Burnout*: ed. by W.S. Paine. Beverly Hills / London / New Delhi : Sage Publications, 1982. P. 29–40.
3. *Харитонова Е. В.* Социально-профессиональная востребованность личности: к обоснованию психологической концепции // Вестник Адыгейского государственного университета. 2011. № 3. С. 1–5.

NEW ACTUALIZATIONS OF THE PHILOSOPHY OF OSWALD SPENGLER

Y. A. Yahela

yana.krupenia@gmail.com;

Research Advisor – Anatoliy I. Zelenkov, Doctor of Philosophy, Professor

German philosopher O. Spengler, best known for his two-volume work «The Decline of the West», has been considered an enigmatic and ambiguous figure in academic circles, occupying peripheral status in serious literature. This article aims to demonstrate signs of a renaissance of Spenglerian thought and to establish its role and significance for a newly forming field of study – global history. As the relevance of some of O. Spengler's ideas in different subject areas is being discovered and the German philosopher gradually gains legitimate status within some academic circles, the question of the methodological and prognostic force of his ideas reemerges.

Keywords: Oswald Spengler; global history; world history; theory of civilization; Spenglerianism;

O. Spengler was a German philosopher of the 20th century best known for his magnum opus «The Decline of the West». He remains an enigmatic figure whose works, though wildly popular initially, were openly criticized and often disregarded or ignored in academic circles. There has been ongoing discussion around his works, many researchers have tried to conclude the debate around the subject matter by claiming that O. Spengler's ideas and work are undoubtedly unsound, unscientific, inconsistent, etc. Every time it would seem that the debate was finally over only to be revived once again. The beginning of the 21st century marks a renaissance of Spenglerian thought. The philosopher's ambiguous status as well as the heightened interest in his works and ideas make it a relevant object of study. This article aims to demonstrate signs of a renaissance of Spenglerianism, as well as uncover its role and significance for a newly forming field of study – global history. As the relevance of some of his ideas in different subject areas is being discovered and the German philosopher gradually gains legitimate status within some academic circles, the question of the methodological and prognostic force of his ideas re-emergence.

When O. Spengler's work first came out it gained a lot of attention and was generally very popular. Despite this, he was often viewed as an obscure and marginal figure in academic circles. Many scholars and intellectuals disregarded his work, heavily criticizing it on various grounds including methodological inconsistency and factual inaccuracy. At the same time there were notable thinkers like T. Adorno, G. Simmel, H. Kissinger, L. Wittgenstein among others who noted the significance and potential of O. Spengler's works. Currently the German philosopher is still regarded as a dubious figure, but certain circumstances point to a

high likelihood of a change in perception. One such circumstance is the recent heightened interest in his work and ideas. Articles discussing or mentioning O. Spengler and his work appear on a regular basis. Recently a number of books have been published covering various aspects of O. Spengler's views including a doctoral thesis [1; 2]. The Philosophical Journal of Conflict and Violence issued a volume in 2022 dedicated to O. Spengler and «The Decline of the West» [3]. In 2017 The Oswald Spengler Society was founded. The organization remains active dedicating itself to the study of world history while «drawing inspiration from the works and ideas of Oswald Spengler» [4]. In the foreword to the above mentioned journal, philosopher G. M. Swer points out that interest and research into the work of O. Spengler has never stopped, moreover recently interest in his intellectual legacy has spiked [4]. Professor D. Engels in the recently published book «Key Thinkers of the Radical Right» (2019) observes that «there [has] been something of a renaissance of Spengler, exemplified by an ever-growing series of studies and conferences» [2, p. 13-15]. The current wave of interest is perhaps the most significant since the initial popularity of «The Decline of the West» when it was first published. New actualizations of O. Spengler's ideas are most apparent within the realm of political and global historical thought. We will focus on the latter.

O. Spengler's philosophy of history is presented in the two-volume work «The Decline of the West». He offered an understanding of history that refused the popular at the time Eurocentric approach. The German philosopher also helped to shape the perception of Western culture as a whole, describing it as Faustian in its core essence. He offered an organicist approach viewing cultures as something similar to living organisms. Each culture inevitably goes through the stages of birth, development, decline and death. It has a unique «soul» fundamentally impenetrable to other cultures. The culture of the West is only one of the many souls to exist and is currently entering the stage of decline which O. Spengler termed as civilization. Though «The Decline of the West» was often denied any significance in historical thought, it helped spark fruitful conversation and debate. In some cases, it inspired great works of historical thought. For example, the English historian A. Toynbee built on O. Spengler's approach creating a similar civilizational theory. The prominent American historian W. McNeill wrote one of his main works «The Rise of the West: a History of human Community» (1963) as an antidote to the German philosopher's «The Decline of the West». Unlike O. Spengler's magnum opus, «The Rise of the West» gained a general approval even in academic circles at the time and was claimed to be one of the most influential books on history written in the 20th century. The book greatly contributed to forming the field of world history studies. After the book came out many campuses rebranded their Western civilization courses into world history [5]. Ameri-

can historian B. Mazlish would later call O. Spengler and A. Toynbee the «guardian angels» of global history and stated that they «strongly influenc[ed] William McNeill, recognized by many as the father of world history» [6; p. 105-106]. Currently global history, which is a more sophisticated and contemporary version of world history, is a field of study that is quickly developing and offers much potential to significantly influence not only the general field of history studies and the philosophy of history, but all of the humanities and social sciences [7; p. 3-6]. Global history is a subject matter as well as a methodological approach that may have such long-reaching implications as to «effect a change in the organization and institutional order of knowledge» [7; p. 4]. It is a new phenomenon and naturally there is no consensus on the definition of global history, but there are some fundamental aspects upon which most researchers agree. Comparing these generally accepted aspects with O. Spengler's ideas will help uncover his role and significance in global history. On the one hand, global history is meant to offer a new perspective of looking at the historical process from the outside, observing from a bird's-eye view. This means the nation-state perspective is forfeited as essentialist and one-sided, generally unable to make objective observation due to its inherent short-sightedness. The genealogy of this fundamental aspect of global history can be traced back to O. Spengler [2; 8]. This idea permeates the «The Decline of the West» and until recently it was generally rejected by many researchers and scholars. On the other hand, global history accentuates the study of history as a process of interconnectedness, exchange and integration. This line of thought is contrary to what O. Spengler suggests: cultures are unable to truly comprehend and influence other cultures, they are discreet entities developing in accordance with the inner workings of their «soul». Recently historian D. Pereira offered a reconsideration of O. Spengler's and A. Toynbee's contribution to global history. He views both authors as source of a «dark root» within the new field of study. The concept of the «dark root» encompasses «the controversial, speculative and anti-scientific claims» of O. Spengler and A. Toynbee, namely the cyclical vision of history, the intention to predict the future and perhaps discreetness of cultures. D. Pereira views O. Spengler's «The Decline of the West» as a foundational work of the «dark root» of global history. The historian points out that one of the contemporary researchers of global history D. Christian comes to a similar conclusion as did O. Spengler and A. Toynbee: «Ironically, the path of science leads Christian to the same Spenglerian and Toynbian destinations, that is, that the major and fundamental hazard to civilization, in this case a global civilization, comes from inwards and not outwards». The author notes that some of the criticism aimed at O. Spengler and A. Toynbee may soon be refuted scientifically [8; p. 693].

In conclusion we have established, firstly, that the popularity of O. Spengler is generally on the rise and he is potentially gaining a legitimate status within some academic circles. Second, one of the new actualizations of Spengler's ideas is within a new, influential and quickly-developing field of study: global history. Both of these factors give reason to believe that a shift in the status and perception of Spengler's work is already taking place. The shift grants Spengler's work a more significant place in the realm of human knowledge, bringing his ideas up for serious consideration, including questions regarding their methodological and prognostic force.

References

1. *Lewis B.* Oswald Spengler and the Politics of Decline. New York; Berghahn Books, 2022. 238 p.
2. *Key Thinkers of the Radical Right: Behind the New Threat to Liberal Democracy* / ed. By Mark Sedgwick. New York; Oxford University Press, 2019. 325 p.
3. Oswald Spengler's international influence: from the decline of the west till the present day [Electronic resource] // *Philosophical Journal of Conflict and Violence*. 2022. Vol. VI, iss. 2. URL: <https://trivent-publishing.eu/home/151-pjcv-62-oswald-spengler.html>. (date of access: 15.03.2023).
4. The Oswald Spengler Society [Electronic resource]. URL: <https://www.oswaldspenglersociety.com/the-society>. (date of access: 02.04.2023).
5. *Roberts S.* William H. McNeill, Professor and Prolific Author, Dies at 98 [Electronic resource] // *The New York Times*. URL: <https://www.nytimes.com/2016/07/13/books/william-h-mcneill-professor-and-prolific-author-dies-at-98.html>. (date of access: 12.03.2023).
6. *Mazlish B.* *The New Global History*. // New York; Routledge, 2006. 131 p.
7. *Conrad S.* *What is Global History?* // New Jersey; Princeton University Press, 2016. 299 p.
8. *Pereira D.* "Dark Root" of Global History: Contributions made by Oswald Spengler and Arnold Toynbee. // *Brazilian Journal of International Relations*. 2021. Vol. 10, n. 3. P. 677-698.